

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ
Н. С. ЛѢСКОВА.

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. П. Сементковскаго и съ приложеніемъ портрета Лѣскова, гравированнаго на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

ТОМЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

Приложеніе къ журналу „Нива“ на 1903 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.

1903.

Артистическое заведение А. Ф. МАРКСА, Измайл. пр., № 29.

СМѢХЪ И ГОРЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Свѣжій мартовскій вѣтеръ гудко шумѣлъ деревьями большого Таврическаго сада въ Петербургѣ и быстро гналъ по погожему небу ярко-красныя облака. На дворѣ было около восьми часовъ вечера; сумерки съ каждою минутою надвигались все гуще и гуще, и въ небольшой гостиной опрятнаго домика, выходившаго окнами къ одной изъ оранжерей опустѣлаго Таврическаго дворца, ярко засвѣтилась бѣлая фарфоровая лампа, разливавшая тихій и ровный свѣтъ по уютному покою. Это было въ одномъ дружескомъ семействѣ, куда я, дядя мой Орестъ Марковичъ Ватажковъ и еще двое нашихъ общихъ знакомыхъ только-что вернулись съ вербнаго базара, что стоитъ у Лазаревой суботѣ у Гостиного двора. Мы всѣ пришли сюда прямо съ этого базара и разговорились о значеніи праздничныхъ сюрпризовъ.

Семейный домъ, въ которомъ мы собрались, былъ изъ числа тѣхъ домовъ, гдѣ не спѣшатъ отставать отъ завѣтныхъ обычаевъ. Здѣсь извѣстные праздничные дни отличаются отъ простыхъ дней года всѣми мелочами, какими отличались эти дни у отцовъ и дѣдовъ. Тутъ непременно поздній обѣдъ при звѣздѣ наканунѣ Рождества; кутья по Предтечѣ въ Крещенскій сочельникъ; жаворонки дѣтямъ 9-го марта, а въ воскресенье предъ Страстною недѣлей вербные подарки. Послѣдніе обыкновенно состояли изъ разныхъ игрушекъ и сюрпризовъ, которые наканунѣ съ вечера закупались на вербномъ базарѣ у Гостиного двора и рано утромъ подвѣшивались на лентахъ подъ пологами дѣтскихъ кроватокъ. Каждый подарокъ украшался вѣткою вербы и

крылатымъ херувимомъ... Дѣти были увѣрены, что вербные подарки имъ приносить самъ этотъ вербный херувимъ или, какъ они его называли, «вербный купидонъ».

Объ этихъ подаркахъ и зашла теперь рѣчь: все находили, что подарки—прекрасный обычай, который оставляетъ въ дѣтскихъ умахъ самыя теплыя и поэтическія воспоминанія; но дядя мой, Орестъ Марковичъ Ватажковъ, человѣкъ необыкновенно выдержанный и благовоспитанный, вдругъ горячо запротиворѣчилъ и сталъ настаивать, что все сюрпризы вредны и не должны имѣть мѣста при воспитаніи ни гдѣ, а тѣмъ паче въ Россіи.

— Потому,—продолжалъ дядя:—что здѣсь и безъ того что ни шагъ, то сюрпризъ, и притомъ самый скверный; такъ зачѣмъ же вводить дѣтей въ заблужденіе и пріучать ихъ ждать отъ внезапности чего-нибудь пріятнаго? Я допускаю, въ видѣ сюрприза, только одно—сѣчь ребенка.

Все переглянулись; кое-кто улыбнулся.

— Это и понятно, что Оресту Марковичу непріятно говорить о дѣтяхъ и о дѣтствѣ,—сказала хозяйка. — Старые холостяки не любятъ дѣтей.

— Опять долженъ вамъ возражать, — отвѣчалъ дядя. — Хотя я уже и дѣйствительно въ такихъ лѣтахъ, что не могу обижаться именованіемъ стараго холостяка, но, тѣмъ не менѣе, дѣтей я люблю, а сюрпризы для нихъ считаю вредными, потому что это вселяетъ въ нихъ ложныя надежды и мечтанія. Надо готовить дѣтей къ жизни сообразно ожидающимъ ихъ условіямъ, а такъ какъ жизнь на Руси чаще всего самыхъ лучшихъ людей ни за что ни про что бьетъ, то въ видѣ сюрприза можно только развѣ бить и наилучшихъ дѣтей и то преимущественно въ тѣ дни, когда они заслуживаютъ особой похвалы.

— Вы чудачествуете, Орестъ Марковичъ?

— Нимало: вербные купидоны для меня, какъ и для вашихъ дѣтей, еще не перешли въ область прошедшаго, и я говорю о нихъ даже не безъ замиранія сердца.

— Это шутка?

— Нисколько. Чтò за шутка серьезными вещами.

— Такъ это исторія?

— Даже нѣсколько исторій. если вамъ угодно: лучше сказать, это такое же potpourri изъ сюрпризовъ, какъ бываетъ potpourri изъ пѣсенъ.

— И вы, можетъ-быть, будете такъ любезны, что расскажете намъ кое-что изъ вашего *potpourri*?

— Охотно,—отвѣчалъ мой дядя:—тѣмъ болѣе, что здѣсь и тепло, и свѣтло, и пріятно, и добрые снисходительные слушатели, а мое *potpourri* варьировано на интереснѣйшую тему.

— А именно?

— А именно вотъ на какую: всѣ полагаютъ, что на Руси жизнь скучна своимъ однообразіемъ, и ѣздить отсюда за границу *развлекаться*, тогда какъ я утверждаю и буду имѣть честь вамъ доказать, что жизнь нигдѣ такъ не разнообразитъ самыми внезапнѣйшими разнообразіями, какъ въ Россіи. По крайней мѣрѣ я уѣзжаю отсюда за границу именно *для успокоенія* отъ калейдоскопической пестроты русской жизни, и думаю, что я не единственный экземпляръ въ своемъ родѣ.

— Орестъ Марковичъ! Мы васъ слушаемъ.

— Милостивые государи! Я повинуюсь и начинаю.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

— Большинству здѣсь присутствующихъ обстоятельно извѣстно, что я происхожу изъ довольно древняго русскаго дворянскаго рода. Я записанъ въ шестую часть родословной книги своей губерніи; получилъ въ наслѣдство по разнымъ прямымъ и боковымъ линіямъ около двухъ тысячъ душъ крестьянъ; учился когда-то и въ Россіи, и за границей; служилъ неволею въ военной службѣ; холостъ, корнетъ въ отставкѣ, имѣю преклонныя лѣта, живу постоянно за границей и проѣдаю тамъ мои выкупныя свидѣтельства; очень люблю Россію, когда ея не вижу, и непомѣрно раздражаюсь противъ нея, когда живу въ ней, а потому наѣзжаю въ нее какъ можно рѣже, въ экстренныхъ случаяхъ, подобныхъ тому, отъ котораго сегодня только освободился. Я рассказываю вамъ все очень подробно и не утаиваю никакихъ мелочей моего характера, эгоистическаго и мелкаго, не дѣлающаго мнѣ ни малѣйшей чести. Я знаю, что вы меня за это не почтете вашимъ особеннымъ вниманіемъ, но я уже, во-первыхъ, старъ, чтобы заискивать себѣ чье-нибудь расположеніе лестью и притворствомъ, а во-вторыхъ, строгая истина совершенно необходима въ моемъ полуфащастическомъ разказѣ для того, чтобы вы ни на ми-

нугу не заподозрили меня во лжи; преувеличеніяхъ и утайкахъ.

Въ воспитаніи моемъ есть что-то необыкновенное. Я русскій, но родился и выросъ внѣ Россіи. Должность родныхъ лишь, подъ которыми я впервые осмотрѣлся, исправляли для меня южные каштаны, я крещенъ въ водѣ итальянской рѣки и глаза мои упали впервые солнце на итальянскомъ небѣ. Родители мой постоянно жили въ Италіи. Отецъ мой не былъ изгнанникъ, но, тѣмъ не менѣе, сѣверъ былъ для него вреденъ, и онъ предпочиталъ родинѣ чужіе края. Мать моя тосковала по Россіи и научила меня любить ее и стремиться къ ней. Когда мнѣ минуло шесть лѣтъ, стремленію этому суждено было осуществиться: отецъ мой, катаясь на лодкѣ въ Генуэзскомъ заливѣ, опрокинулся и пошелъ какъ ключъ ко дну въ море. Послѣ этой потери, югъ утратилъ для насъ съ матерью свое значеніе, и мы потянулись съ нею на сѣверъ. Мнѣ о ту пору было всего восемь лѣтъ. Тогда и по Европѣ еще сплошь ѣздили въ дилижансахъ, а у насъ плавали по грязи.

Я не помню уже сколько дней мы ѣхали до Петербурга, сколько потомъ отъ Петербурга до Москвы и далѣе отъ Москвы до далекаго уѣзднаго города, вблизи котораго, всего въ семи верстахъ, жилъ мой дядя. Эта продолжительная и утомительная поѣздка, или, вѣрнѣе сказать, это плаваніе въ тарантасахъ по грязи, по тридцати верстѣ въ сутки на почтовыхъ, останется вѣчно въ моей памяти. Я какъ будто вчера еще только отбылъ эти муки, и у меня даже еще ноютъ при всякомъ движеніи хрящи и ребра. Я поистинѣ могу сравнить это странствованіе съ странствованіями Одиссея Лаэртида. Приключенія были чуть не на каждомъ шагу, и покойница матушка во всѣхъ этихъ приключеніяхъ играла роль добраго генія.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Благія вѣщательства моей матери въ судьбы странниковъ начались съ перваго же ночлега по петербургскому шоссе, которое существуетъ и по-днесъ, но о которомъ всѣ вы, нынѣшніе легковѣсные путешественники, разумѣется, не имѣете никакого понятія. Желѣзныя дороги—большое препятствіе къ изученію Россіи, я въ этомъ положительно увѣренъ, но это а прогос... Какъ сейчасъ помню: теплый осен-

ній вечеръ; полоска слабого свѣта чуть брезжится на западѣ и на ней отъ времени до времени вырѣзываются силуэты ближайшихъ деревьевъ: они все казались мнѣ солдатиками, и я мысленно сравнивалъ ихъ съ огненными мужичками, которые пробѣгаютъ по сторѣвицей, но не истлѣвшей еще бумагѣ, брошенной въ печку. Я любилъ, бывало, засматриваться на такую бумагу, какъ засмотрѣлся ѣдучи и на полосу заката. и вовсе не замѣтилъ, какъ она угасла и какъ передъ остановившимся внезапно экипажемъ вытянулась черная полоска какихъ-то городулечъ, испещренныхъ огненными точками краснаго цвѣта, отражавшагося длинными и острыми стрѣлками на темныхъ дужахъ шоссе, по которымъ порывистый вѣтеръ гналъ безконечную рябь. Это былъ придорожный поселокъ, станція и ночлегъ. Борисъ Савельичъ, старый и высокій, съ сѣдымъ кокомъ лакей, опытный путешественникъ, отряженный дядею въ наши провожатые и высланный намъ навстрѣчу въ Петербургъ для сопровожденія насъ въ завѣтную глубь Россіи, соскочилъ съ козелъ и отправился на станцію. Я видѣлъ, какъ его грандіозная, внушающая фигура въ безпредѣльной, подпоясанной ремнемъ, волчьей шубѣ, поднялась на крыльцо; видѣлъ, какъ въ окнѣ моталась тѣнь его высокаго кока и какъ потомъ онъ тотчасъ же вышелъ назадъ къ экипажу, крикнувъ ямщику: «не смѣй отпрягать», и объявилъ матушкѣ, что на почтовой станціи остановиться почевать невозможно, потому что тамъ проѣзжіе ремонтеры играютъ въ карты и пьютъ вино, а «ночью,—добавлялъ намъ провожатый,—хотя они и благородные, но у нихъ навѣрное случится драка». Матушка страшно перепугалась этого доклада и тотчасъ же сдалась на предложеніе Бориса Савельича отѣхать на постоялый дворъ къ какому-то Петру Ивановичу Гусеву, который, по словамъ Бориса, былъ «отличнѣйшій человекъ и имѣлъ у себя для проѣзжающихъ преотличные покои».

Дворъ этого отличнѣйшаго человека былъ всего въ двухъ шагахъ отъ станціи, и не успѣлъ Борисъ скомапдовать: «къ Петру Ивановичу», какъ экипажъ нашъ свернулъ съ шоссе налѣво, прокатилъ по небольшому мостику чрезъ придорожную канаву и, проползя нѣсколько шаговъ по жидкой грязи, застучалъ по бревенчатому помосту подъ темными сараями крытаго двора. Посрединѣ этого двора, подъ высокими стропилами, висѣлъ на перекинутой чрезъ блокъ веревкѣ боль-

шой фонарь, ничего не освѣщавшій, но глядѣвшій на все точно красный глазъ кикиморы. Въ непроглядной тѣмѣ подъ сараями кое-гдѣ слышались человѣческіе голоса и то тихій стукъ конскихъ зубовъ, жевавшихъ овесъ, то усталое лошадиное отпирхиванье.

Матушка и моя старая няня, возвращавшаяся съ нами изъ-за границы, высвободившись изъ-подъ вороха шубъ и мѣховыхъ одѣялъ, укутывавшихъ наши ноги отъ пронзительнаго вѣтра, шли въ «упокою» ифликомъ, а меня Борисъ Савельичъ несъ на рукахъ, покинувъ предварительно свой кушакъ и шанку въ тарангасѣ. Держась за воротникъ его волчьей шубы, я мечталъ, что я сказочный царевичъ и ѣду на сказочномъ же сѣромъ волкѣ.

«Упокоевъ», которыми соблазнили насъ Борисъ, къ нашимъ услугамъ, впрочемъ, не оказалось. Встрѣтившая насъ въ верхнихъ сѣняхъ баба, а затѣмъ и самъ Петръ Ивановичъ Гусевъ,—атлетическаго роста мужчина съ окладистой бородой, — ласковымъ голосомъ и съ честнѣйшимъ видомъ, объявилъ намъ, что въ «упокояхъ» передѣлываются печи и ночевать тамъ невозможно, но что въ залѣ престолично и чай кушать, и опочивать можно на диванахъ.

— А барчуку,—добавилъ онъ, указывая на меня: — мы смостимъ два креслица и пуховичокъ подклинимъ.

Мать рѣшила, что это прекрасно и, взявъ съ хозяина слово, что онъ въ залу уже никого, кромѣ насъ, не пуститъ, велѣла подать самоваръ. Последнее распоряженіе матушки тотчасъ же вызвало со стороны Бориса осторожное, шопотомъ выраженное замѣчаніе, что, молъ, этакъ, не спросивши напередъ цѣны, на постоялыхъ дворахъ ничего спрашивать невозможно.

— Хотя это точно,—говорилъ Борисъ:—что мы съ вашимъ братцемъ всегда останавливаемся у Петра Ивановича и онъ обижать насъ по-настоящему не долженъ, ну, а все же правило того требуетъ, чтобы спросить.

Борисъ Савельичъ былъ изъ числа тѣхъ крѣпостныхъ людей, выросшихъ въ передней господскаго дома, для которыхъ поѣздки, особенно далекія поѣздки въ столицу, въ Москву или Петербургъ, составляли высшее удовольствіе. Въ этихъ поѣздкахъ онъ могъ щеголять своею опытностью, знашемъ свѣта, тонкимъ пониманіемъ людей и вообще такими свѣдѣніями, какихъ при обыкновенномъ теченіи жизни

ему показать было некому, да которыхъ отъ него въ обыкновенное время никто и не спрашивалъ. Все, что онъ ни дѣлалъ въ дорогѣ,—все это онъ дѣлалъ какъ бы нѣкое священнодѣйствіе, торжественно, величественно и притомъ съ нѣкоторымъ жреческимъ лукавствомъ.

Въ большой комнатѣ, которую мы для себя заняли. Борисъ Савельичъ тотчасъ же оріентировалъ насъ къ углу, гдѣ была тепло, даже жарко натопленная печка. Онъ усадилъ меня на лежанку, матушку на диванъ и безпрестанно прибѣгалъ и убѣгалъ съ разными узлами, дѣлая въ это время отрывочныя замѣчанія то самому дворнику, то его кухаркѣ, — замѣчанія, состоявшія въ томъ, что не въ-время они взялись передѣлывать печки въ упокояхъ, что темно у нихъ въ сѣняхъ, что вообще онъ усматриваетъ у нихъ въ хозяйствѣ большія нестроенія.

Затѣмъ Борисъ убѣгалъ снова и снова возвращался съ корзинками, въ которыхъ были припасенные въ дорогу напущники и пирожки. Все это было разложено на печкѣ на чистой бумагѣ, и Борисъ Савельичъ, разбирая эту провизію, внушалъ матушкѣ, что все это надо кушать, а у дворника ничего не брать, потому-де, что у него все очень дорого.

— Я про ужинъ для себя полюбопытствовалъ, говорилъ Борисъ: — да полтину просить, такъ я ему въ глаза и плюнуть.

Матушку такая рѣзкость смутила, и она поставила это Борису на видъ; но тотъ только махнулъ рукой и отвѣчалъ, что съ торговымъ человѣкомъ на Руси иначе обходиться невозможно.

— Нѣхъ, матушка,— увѣрялъ онъ:— и попь когда крестить, такъ въ самое темя имъ три раза плюеть.

Это меня очень заинтересовало, и я снова замечтался, какъ это производится указанная Борисомъ процедура, а между тѣмъ былъ поданъ самоваръ; я выпилъ одну чашку, почувствовалъ влеченіе ко сну и меня уложили на той же теплой лежанкѣ. Матушка расхаживала по комнатѣ, чтобы размять ноги, а Борисъ съ нянькою сѣли за чай: они пили очень долго и въ совершенномъ молчаніи. Я, потягиваясь на лежанкѣ, все наблюдалъ, какъ моя нянька краснѣла и, какъ мнѣ казалось, распухала. Она мнѣ тогда представлялась бѣлой пивкой, какихъ я, впрочемъ, никогда не ви-

далъ; я думалъ: вотъ еще, вотъ еще, раздуется моя няня и хлопнетъ. И точно, старуха покраснѣла, раздулась, разстегнула даже платокъ на груди и отпала. Но Борисъ Савельичъ упорно оставался одинъ за столомъ. Онъ сидѣлъ прямо, какъ будто проглотилъ аршинъ, и наливалъ себѣ мѣрно стаканъ за стаканомъ, съ очевиднымъ непреложнымъ намѣреніемъ выпить весь самоваръ до послѣдней капли. Онъ не раздувался и не краснѣлъ, какъ няня, но у него зато со всякимъ хлебкомъ пристрашно выворачивались вѣки глазъ и изъ сѣдого его чуба вылеталъ и возносился легкій паръ. Мнѣ очень хотѣлось спать, но я не могъ уснуть, потому что все мною наблюдаемое чрезвычайно меня занимало. Это была она, моя завѣтная, моя долгожданная Россія, которую я жаждалъ видѣть ежесекундно. Она была въ этой безпріютной комнатѣ, въ этомъ пузатомъ самоварѣ, въ этомъ дымящемся чубѣ Бориса.

Но наблюденіямъ моимъ готовъ былъ и иной матеріалъ.

Среди такихъ занятій нашей компаніи, о которыхъ я рассказываю, подъ окнами послышался шумъ отъ подъѣхавшаго экипажа, и вслѣдъ затѣмъ стукъ въ ворота и говоръ. Няня взглянула въ окно и сказала:

— Шестерная карета!

— Ну, какъ пріѣхали, такъ и уѣдутъ,— отвѣчалъ ей Борисъ:—останавливаться негдѣ;—но въ эту минуту на порогѣ явился умильный Петръ Ивановичъ и съ занскивающей подобострастною улыбкою началъ упрашивать мать во что бы то ни стало дозволить напиться чаю въ нашей комнатѣ проѣзжей генеральшѣ. Борисъ Савельичъ окрысился-было за это на дворника, какъ песь Дагобера, но, услышавъ со стороны матери предупредительное согласіе, тотчасъ же присѣлъ и продолжалъ допивать свой чай и дымиться. Я имѣлъ чортъ знаетъ какое возвышенное понятіе о русскихъ генералахъ, про которыхъ няня мнѣ говорила дива и чудеса, и потому я торжествовалъ, что увижу генеральшу.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Въ комнату нашу вошла большая, полная, даже почти толстая дама съ косымъ проборомъ и съ мушкой на лѣвой щекѣ. За ней четыре барышни въ ватныхъ шелковыхъ капотахъ, за ними горничная дѣвушка съ красивымъ дорожнымъ ларцемъ изъ краснаго сафьяна, за дѣвучкой лакей

съ ковромъ и нѣсколькими подушками, за лакеемъ ливрейнымъ лакей не-ливрейный съ маленькою собачкой. Генеральша, очевидно, была недовольна, что мы заняли комнату, прежде чѣмъ она накушалась здѣсь своего чаю.

Она извинялась передъ матушкой, что побезпокоила ее, но извинялась такимъ страннымъ тономъ, какъ будто мы были предъ нею въ чемъ-то виноваты и она насъ прощала. Матушка по своей добротѣ ничего этого не замѣчала и даже радовалась, что она можетъ чѣмъ-нибудь услужить проѣзжимъ, вызывалась заварить для нихъ новый чай и предложила дочерямъ генеральши нашихъ отогрѣтыхъ пирожковъ и папушниковъ. Но генеральша отклонила матушкино хлѣбосольство, объяснивъ, все въ томъ же неприступномъ тонѣ, что она разогрѣтаго не кушаетъ и чаю не пьетъ, что для нея сейчасъ сварять кофе въ ея кофейникъ, а пока... она въ это время обратилась къ Петру Ивановичу и сказала:

— Послушай, мужикъ, у тебя есть что-нибудь завтракать?

— Матушка.—отвѣчала, выгибаясь, Петръ Ивановичъ:—у меня сію минуту индюкъ въ печи сидитъ, на станцію для ремонтеровъ жарить, да если твоей милости угодно, мы тебѣ его подадимъ, а они подождутъ.

— Давай,—приказала генеральша.

Нашъ Борисъ тряхнулъ чубомъ и еще съ бѣльшимъ ожесточеніемъ сталъ плотать остывающій чай. И мнѣ, и Борису показалось, что генеральша приказала подать индюка единственно затѣмъ, чтобъ унизить этимъ насъ, занимавшихъ въ комнатѣ лучшее мѣсто, но скромно подкрѣплявшихся чаемъ и разогрѣтыми пирожками. Всѣ мы были не мало перекопфужены этимъ начинавшимъ подавлять насъ великосвѣтскимъ сосѣдствомъ и нетерпѣливо ждали появленія индюка, въ надеждѣ, что вслѣдъ затѣмъ гости наши покушаютъ и уйдутъ.

Наконецъ, явился и онъ. Какъ теперь его помню: это былъ огромный, хорошо поджаренный, подрумяненный индюкъ, на большомъ деревянномъ блюдѣ и въ его папоротку былъ артистически воткнутъ свергающій клинокъ большого ножа съ бѣлой костяною ручкой. Петръ Ивановичъ подаль индюка и, остановясь, сказалъ:

— Прикажете раскронть?

— Нѣтъ, пожалуйте, пожалуйте... твоихъ услугъ не надо, — отвѣчала генеральша.

Петръ Ивановичъ, не конфузясь, отошелъ въ сторону.

На столѣ запылалъ кофейникъ, и генеральша обратилась къ дочерямъ съ вопросомъ, чего кому хочется. Ни одной не хотѣлось ничего. Надо помнить, что это были тѣ времена, когда наши барышни считали обязанностью держаться неземными созданьями и кушали очень мало, а потому генеральша только и могла отрѣзать отъ индюка одно крылышко. Это крылышко какая-то изъ дѣвицъ подержала въ рукахъ, покусала и бросила на тарелку. Затѣмъ лакей доложилъ, что карета готова, и чопорные гости стали собираться. Но тутъ произошла престранная исторія, впервые поколебавшая мое высокое понятіе о генеральшахъ.

Петръ Ивановъ явился съ огромными счетами, началъ выкладывать за теплоту и за свѣтлоту, и вдругъ потребовать за жаренаго индюка семнадцать съ полтиной (конечно на ассигнаціи).

Генеральша такъ и вскипѣла.

— Чтò ты, чтò ты! Да гдѣ же это за индюка семнадцать съ полтиной? Этакъ и за границей не деруть.

— Намъ, сударыня, за граница не указъ: мы свой расчетъ держимъ.

— Да мы твоей индюшки и не съѣли: ты самъ видишь, и одно крылышко отъ нея отлѣмилъ.

— Какъ вамъ угодно, — отвѣчалъ Петръ Ивановъ: только я ее теперь никому подать не могу. Какъ у насъ русскій дворъ, то мы, сударыня, только цѣлое подаемъ, особенно ремонтерамъ. потому какъ это господа завсегда строгіе.

— Ахъ, какой же ты мошенникъ! — закричала генеральша.

Петръ Ивановъ просилъ его не порочить.

— Нѣтъ, скажите Бога ради, мошенникъ онъ или нѣтъ? — обратилась генеральша занеживающимъ тономъ къ моей матери.

Мать промолчала, а Петръ Ивановъ положилъ на столъ счеты и вышелъ.

— Я не заплачу, — рѣшила генеральша: — ни за что не заплачу, — но тутъ же и спасовала, потому что вошедшій лакей объявилъ, что Петръ Ивановъ не выпускаетъ его съ вещами къ каретѣ.

— Ахъ, Боже мой, развѣ это же можно? — засуетилась генеральша.

— Торговаться впередъ надо.—отвѣчалъ ей поучительно Борисъ.

— Но, мой другъ, пойди, уговори его. — Вы позволите?

Мать позволила, Борисъ пошелъ, долго кричалъ и вернулся съ тѣмъ, что менѣе пятнадцати рублей не беретъ.

— Скажите, что же мнѣ дѣлать?—засуетилась снова генеральша.

Мать моя, зѣвая и закрывая ротъ рукою, отвѣчала генеральшѣ по-французски, что надо заплатить, и добавила, что съ одного ея кузена на Кавказѣ каіе-то казаки на постояломъ дворѣ потребовали пять рублей за пять яницъ, и когда тотъ не хотѣлъ платить, заперли его на дворѣ.

— Неужели это можетъ быть и со мною? — воскликнула генеральша и, заливаясь слезами, начала упрашивать Петра Иванова объ уступкѣ, но Петръ Ивановъ изъ пятнадцати рублей не уступилъ ни одной копейки, и деньги эти ему были заплачены; генеральша, негодующая и заплаканная, стала прощаться, проклиная Русь, о которой я слышала за границей одни нѣжные вздохи.

— Возьмите же, но крайней мѣрѣ, съ собою этого индюка: онъ вамъ пригодится,—сказала моя мать генеральшѣ.

Растерянная генеральша съ радостію согласилась.

— Да, да,—заговорила она:—конечно, жаркое пригодится.

И съ этимъ ея превосходительство, остановивъ за руку Петра Иванова, который хотѣлъ унести индюка, сказала ему:

— Позволь, позволь, батюшка: ты деньги получилъ, а индюкъ мой. Дай мнѣ сахарной бумаги, чтобы завернуть.

Петръ Ивановъ отказалъ, но мать встала съ своего мѣста, пересыпала рубленый сахаръ изъ бумажнаго картуза въ холщевый мѣшочекъ и передала его Борису, который тутъ же мастерски увернулъ индюка и вручилъ его непосредственно самой генеральшѣ. Встрѣча съ этою гордою дамою, ея надутый видъ и метаморфозы, которыя происходили съ нею въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, были для меня предметомъ не малаго удивленія.

Съ этихъ поръ я, при видѣ всякаго земного величія, постоянно не могъ огучиться задавать себѣ вопросъ: а какъ бы держало себя это велпчіе предъ индюкомъ и запертыми воротами?

Это невинное событіе преисполнило юную душу мою неулегаящимися волнами сомнѣнія и потомъ во многихъ случаяхъ моей жизни служило мнѣ соблазномъ и камнемъ преткновенія, о который я спотыкался и довольно больно разбилъ себѣ носъ.

Тотчасъ по отъѣздѣ генеральши въ нашей компаніи начались на ея счетъ самыя злыя насмѣшки, изъ чего я тогда же вывелъ для себя, сколь невыгодно выходить изъ собранія первымъ, а не послѣднимъ. Изъ этой же бесѣды мнѣ впервые уяснилось, что такое называется чванствомъ, фанфаронствомъ и другими именами. Но въ концѣ этого разговора матушка, однако, обратила Борисово вниманіе на то, что хорошъ же, моль, однако, и твой Петръ Ивановъ, — какой олъ мошенникъ! — Борисъ по этому поводу пустился въ безконечные рассказы о томъ, что придорожному человѣку, а тѣмъ больше дворнику, никогда вѣрить нельзя, будь онъ хоть самый честнѣйшій человѣкъ, ибо на большихъ дорогахъ... Тутъ онъ началъ рассказывать разныя страсти, слушая которыя я заснулъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Вслѣдъ за этимъ, я какъ сейчасъ помню небольшую почтовую станційку въ нижегородской губерніи, гдѣ мы натолкнулись на другую прстранную исторію. Это было во второй половинѣ нашего путешествія, которое мы уже два дня совершали гораздо лучше, потому что на землю выпалъ густой снѣгъ и сталъ первоутокъ. Мы бросили въ какомъ-то городишкѣ нашъ тарантасъ и вѣхали теперь въ кибиткѣ на полозьяхъ. Рассказы Бориса о дорожныхъ странахъ возымѣли на всѣхъ насъ свое устрашающее дѣйствіе, вслѣдствіе чего матушка по ночамъ аккуратно пересаживала Бориса съ козелъ въ возокъ. Помню, какъ онъ, бывало, влѣзалъ къ намъ въ волчьей шубѣ, внося съ собою цѣлое облако холоднаго пара, и обыкновенно сейчасъ же опять заводилъ страшные рассказы. Такъ мы проѣхали огромныя лѣсныя пространства, и однажды вечеромъ, остановясь передъ маленькою станційкой, увидѣли у крыльца кибитку съ тройкой дрожащихъ и дымящихся лошадей. На станціи была замѣтна какая-то суетня и бѣготня съ крыльца во дворъ и со двора на крыльцо. Всѣхъ, очевидно, занимало что-то и необыкновенное, и смѣшное, потому что всѣ

бѣгали, и не то охали, не то смѣялись. Одинъ верховой выскочилъ изъ воротъ и, скаля зубы, понесся въ одну сторону лѣса; другой, совсѣмъ помирая со смѣха и несчастно наступивая по бокамъ коня, поскакалъ въ другую. Мы рассчитывали здѣсь пить чай и вошли въ сѣни. Нянька вела подѣ руку матушку; Борисъ, по обыкновенію, несъ меня на рукахъ. Въ маленькой слабо освѣщенной комнаткѣ, въ которую мы вступили прямо изъ сѣней, была куча самыхъ странныхъ людей, съ самыми невѣроятными, длинными и горбатыми носами, какихъ я никогда до тѣхъ поръ не видалъ. Мнѣ даже показалось, что это вовсе не люди, а одни носы. Во всей этой смятенной сутолокѣ раздавался странный и непонятный говоръ и трепетный плачь съ какимъ-то гортаннымъ переливомъ. Три огромные носа въ огромныхъ бараньихъ шапкахъ держали надъ тазомъ четвертый носъ, изъ котораго въ двѣ противоположныя стороны били фонтаны крови. Эти носы были армяне, возвращавшіеся куда-то къ себѣ изъ Москвы. Ихъ было счетовъ четверо, и они ѣхали всего за полчаса предъ нами черезъ лѣсъ, который мы благополучно минули. Трое изъ армянъ сидѣли въ самой кибиткѣ, а четвертый, ихъ молодой приказчикъ, съ самымъ большимъ восточнымъ носомъ, помѣщался у нихъ на колѣняхъ, такъ что огромный носъ его высовывался изъ кибитки наружу. Вдругъ изъ лѣсной чащи раздался выстрѣлъ, и несчастный носъ этого злополучнаго армянина какъ разъ предъ самымъ кончикомъ прострѣленъ крупной леткой... Нужно же было случиться такой странности!

Мы застали армянина истекающаго кровью надъ тазомъ; около него всѣ кричали, суетились и никто ничего не предпринималъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, моя мать быстро разорвала свой носовой платокъ и устроила изъ него для раненаго бинтъ и компрессы, а Борисъ, выдернувъ изъ стоявшей на столѣ сальной свѣчки фитиль, продернулъ его армянину сквозь носъ, и перевязка была готова. Теперь всѣ только смѣялись, что, конечно, было очень испріятно раненому, но удержаться было невозможно. Этотъ жалкій армянинъ съ прострѣленнымъ носомъ и продернутымъ сквозь него фитилемъ изъ свѣчки былъ, дѣйствительно, до такой степени смѣшонъ, что, несмотря на его печальное положеніе, сама матушка моя постоянно отворачивалась, чтобы скрыть свой смѣхъ. Мы обогрѣлись и уѣхали съ этой стан-

щи, оставивъ на ней армянъ ожидать пристава, а сами съ этихъ поръ всю дорогу только и толковали про то, какъ и почему разбойникъ прострѣлилъ армянину не щеку, не ухо, а именно одинъ носъ? Признаюсь вамъ, я до сихъ поръ считаю это событіе совершенно чрезвычайнымъ, и когда заходитъ гдѣ-либо рѣчь о Промыслѣ или о фатализмѣ, я всегда невольно припоминаю себѣ этого армянина, получившаго въ носъ первое предостереженіе.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Третье путевое происшествіе, которое живыми чертами вѣзалось въ моей памяти, было уже всего за полтора ста верстъ отъ дядина имѣнія. На дворѣ стояла сухая морозная ночь. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями и искрился какъ рафинадъ. На лошадахъ и на людяхъ сверкали морозныя иглы. Мы подъѣхали къ большому непривѣтливому дому, похожему на заброшенныя боярскія хоромы. Это тоже была станція, на которой намъ категорически отказали въ лошадахъ и не обѣщали даже дать ихъ въ скорости. Дѣлать было нечего, мы выбрались изъ кибитки и пошли на станцію. Въ единственной большой комнатѣ, назначенной и для пріѣзжающихъ, и для смотрительскаго стола, мы нашли сердитаго, пресердитаго вида человѣка въ старой, поношенной бекешѣ. Это былъ станціонный смотритель. Онъ сидѣлъ, подперши голову обѣими руками, и смотрѣлъ въ огромную, тускло освѣщаемую сальнымъ огаркомъ книгу. При нашемъ появленіи онъ не тронулся и не ворохнулся, но, тѣмъ не менѣе, видно было, что чтеніе не сильно его занимало, потому что онъ часто зѣвалъ, скидывалъ глазами на пламя свѣчи, очищалъ пальцами нагаръ и, подлевая на пальцы, опять лѣниво переводилъ глаза къ книгѣ. Въ комнатѣ было мертвое молчаніе, прерываемое лишь то тихимъ и робкимъ, то громкимъ и азартнымъ чирканьемъ сверчка гдѣ-то за старою панелью теплой печки. И вотъ опять на столѣ чай, — это единственное универсальное лѣкарство отъ почтовой скуки; опять няня краснѣетъ, опять дымится Борисовъ чубъ, а смотритель все сидитъ и не удостоиваетъ насъ ни взгляда, ни звука. Богъ знаетъ, до чего бы додержалъ насъ здѣсь этотъ невозмутимый человѣкъ, если бы на выручку намъ не подослѣло самое неожиданное обстоятельство.

Среди мертвой тишины, подь окнами, послышался скрипъ полозьевъ, и въ комнату вошелъ бойкою и щеголеватой походкой новый путешественникъ. Это былъ высокій и стройный молодой человекъ, въ хорошей енотовой шубѣ, поднясанной краснымъ гаруснымъ шарфомъ, и въ франтовской круглой мѣховой шапочкѣ изъ боброваго котика. Онъ подошелъ прямо къ смотрителю и, вѣжливо положивъ ему на столъ свернутую дорожную, проговорилъ очень мягкимъ и, какъ мнѣ казалось, симпатическимъ голосомъ:

— Прошу васъ нарядить пять лошадей.

Смотритель, кажется, очень обрадовался, что судьба послала ему новаго человека, котораго онъ могъ помучить. Онъ даже искоса не взглянулъ на незнакомца и, отодвинувъ локтемъ его дорожную, сказалъ:

— Пять лошадей.

Дорожная упала на полъ. Молодой человекъ въ енотовой шубѣ поднялъ бумагу безъ гнѣва и вышелъ съ нею вонъ. Борисъ; няня и матушка только переглянулись между собою, а Борисъ даже прошепталъ вдогонку проѣзжему:

— Вотъ тебѣ и енотъ!

Смотритель, очевидно, ликовалъ. И впоследствии имѣлъ случай сдѣлать выводъ, что смотрительская должность имѣетъ свойство приготавливать въ людяхъ особенное расположеніе къ злорадству.

Но въ то время, какъ мы переглядывались, а смотритель радовался, въ сѣняхъ раздались тяжелые шаги, пыхтѣнье и сапъ, и затѣмъ дверь грозно распахнулась настежь.

Мы всѣ встрепенулись и насторожили и слухъ, и зрѣніе.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ комнату вилыло цѣлое облако холоднаго воздуха и въ этомъ воздухѣ заколебалась страшная черная масса, предъ которою за минуту вошедшій человекъ казался какою-то фитилькой. Масса эта, въ огромной черной медвѣжьей шубѣ съ широкимъ воротникомъ, спускавшимся до самаго пояса, съ аршинными отворотами на доходившихъ до пола рукавахъ, въ медвѣжьихъ сапогахъ и большой собольей шапкѣ,—вошла, рыкнула: «гдѣ?» и, по безмолвному манію слѣдовавшаго за нимъ енота, прямо надвинулась на смотрителя; одно мгновеніе,—что-то хлопнуло, и на полу, у ногъ

медвѣжьей массы. закопошился смотритель. Еще хлопъ— и новый полетъ кувыркою, и снова безмолвіе.

— Ты читалъ, мерзавецъ, подорожную? — заревѣлъ въ медвѣдь.

Смотритель стоялъ вытянувшись, дрожа и пятась.

— Читалъ?—грозно переспросилъ медвѣдь.

— Нѣ... нѣ... нѣтъ-съ.

Но еще прежде чѣмъ смотритель кончилъ это «нѣтъ-съ», въ комнатѣ опять раздалась оглушительнѣйшая пощечина и смотритель снова кувыркою полетѣлъ подъ столъ.

— Такъ ты даже не читалъ? Ты даже не знаешь, кто я? А небось ты четырнадцатымъ классомъ, каналья, пользуешься?

— Пользуюсь, ваше высокопревосходительство.

Оплеуха.

— Чинъ: «не бей меня въ рыло», имѣешь?

— Имѣю-съ.

— Избавленъ по закону отъ тѣлеснаго наказанія?

— Избавленъ-съ.

— Такъ вотъ же, не уповай на законъ! Не уповай!

И посыпались пощечина за пощечиной; летѣли онѣ градомъ, дождемъ, потокомъ; несчастный смотритель только что поднимался, какъ падалъ снова на полъ. Мы все въ испугѣ и ужасѣ и рѣшительно не знали, что это за Наполеонъ такой набѣжалъ, и какъ намъ себя при немъ держать, а смотритель все падалъ и снова поднимался для того, чтобы снова падать, между тѣмъ какъ шуба все косила и косила. Я и теперь не могу понять, какъ непостижимо-ловко наносила удары эта медвѣжья шуба. Она дѣйствовала какъ мельница: то однимъ крыломъ справа, то другимъ слѣва, такъ что это была какъ бы машина, ниспосланная сюда затѣмъ, чтобы наказать невозмутимаго чиновника. Вслѣдъ за послѣднимъ ударомъ шуба толкнула избитаго смотрителя сапогомъ подъ столъ и, не говоря ему болѣе ни слова, повернула къ дверямъ и исчезла въ морозномъ облакѣ; за медвѣдемъ ушелъ и енотъ. Чуть только она вышла, смотритель тотчасъ же выкарабкался, встряхнулся какъ пудель и тоже исчезъ. Черезъ секунду на дворѣ зазвенѣлъ его распорядительный голосъ, а еще черезъ минуту экипажъ ускакалъ. Смотритель, проводивъ гостей, вошелъ въ комнату, повѣсилъ на колышекъ шапку и сѣлъ къ своей

книгѣ, по прочиталъ немного. Онъ видимо нуждался въ бесѣдѣ: хотѣлъ облегчить свою душу разговоромъ, и потому, обратясь къ матушкѣ, сказалъ довольно спокойнымъ для его положенія тономъ:

— Вотъ, изволили видѣть, какія у насъ въ Россіи бываютъ по службѣ непріятности.

— Да, это ужасная непріятность.—отвѣчата моя сердобольная матушка и добавила:—Я удивляюсь, неужто вы все это такъ и оставите?

— Нѣтъ-съ: да что же... тутъ если все взыскивать, такъ и служить бы невозможно,—отвѣчатель смотритель.—Это большая особа: тайный совѣтникъ и сенаторъ (смотритель называлъ одну изъ важныхъ въ тогдашнее время фамилій). Отъ такого, по правдѣ сказать, оно даже и не обидно; а вотъ какъ другой разъ прапорщикъ какой набѣжитъ, или корнетъ, да тоже къ рылу лѣзетъ, такъ вотъ это ужъ очень противно.

Сказавъ это, смотритель вздохнулъ, вышелъ и велѣлъ запрягать намъ лошадей.

Такимъ образомъ, если вамъ угодно, я, проѣзжая по Россіи до мѣста моего пріюта, получилъ уже довольно своеобразные уроки и составилъ себѣ довольно самостоятельное понятіе о томъ, что можетъ ждать меня въ предстоящемъ. Все, что я ни видалъ, все для меня было сюрриризомъ, и я получилъ наклонность ждать, что впередъ пойдетъ все чуднѣе и чуднѣе.

Такъ оно и вышло.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Въ имѣніи дяди меня на первыхъ же порахъ ожидали еще новыя, гораздо болѣе удивительныя вещи. Братъ моей матери, князь Семень Одолѣнскій, безпардонный либераль самаго не либеральнаго времени, былъ человекъ, преисполненный всяческихъ противорѣчій и чудачествъ.

Онъ когда-то много учился, сражался въ отечественную войну, былъ масономъ, писалъ либеральнѣйшіе проекты и за то, что ихъ нигдѣ не принимали, сердился на всѣхъ,—на государя, на Сперанскаго, на г-жу Крюденеръ, на Филарета, уѣхалъ въ деревню и метилъ всѣмъ имъ оттуда разными чудачествами, вѣроятно оставшимися для тѣхъ никогда неизвѣстными. Онъ жилъ въ домѣ странномъ, страш-

номъ, желтомъ и такомъ длинномъ, что въ немъ, кажется, можно было уставить двѣ цѣлыя державы—Липпе и Кнингаузенъ. Въ этомъ домѣ братъ моей матери никогда не принималъ ни одного человѣка, равнаго ему по общественному положенію и образованію; а если кто къ нему по незнанію заѣзжалъ, то онъ отбоаривалъ гостей такъ, что они впередъ сюда уже не заглядывали. Назадъ тому лѣтъ двадцать, верстахъ въ сорока отъ него жила его родная тетка, старая княжна Авдотья Одольнская, которая лѣтъ пять сряду ждала къ себѣ племянника и, не дождавшись, потеряла, наконецъ, терпѣніе и рѣшила сама навѣститъ его. Для этого визита она выбрала день его рожденія и прикатила. Дядя, узнавъ о такомъ неожиданномъ родственномъ набѣгѣ, выслалъ дворецкаго объявить теткѣ, что онъ не знаетъ, по какому бы такому дѣлу имъ надобно было свидѣться. Однимъ словомъ, онъ ее выпроваживалъ; но тетка тоже была не изъ уступчивыхъ, и дворецкій, побесѣдовавъ съ ней, возвратился къ дядѣ съ докладомъ, что старая княжна пріѣхала къ нему, какъ къ новорожденному. Дядя нимало этимъ не смутился и опять выслалъ въ залъ къ теткѣ того же самаго дворецкаго съ такимъ отвѣтомъ, что князь, молъ, рожденію своему не радуются и поздравленія съ онымъ принимать не желаютъ, такъ какъ новый годъ для нихъ не что иное, какъ шагъ къ смерти. Но княжна и этимъ не пропалась: она сѣла на диванъ и велѣла передать князю, что до тѣхъ поръ не встанетъ и не уѣдетъ, пока не увидитъ новорожденнаго. Тогда князь позвалъ въ кабинетъ камердинера, разоблачился до-нага и вышелъ къ гостѣ въ чемъ его мать родила.

— Вотъ, молъ, государыня тетушка, каковъ я родился!

Княжна давай Богъ ноги, а онъ въ этомъ же райскомъ нарядѣ выпроводилъ ее на крыльцо до самаго экипажа.

Вообще присутствія всякаго ровни князь не сносилъ, а водился съ окрестными хлыстами, сочинялъ имъ для ихъ радѣній пѣсни и стихи, самъ мнилъ себя и хлыстомъ, и духоборцемъ, и участвовалъ въ радѣніяхъ, но въ Бога не вѣрилъ, а только юродствовалъ со скуки и досады, происшедшихъ отъ безсильнаго гнѣва на позабывшее о немъ правительство. Семьи законной у него не было: онъ былъ холостъ, но имѣлъ много дѣтей и не только не скрывалъ этого, но неумолчно требовалъ, чтобъ ему записали его дѣтей въ

формулярный списокъ. На бумагахъ же, гдѣ только была надобность спросить его «холостъ онъ или женатъ и имѣть ли дѣтей», онъ постоянно съ особеннымъ удовольствіемъ писалъ: «Холостъ, но дѣтей имѣю». Объ обществѣ онъ не заботился, потому что якобы пренебрегалъ всѣми «поклоняющимися злату и древу», и въ приемномъ покоѣ, гдѣ некого было принимать, держалъ на высокой, обитой краснымъ сукномъ колоннѣ литого изъ золота тельца со страшными зелеными изумрудными глазами. Предъ этимъ тельцомъ будто бы когда-то кланялись и / присягали по особой присягѣ поны и чиновники, и телець имъ выкidyвалъ за каждый поклонъ по червонцу, но впослѣдствіи все это дядѣ надоѣло, и комедія съ тельцомъ была брошена. Дѣловыми занятіями князя были безчисленные процессы, которые онъ велъ почти со всѣми губернскими властями, единственно съ цѣлью дразнить ихъ и оскорблять безнаказаннымъ образомъ. Въ этомъ искусствѣ онъ достигъ замѣчательнаго совершенства, и нерѣдко даже не однихъ чиновниковъ поражалъ неожиданностію и оригинальнію своихъ приемовъ. Онъ сочинялъ самъ на себя извѣты и доносы, чтобы завести переписку съ властями, имѣя заранѣе обдуманые планы какъ злитъ и безнаказанно обижать чиновниковъ. Пропадалъ, напримѣръ, въ сосѣднемъ съ нимъ губернаторскомъ имѣніи скотъ. Дядя тотчасъ призывалъ самаго ябедливаго дьячка, подпалывалъ его водкой, которой и самъ выпивалъ для примѣра, и вдругъ ни съ того, ни съ сего довѣрялъ дьячку, что губернаторскій скотъ стоитъ у него на задворкѣ. Черезъ недѣлю губернаторъ получалъ доносъ на дядю, и тотъ ликовалъ: всѣ хлопоты и заботы о томъ только и шли, чтобы вступить въ переписку. На первый же запросъ дядя очень спѣшно отвѣчалъ, что «я-де скота губернатора съ его полей въ свои закуты загонять никогда не приказывалъ, да и имѣть его скота нигдѣ вблизи меня и моихъ четвероногихъ не желаю; но опасаясь, не загналъ ли скота губернатора, по глуости, мой бурмистръ изъ села *Поганецъ*». По этому показанію особый чиновникъ летѣлъ въ село *Поганецъ*, и тамъ тоже, разумѣется, никакого «скота губернатора» не находилъ; а дядя уже строилъ новую бумагу, въ коей жаловался, что «*Поганецъ губернаторскій чиновникъ*, обыскивая, перепугалъ на скотномъ дворѣ всѣхъ племенныхъ телятъ». Если же дядѣ не

удавалось втравливать мѣстныхъ чиновниковъ въ переписку съ собою, то онъ строчилъ на нихъ жалобы въ томъ же тонѣ въ столицы. Такъ, въ одной жалобѣ, посланной имъ въ Петербургъ на мѣстнаго губернатора, онъ писалъ безъ запятыхъ и точекъ: «въ бытность мою въ губернскомъ городѣ на выборахъ я однажды встрѣтился съ господномъ начальникомъ губерніи и былъ изруганъ *имъ подлецомъ и мошенникомъ*», а въ другой разъ, въ просьбѣ, поданной въ уголовную палату, устроилъ, конечно съ умысломъ, въ разныхъ мѣстахъ подчистки нѣкоторыхъ словъ въ такомъ порядкѣ, что получилъ возможность въ концѣ прошенія написать слѣдующую оговорку: «а что въ семъ прошеніи по почищенному написано, что судившіе, меня, члены, уголовной, палаты, всѣ, до. одного. взяточники, подлецы, и, дураки, то это все вѣрно и прошу въ томъ не сомнѣваться»...

Тогда, въ тѣ мрачныя времена безсудія и безмолвія на нашей землѣ, все это казалось не только верхомъ остроумія, но даже вмѣнялось безпокойному старику въ высочайшую гражданскую доблесть, и если бы онъ кого-нибудь принималъ, то къ нему всеконечно многіе бы ѣздили на поклоненіе и считали бы себя черезъ то въ опасномъ положеніи, но у дяди, какъ я сказала, дверь была затворена для всѣхъ и эта-то недоступность дѣлала его еще интереснѣе.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

У матери были дѣла съ дядею: ей надлежала отъ него значительная сумма денегъ. Такихъ гостей обыкновенные люди принимаютъ вообще нерадостно, по дядя мой былъ не таковъ: онъ встрѣтилъ насъ съ матерью привѣтливо, но помѣстилъ не въ домѣ, а во флигелѣ. Въ обширномъ и почти пустомъ домѣ у него для насъ мѣста не достало. Это очень обидѣло покойную матушку. Она мнѣ не сказала ничего, но я при всей молодости моихъ тогдашнихъ лѣтъ видѣлъ, какъ ее передернуло.

Непосредственно за прибытіемъ нашимъ въ дядину усадьбу, у насъ такъ и потянулась полоса скучной жизни. Дяди я не видалъ, а грустная мать моя была плохимъ товарищемъ моему дѣтскому возрасту, жаждавшему игръ и забавъ. Зима уходила и снѣга стали сѣрѣть; кончался постъ. Однажды, пригорюнясь, сидѣлъ я у окна и смотрѣлъ на склонявшееся къ закату весеннее солнце, какъ вдругъ кто-то

большою, твердою, тяжелою походкой прошелъ мимо окна и ступилъ на крыльцо флигеля такъ, что ступени затрещали подъ его ногами. Черезъ минуту растворилась дверь и на порогъ показался мой дядя.

Это было первое посвященіе, которое онъ рѣшился сдѣлать моей матери послѣ нашего прѣзда въ его имѣніе.

Не знаю почему, для чего и зачѣмъ, но при видѣ дяди я невыразимо его испугался и почти въ ужасѣ смотрѣлъ на его блѣдное лицо, на его пестрой термаламы халатъ, пунцовый гро-гро галстукъ и лисью высокую, остроконечную шапочку. Онъ мнѣ казался великимъ магомъ и волшебникомъ, о которыхъ я къ тому времени имѣлъ уже довольно обстоятельныя свѣдѣнія.

Прислонясь къ спинкѣ кресла, на которомъ засталъ меня дядя, я не сомнѣвался, что у него въ карманѣ непременно есть гдѣ-нибудь вѣтка омелы, что онъ коснется ею моей головы, и что я тотчасъ скинусь бѣлымъ зайчикомъ и поскочу въ это широкое поле съ темными перелогамъ, въ которыхъ растлѣвается флеромъ весны подернутый снѣгъ, а онъ скинется волкомъ и пойдетъ меня гнать... Чтѣ шагъ, то становитея все страшнѣе и страшнѣе... И вотъ дядя подошелъ именно прямо ко мнѣ, взялъ меня за уши и сказалъ:

— Здравствуй, пумисерлей! — и при этомъ онъ подавилъ мнѣ слегка книзу уши и добавилъ: — ишь чтѣ за гадость мальчишка! плечики съ вершокъ, а внизу жирѣешь. Постное, небось, ѣлъ?

— Постное, — прошептала я едва слышно.

Дядя опять давнулъ меня за уши и проговорилъ:

— Точная дѣвочка; изгадила, братъ, тебя мать, изгадила.

— Братъ! — отозвалась ему изъ другой комнаты съ укоризною мать.

Дядя ушелъ къ ней, и она заговорила съ нимъ по-англійски, сначала просто шумно, а потомъ и сердито.

Я понялъ одно, что дядя надъ чѣмъ-то издѣвался, и мнѣ показалось, что насмѣшки его имѣютъ нѣкоторое соотношеніе къ восковому купидону, котораго въ большомъ стѣ меня секретъ золотила для меня моя мать.

— Это — растлѣніе, — говорилъ дядя: — въ жизни все прилично, послѣдовательно и условно. Сюрпризамъ только гадость дѣлается.

Мать умоляла дядю замолчать.

— Пусть, — говорила она: — пусть по-твоему. Пусть жизнь будет подносить ему одни неприятности, но пусть я... пусть мать поднесет ему удовольствіе.

Я тогда несвободно понималъ по-англійски и не понималъ, чѣмъ кончился ихъ разговоръ, да и вдобавокъ я уснулъ. Меня раздѣли и соннаго уложили въ кровать. Это со мною часто случалось.

Помнилось мнѣ только сквозь сонъ, что дядя, проходя мимо меня, будто сказалъ мнѣ:

— Мой милый другъ, тебя завтра ждетъ большой сюрпризъ.

На утро я проснулся очень рано, но боялся открыть глаза: я зналъ, что вербный купидонъ, вѣроятно, уже слетѣлъ къ моей постелькѣ и паритъ надъ нею съ какими-нибудь большими для меня радостями.

Я раскрылъ глаза сначала чуть на одинъ волосокъ, потомъ нѣсколько шире и, наконецъ, уже не самъ я, а невѣдомый ужасъ растворилъ ихъ, такъ что я почувствовалъ ихъ совѣтъ круглыми, и при этомъ имѣлъ только одно желаніе: влипнуть въ мою подушку, уйти въ нее и провалиться...

Вербный купидонъ дѣлалъ мнѣ сюрпризъ, котораго я, дѣйствительно, ни за что не ожидалъ: онъ висѣлъ на широкой голубой лентѣ, а въ объятіяхъ несъ для міра печали и слезъ... розгу. Да-съ, не что иное, какъ большую березовую розгу!.. Увидавъ это, я долго не могъ придти въ себя и повѣрить, проснулся я или еще грежу спросонья; я приподнимался, всматривался и, къ удивленію своему, все болѣе и болѣе изумлялся: мой вербный купидонъ, дѣйствительно, держалъ у себя подъ крылышками огромный пучъ березовыхъ прутьевъ, связанныхъ такою же голубою лентой, на какой самъ онъ былъ подвѣшенъ, и на этой же лентѣ я замѣтилъ и бѣлый билетикъ. Чтò это было на билетикѣ при такомъ странномъ припошеи? размышлялъ я, и хотя самъ тщательно кутался въ одеяло и дулся на прилетъ купидона съ розгой, но... но не выдержалъ... вскочилъ, сорвалъ билетикъ и прочиталъ:

«Кто ждетъ себя ни за что ни про что радостей, тотъ дождется за то всякихъ гадостей».

— Это дядя! это непременно дядя! — рѣшилъ я себя и не ошибся, потому что въ эту минуту дядя распахнулъ за-

навѣски моей кровати и... изрядно меня высѣкъ, ни за что и ни про что.

Матушка была въ церкви и защищать меня было некому; но зато она, узнавъ о моемъ стюризѣ, рѣшилась немедленно отвезти меня въ гимназическій пансіонъ, гдѣ и начался для меня новый родъ жизни.

Такимъ я принимаю вербнаго купидона моего дѣтства. Онъ имѣлъ для меня свое серьезное значеніе. Съ тѣхъ поръ, при какихъ бы то ни было упованіяхъ на что бы то ни было свыше, у меня въ крови пробѣгаетъ трепеть и мнѣ представляется вѣчно онъ, вербный купидонъ, спускающійся ко мнѣ съ березовою розгой, и онъ меня сѣкъ, да-съ, онъ много и страшно сѣкъ меня и... я опасался какъ бы еще разъ не высѣкъ... Нечего, господа; улыбаться,—я рассказываю вамъ исторію очень серьезную и вы только благоволите въ нее вникнуть.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Въ пынѣшнее время у николяровъ есть честность гражданская; у насъ была честность рыцарская. Жизнь была тоже рыцарская. Неустрашимость, храбрость и мужество въ разнообразнѣйшихъ ихъ приложеніяхъ и проявленіяхъ подвергались испытанію. Классныя компаніи назывались залами различныхъ орденовъ. Тутъ были круглоголовые, черноголовые рыцари, странствующие рыцари и всякіе другіе, какихъ вамъ угодно орденовъ и званій. Огромный садъ пансіона служилъ необъятнымъ поприщемъ, на которомъ происходили бои и турниры, что бывало зимою, когда насъ пускали въ этотъ садъ, особенно удобно по причинѣ огромныхъ, наваленныхъ тутъ сугробовъ, изображавшихъ зѣмки и крѣпости.

Я жилъ голодно и учился прекрасно. Такъ прошелъ годъ, въ теченіе котораго я не ѣздилъ домой ни разу. Я, впрочемъ, обвыкъся и не скучалъ. Затруднительною порой въ этой жизни было для насъ вдругъ объявленное намъ распоряженіе, чтобы мы никакъ не смѣли: «отвѣчать въ повелительномъ наклоненіи». Намъ было сказано, что это требуется изъ Петербурга, и мы были не мало уstraшены этимъ требованіемъ, но все-таки по привычкѣ отвѣчали: «подведи шаръ подъ меридіанъ», или «раздѣли частное и умножь дѣлителя». Отучить насъ отвѣчать иначе, какъ напечатано

въ книгахъ, долго не было никакой возможности, и бывали мы за то биты жестоко и много, даже и не постигая въ чемъ наша вина и преступленіе. Знакомства и исключительнаго дружества я ни съ кѣмъ въ школѣ не водилъ, хотя мнѣ немножко болѣе другихъ нравились два нѣмца-братья: Карль, который былъ со мною во второмъ классѣ, и Аматусъ, который былъ въ третьемъ. Помню, что оба они были очень краснощекіе, и аккуратно каждую перемяну сходились другъ съ другомъ у притолоки двери, раздѣлявшей наши классы; и Карль, бывало, говорилъ Аматусу:

— Аматусъ, мнѣ кажется, что я себѣ нынче изъ русскаго нуля досталъ.

А на слѣдующую перемяну Аматусъ являлся къ притолокѣ и возвѣщаль:

— Нѣтъ, Карлюсь, я о тебѣ справился, ты ошибаешься: это тебѣ не кажется, а ты себѣ настоящий нуль досталъ.

Эта пунктуальность и обстоятельность въ сихъ юныхъ характерахъ мнѣ чрезвычайно нравились, и я всегда съ жадностію прислушивался къ этому тихому совершенно серьезному разговору двухъ нѣмцевъ объ одномъ нулѣ.

Но сюрпризъ мнѣ былъ уже готовъ и ждалъ меня, а я къ нему мчался.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Приближалась Пасха. До Страстной недѣли оставалась всего одна недѣля, одна небольшая недѣля. Въ дортуарахъ вечеромъ разнесся слухъ, что насъ распустятъ не въ субботу, а въ четвергъ. Я уѣду и увижу мать!.. Сердце мое трепетало и билось. Тревожныя ощущенія эти еще болѣе усилились, когда въ среду, утромъ, одинъ изъ лакеевъ, утирая меня полотенцемъ, шепнулъ мнѣ:

— За вами прислали.

Когда я пришелъ въ столовую, сѣлъ за свой чай, то почувствовалъ, что вся кровь бросилась мнѣ въ лицо и у меня начали пылать уши. Все это произошло отъ одного магическаго слова, которое произнеслось шопотомъ, и въ сотнѣ различныхъ переливовъ разнеслось по столовой. Это магическое слово было: «за нимъ прислали».

Понятно, что ежели бы насъ пустили сегодня, или завтра, въ четвергъ, то я завтра же могъ бы и ѣхать.

— Если бы только пустили!

Но вотъ въ четвергъ начинаются и оканчиваются классы. Начальство не заводитъ ровно никакой рѣчи объ отпускѣ. Предъ обѣдомъ нѣсколько другихъ товарищей выѣбгаютъ по вызову лакея въ переднюю и возвращаются съ радостными лицами: и за ними прислали. Въ часы послѣобѣденнаго отдыха извѣстія о присылкѣ еще учащаются, вечеромъ они еще возрастаютъ и, наконецъ, оказывается, что чуть ли не прислали уже за всѣмъ пансіономъ. Нетерпѣніе разгорается съ каждою минутой. Каждая минута становится Богъ вѣсть какою тягостью. Мысль о томъ, что нужно идти спать въ тѣ же прохладные дортуары—становится неспоина. Приготовлять уроки съ вечера нѣтъ уже никакой силы. Такъ и мерещатся, такъ и снятся наяву лошади, бричка, няня и теплая бѣличья шубка, которую прислала за мною мама и которую няни, неизвѣстно для чего, въ первыя минуты своего появленія въ пансіонъ, принесла мнѣ и оставила. Вечерніе уроки мы всѣ отспѣдли какъ на иголкахъ. Четвергъ насъ уже обманулъ, но, можетъ быть, зато выручить пятница? Неужто же ждать до субботы? Неужто нельзя ускорить приближеніе счастливаго момента хотя на одинъ сутки?

Кто-то изъ дѣтей, — я очень долго помнилъ его имя, но теперь позабылъ, — вздохнулъ и съ дѣтскимъ равнодушіемъ воскликнулъ:

— Боже мой, неужто нѣтъ никакихъ средствъ, чтобы выдумать что-нибудь такое, чтобы насъ отпустили раньше!

— Нѣтъ такихъ средствъ, и если даже не ошибаюсь, то, мнѣ кажется, нѣтъ такихъ *физическихъ* средствъ, — сказала въ отвѣтъ ему, вздохнувши, другой маленькій мальчикъ.

Замѣчательное дѣло, что тогда, когда въ людяхъ было менѣе всего всякой положительности, у насъ, когда говорили о средствахъ, всегда прибавлялось, что нѣтъ *физическихъ* средствъ, какъ будто въ другихъ средствахъ, нравственныхъ и моральныхъ, тогда никто даже не сомнѣвался.

— Да, такъ; нѣтъ никакихъ физическихъ средствъ, — отвѣчалъ первый маленький мальчикъ.

— А кто это сказалъ—тотъ дуракъ, — замѣтилъ возмужалымъ голосомъ нѣкто Калатозовъ, молодой юноша, лѣтъ восемнадцати, котораго нѣжные родители, Богъ вѣсть для

чего, продержали до этого возраста дома и потомъ привезли для того, чтобы посадить рядомъ съ нами во второй классъ.

Мы его звали «дядюшкой», а онъ насъ за это билъ. Калатузовъ держалъ себя на «офицерской ногѣ». Держать себя на офицерской ногѣ въ наше время значило: не водиться за панибрата съ маленькими, ходить въ разстегнутой курткѣ, носить неформенный галстукъ, приподниматься лѣнливо, когда спросить, отвѣчать какъ бы нехотя и басомъ, ходить въ развалку. Все это строго запрещалось, но, не умѣю вамъ сказать какъ и почему, всегда въ каждомъ заведеніи тогдашняго времени, къ которому относится мое воспитаніе, были ученики, которые умѣли ставить себя «на офицерскую ногу», и имъ это не воспрещалось.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Въ нашемъ классѣ одинъ Калатузовъ былъ на офицерской ногѣ. Онъ могъ у насъ бить всю мелкоту, самъ онъ былъ большой дуракъ, анкетить имѣлъ огромный, а къ ученію способности никакой. Это знали всѣ учителя и потому никогда его не спрашивали, а если въ заведеніе пріѣзжало какое-нибудь начальствующее лицо, то Калатузова совсѣмъ убрали и клали въ больницу. Онъ этимъ гордился. Впрочемъ, разъ было съ нимъ несчастное происшествіе: его спросилъ одинъ новый учитель. Это былъ новоприбывшій преподаватель географіи. Производя первую переключку, онъ вызвалъ и Калатузова.

Калатузовъ тяжело приподнялся, перевалился сбоку-набокъ, облокотился косточками правой руки на столъ и легкимъ бархатнымъ баскомъ сказалъ:

— Я полагаю, что вы, вѣроятно, знаете, что я ничего не знаю.

Учитель разсмѣялся и отвѣчалъ:

— Ну, въ такомъ случаѣ я запишу вамъ нуль.

— Это какъ вы хотите,—отвѣчалъ спокойно Калатузовъ, но, замѣтивъ, что непривычный къ нашимъ порядкамъ учитель и въ самомъ дѣлѣ намѣревается безтрепетною рукой поставить ему «котелку» и, сообразивъ, что въ силу этой отбѣтки, онъ, несмотря на свое крупное значеніе въ классѣ, останется съ лѣнливыми безъ обѣда, Калатузовъ немножко

привалился на столъ и заговчиль: — Вы запишете мнѣ нуль, а я на слѣдующій классъ буду все знать.

Большой ростъ дурака, его пробивающіеся усы, мужественный голосъ и странная офицерская манера держаться, рѣзко выдѣлявшая его изъ окружавшей его мелюзги, все, повидимому, возбуждало къ нему большое вниманіе новаго учителя; разсмѣявшись, онъ положилъ перо и сказалъ шутливо:

— Хорошо, г. Калатузовъ, я вамъ въ такомъ случаѣ не напишу нуля, если вы общаетесь знать что-нибудь.

— Вы будьте въ этомъ увѣрены,—отвѣчалъ Калатузовъ.

И вотъ пришелъ слѣдующій классъ; прочитали молитву; учитель сѣлъ за столъ; сдѣлалась тишина. Многихъ изъ насъ занимало, спроситъ или не спроситъ нынѣшній разъ новый учитель Калатузова; а онъ его какъ разъ и зоветъ.

— Вы намъ кажется, — говоритъ: — общали прошлый разъ что-то выучить?

Калатузовъ, нехотя, что называется, какъ воръ на ярмаркѣ, повернулся, наклонился въ одинъ бокъ плечомъ. потомъ перевалился въ другой, облокотился кистями обѣихъ рукъ о парту и медленно возгласилъ:

— Точно, я вамъ это общалъ.

— Что же вы знаете?—спросилъ учитель.

Для Калатузова это былъ вопросъ весьма затруднительный; ему было безразлично, о чемъ бы его ни спросили, потому что онъ ничего не знаетъ, но онъ, нимало не смутившись, равнодушно посмотрѣлъ на свои ногти и сказалъ:

— Я все знаю.

— Все?

— Да, все,—еще спокойнѣе отвѣчалъ Калатузовъ.

Учителю стало необыкновенно весело, а мы съ удовольствіемъ и не безъ зависти замѣтили, что Калатузовъ овладѣвалъ и этимъ новымъ человѣкомъ и, конечно, и отъ него будетъ пользоваться всякими вольностями и льготами.

— Но есть же что-нибудь такое, — спросилъ его учитель:—что вы особенно хорошо знаете?

— Нѣтъ, мнѣ все равно; я все одинаково знаю,—отвѣчалъ, нимало не смущаясь, Калатузовъ.

— Но вѣрно есть что-нибудь такое, что вамъ особенно пріятно рассказать. Я хочу, чтобы вы сами выбрали.

— Извольте,—отвѣчалъ Калатузовъ, и, безперемонно нагнувшись къ своему маленькому сосѣду, взялъ въ руки географію, развернулъ ее, взглянулъ на заголовокъ статьи и сказалъ:

— Пруссію.

— Вы лучше всего знаете Пруссію?

— Да, Пруссію,—отвѣчалъ Калатузовъ.

— Потрудитесь начинать.

— Извольте,—отвѣчалъ Калатузовъ и, глядя преспокойно въ книгу, началъ, какъ теперь помню, слѣдующее опредѣленіе: — «Бранденбургія была»: — но на этомъ расхохотавшійся учитель остановилъ его и сказалъ, что читать по книгѣ вовсе не значитъ знать. Калатузовъ бросилъ книгу на столъ, далъ въ обѣ стороны два кулака сидѣвшимъ около него малюткамъ и довольно громко сказалъ: «Подсказывай»... Молодой учитель смотрѣлъ на всю эту продѣлку съ видимымъ удовольствіемъ. Его это смѣшило и тѣшило. Два маленькіе мальчика, боявшіеся своего огромнаго сосѣда, оба зажужжали: «Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства». Такъ излагались свѣдѣнія о Пруссиі въ нашей географіи.

Жужжавшіе наперерывъ другъ предъ другомъ мальчики подсказывали, однако, неудовлетворительно. Калатузовъ пригнулся то къ одному изъ нихъ, то къ другому и, получая, вмѣсто опредѣлительныхъ словъ, какое-то жужжаніе, вышелъ, наконецъ, изъ терпѣнія и сказалъ:

— Одинъ подсказывай.

Сосѣдній мальчикъ справа внятно произнесъ ему:

— Бранденбургія была первоначальнымъ зерномъ Прусскаго королевства.

— Довольно,—сказалъ Калатузовъ; съ этимъ онъ откашлянулся, провелъ пальцемъ за галстукомъ, поправилъ рукою волосы, которые у него, по офицерскимъ же правиламъ, были немножко длиннѣе, чѣмъ у всѣхъ насъ, и спокойно возгласилъ:

— *Пруссія есть зерно.*

— Какъ зерно? — переспросилъ изумленный учитель.

— Такъ написано, — отвѣчалъ Калатузовъ.

— Но позвольте же узнать, какъ же это? Есть зерна ржаныя, овсяныя, пшеничныя. Какое же зерно Пруссія?

Калатузовъ подумалъ и, сдѣлавъ кислую гримасу, отвѣчалъ:

— Я вамъ не могу объяснить этого, какое это чортово зерно.

Вотъ этотъ-то умникъ Калатузовъ во время тайнаго разговора вечеромъ въ четвергъ Лазаревой недѣли и говоритъ:

— Пустяки, говоритъ,—есть физическая возможность, чтобы насъ отпустили завтра утромъ; мнѣ, говоритъ, нѣтъ ничего легче доказать вамъ эту физическую возможность.

Мы стали просить, чтобы онъ намъ ее доказалъ.

— Сегодня вечеромъ, — началъ внушать Калатузовъ: — за ужиномъ пусть каждый оставитъ мнѣ свой хлѣбъ съ масломъ, а черезъ полчаса я вамъ открою физическую возможность добиться того, чтобы насъ не только отпустили завтра, но даже по шеямъ выгнали.

— Выгонять по шеямъ!.. У насъ даже уши отъ этого запрыгали.

— Только надо, чтобы кто-нибудь взялся сдѣлать одно дѣло, — продолжалъ Калатузовъ.

— Странное? — спросило разомъ нѣсколько голосовъ.

— Ну, не очень страшное, — отвѣчалъ Калатузовъ: — но такъ рискованное.

— Рискованное? — крикнулъ тоненькимъ голоскомъ маленький, чистенькій и опрятный мальчикъ, который былъ необыкновенно красивъ и котораго всѣ въ классѣ цѣловали.

Онъ назывался Локотковъ.

— Рискованное? — воскликнулъ Локотковъ. — Я берусь за всякое рискованное дѣло.

Локотковъ былъ у насъ отчаянною головой; онъ употреблялся въ классѣ для того, чтобы передразнивать учителя-нѣмца или приводить въ ярость и неистовство учителя-француза. Характера онъ былъ живого, предприимчиваго и пылкаго.

Локоткову удавалось входить въ довѣріе къ учителю французскаго языка и коварно выводить его на посмѣшище, увѣряя его во время перевода, что сказать: «у рыбъ нѣтъ зубъ» невозможно, а надо говорить: или «у рыбей нѣтъ зубей», или «у рыбовъ нѣтъ зубовъ», и т. п.

Кончалось это обыкновенно тѣмъ, что Локоткову доставался ноль за поведеніе, но ему это, бывало, неймется и на слѣдующій урокъ Локотковъ снова, бывало, сму-

шаетъ учителя. объясняя ему, что онъ не такъ перевелъ, будто «голодный мужикъ выпилъ кувшинъ воды однимъ духомъ».

— Однимъ духомъ невозможно пить, *monsieur Basel*,—внушала съ кротостію учителю Локотковъ.

— *Taisez-vous!* — сердито кричала французъ и, покусавъ въ задумчивости губы, лепетала:—«мужикъ, *le pausan*, выпилъ кувшинъ воды однимъ... шагомъ. Да,—выговаривалъ онъ тверже, взглядываясь во всё дѣтскія фізіономіи, — именно выпилъ кувшинъ воды *однимъ шагомъ... нѣтъ... однимъ духомъ... нѣтъ однимъ шагомъ*»...

И раздавался снова хохотъ, и *monsieur Basel* снова выписывалъ Локоткову зѣго. И вотъ этотъ-то веселый, добродушный мальчикъ вызвался совершить рискованное предпріятіе.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Рискованное предпріятіе, которое должно было спасти насъ и выпустить двумя днями раньше изъ заведенія, по плану Калатузова, заключалось въ томъ, чтобы ночью изъ всѣхъ подсвѣчниковъ, которые будутъ вынесены въ переднюю, накрасть огарковъ и побросать ихъ въ печки: сдѣлается-де угаръ и насъ отпустятъ съ утра.

Планъ былъ простъ и геніаленъ.

Что за тревожная ночь за симъ наступила! Тишина была замѣчательная: не спалъ никто, но всѣ притворялись спящими. Маленькій Локотковъ, въ шерстяныхъ чулкахъ, которые были доставлены мнѣ нянею для путешествія, надѣлъ на себя мнѣ же доставленную шубку мѣхомъ навыворотъ, чтобъ испугать, если невзначай кого встрѣтитъ, и съ перочиннымъ ножикомъ и съ двумя пустыми жестяными пиналями отиралися на очистку оставленныхъ подсвѣчниковъ. Походъ совершился благополучно. Локотковъ возвратился, сало украдено, но самъ воръ какъ будто занемогъ; онъ легъ въ постель и не разговаривалъ. Это было вслѣдствіе тревоги и волненія. Мы это понимали.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

На небѣ засѣрѣло туманное, тяжелое апрѣльское утро. Намъ все не спится. Еще минута, и вотъ начинается перепархиваніе съ одной кровати на другую, начинаются

нервная горячка и страхъ. На некоторыхъ кроватяхъ мальчики помѣщаются по-двое, и здѣсь и тамъ повсемѣстно идетъ тихій шопотъ и подсмѣиванье надъ тѣмъ, что будетъ и какъ будетъ. Кое-кто сообщаетъ идиллическія описанія своей деревушки, своего домика, но и между идилліями и между хохотомъ всё безпрестанно оборачиваются на кроватку, на которой лежитъ Локотковъ. Онъ, кажется, спитъ; его никто не беспокоитъ. Всѣ чувствуютъ къ нему невольное почтеніе и хотѣли бы пробудить его, но считаютъ это святотатствомъ. Кто-то тихо подкрался къ нему, посмотрѣлъ въ глаза, прислушался къ дыханію и покачалъ головой. Что значить это неопредѣлительное покачиванье головой — никому неизвѣстно, но по дортуару тихо разносится «спитъ». И вотъ еще минута. Всѣмъ кажется, что Локоткова пора бы, наконецъ, будить, но ни у кого недостаетъ рѣшимости. Наконецъ гдѣ-то далеко внизу, на крыльцѣ, завизжалъ и хлопнулъ дверной блокъ.

Это истопники несутъ дрова... роковая минута приближается: сейчасъ начнутъ топить. Духъ занимается. У всѣхъ на умѣ одно и у всѣхъ одно движеніе будить Локоткова.

Длинный, сухой ученикъ, съ совершенно бѣлыми волосами и бѣлесоватыми зрачками глазъ, прозванный въ классѣ «бѣлымъ тараканомъ», тихо крадется къ Локоткову и только что хотѣлъ произнести: «Локотковъ, пора!» какъ тотъ, вдругъ расхохотавшись беззвучнымъ смѣхомъ, сѣлъ на кровать и прошепталъ: — «Ахъ, какіе же вы трусы! Я тоже не спалъ всю ночь, но я не спалъ отъ смѣха, а вы... трусники!» и съ этимъ онъ началъ обуваться.

— Вотъ-то Локотковъ, молодчина! — думали мы, съ завистью глядя на своего благороднаго, самоотверженнаго товарища.

— Вотъ-то характеръ, такъ характеръ!

За ширмами потянулся гувернеръ, всталъ, вышелъ съ заспаннымъ лицомъ и удивился, что мы уже всѣ на ногахъ.

Въ нижнемъ этажѣ и со всѣхъ сторонъ начинается хлопанье дверей и слышится веселое трещанье затопившихся печекъ. Роковая минута все ближе и ближе. Проходя въ умывальную попарно, мы всѣ бросали значительные взгляды на топившуюся печку и держались серьезно, какъ заговорщики, у которыхъ есть общая тайна.

Кровь нашу слегка леденить и останавливать мучительный вопрос, какъ это начнется, какъ это разыграется и какъ это кончится?

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Локотковъ казался серьезнѣе прочихъ и даже былъ немножко блѣденъ. Какъ только мы стали собираться въ классы, онъ вдругъ началъ корчить болѣзненные мины и улизнулъ изъ чайной подъ предлогомъ нетерпящихъ отлагательства обстоятельствъ, извѣстныхъ подъ именемъ «надобности царя Саула». Мы смекнули, что онъ отправился на опасное дѣло, и хлебали свою теплую воду съ усугубленнымъ аппетитомъ, не нарушая ни однимъ словомъ мертваго молчанія. Локотковъ, запыхавшійся, немного блѣдный, со вспотѣвшимъ носомъ и взмокшими на лбу волосами, явился въ комнату снова не болѣе какъ минутъ черезъ пять. Было большое сомнѣнiе, сдѣлалъ ли онъ что-нибудь, какъ нынче говорятъ, *для общаго дѣла*, или только попытался, но струсилъ и возвратился безъ успѣха. Обѣжать въ такое короткое время цѣлое заведенiе и зарядить саломъ всѣ печи казалось рѣшительно невозможнымъ. Устремленные со вниманiемъ глаза наши на Локоткова не могли прочесть на его лицѣ ничего. Онъ былъ видимо взволнованъ, но пить свой остывшiй чай, не обращая ни на кого ни малѣйшаго вниманiя. Но прежде чѣмъ мы могли добиться чего-нибудь на его лицѣ, загадка уже разъяснилась. Дверь въ нашу комнату съ шумомъ распахнулась, и нѣмецъ-инспекторъ быстро пробѣжалъ въ сопровожденiи двухъ сторожей. Густой, удушливый чадъ полѣзъ вслѣдъ за ними по всѣмъ комнатамъ. Локотковъ быстро отворилъ печную дверку этого единственнаго покоя, гдѣ еще не было угара, и въ непотухшіе углы бросилъ горсть сальныхъ крошекъ вмѣстѣ съ кускомъ синей сахарной бумаги, въ которую онъ были завернуты. Мы поблѣднѣли. Одинъ Калатuzовъ спокойно жевалъ, какъ воль, свою жвачку, и послѣ небольшой паузы, допивъ послѣднiй глотокъ чайной бурды, произнесъ спокойно:

— А вотъ теперь за это можетъ быть кому-нибудь славная порка.

При этихъ словахъ у меня вдругъ перехватило въ горлѣ. Я взглянулъ на Локоткова. Онъ былъ блѣденъ, а рука его

неподвижно лежала на недопитомъ стаканѣ чаю, который онъ только хотѣлъ приподнять со стола.

— Да, славная будетъ порка, — продолжалъ Калатузовъ и, отойди къ окну, не безъ аппетита сталъ утирать свой ротъ.

— Но кто же это можетъ открыть? — робко спросилъ въ это время весь покрывшійся пунцовымъ румянцемъ Локотковъ.

— Тотъ, кто домой хочетъ пораньше, — отвѣчалъ Калатузовъ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Начальство сразу смекнуло, въ чемъ дѣло, да немудрено было это и смекнуть. Распахнулись двери и на порогѣ, расчищая усть, явился сторожъ Кухтинъ, который у насъ былъ даже воспѣтъ въ стихахъ, гдѣ было представлено торжественное веденіе юношей-рыцарей на казнь, причемъ

Какъ грозный исполнѣ,
Шагалъ тамъ съ розгами Кухтинъ.

При видѣ этого страшнаго человѣка, Локотковъ изобличилъ глубокій упадокъ духа. Стоя возлѣ него, я видѣлъ не только какъ онъ покачнулся, но даже чувствовалъ, какъ трепетала на его сюртучкѣ худо пришитая пуговка и какъ его маленькія пухленькія губки сердечкомъ выбивали дробь.

Начался допросъ. Дѣти сначала не признавались, но когда директоръ объявилъ, что всѣ три низшіе класса будутъ высѣчены черезъ четыре человѣка пятый, началось смятеніе.

— Отдѣляйтесь! — началъ директоръ. — Ты, первый, стаповись къ скамьѣ.

Одинъ робкій мальчикъ отошелъ и подвинулся къ скамьѣ. Онъ водилъ тревожными глазами по залѣ и ничего не говорилъ, но правая рука его постоянно то поднималась, то опускалась, — точно онъ хотѣлъ отдать кому-то честь. Слѣдующіе четыре мальчика были отставлены въ сторону; эти немедленно начали часто и быстро креститься. Пятый снова тихо подвигался къ скамьѣ. Это былъ тотъ блѣдный, запуганный мальчикъ, котораго звали «бѣлымъ тараканомъ». Совсѣмъ оробѣвъ, онъ не могъ идти: ноги у него

въ колѣняхъ подламывались, и онъ падалъ. Кухтинъ взялъ его подъ мышку, какъ скрипку, и посадилъ на полъ.

— Бросали сало? — отнесся къ нему директоръ.

— Да, да, — пролететаль ему мальчикъ.

— Кто бросаль?

«Бѣлый тараканъ» пошатнулся, оперся ладонями въ полъ и, качнувь головой, прошепталъ:

— Я не знаю... всѣ...

— Всѣ? стало-быть и ты?

— Я, нѣтъ, не я.

У него, видимо, развязался языкъ, и онъ готовъ былъ проговориться: но вдругъ онъ вспомнилъ законы нашей рыцарской чести, побагровѣлъ и сказалъ твердо:

— Я не знаю кто.

— Не знаешь? ну. — воспісуюмъ ти, раба, — отвѣчалъ директоръ, толкнувь его къ скамейкѣ, и снова отдѣлилась четверка счастливыхъ.

Въ числѣ счастливыхъ четвертаго пятка выскочилъ Локотковъ. Я замѣтилъ, что онъ не раздѣлялъ общей радости другихъ товарищей, избѣгавшихъ наказанія; онъ не радовался и не крестился, но то поднималъ глаза къ небу, то опускалъ ихъ внизъ, дрожалъ и, кусая до крови ногти и губы, шепталъ: «Подъ Твою милость приобѣгаемъ, Богородица Дѣва».

У насъ было повѣрье, что для того, чтобы избѣжать наказанія или чтобы оно, по крайней мѣрѣ, было легче, надо было читать про себя эту молитву. Локотковъ и шепталъ ее, а между тѣмъ къ роковымъ скамейкамъ было отдѣлено человѣкъ двадцать. Калатузовъ былъ избавленъ отъ общей участи. Онъ стоялъ въ ряду съ большими, къ которымъ могли относиться однѣ ужасательныя мѣры. Надъ маленькими началась экзекуція. Я былъ въ числѣ счастливыхъ и стоялъ зрителемъ ужаснаго для меня тогда зрѣлища. Стоны, вопли, слезы и верченья истязуемыхъ дѣтей поднимали во мнѣ всю душу. Я сперва началъ плакать слезами, но вдругъ разрыдался до истерики. Меня хотѣли выбросить вонъ, но я крѣпко держался за товарищей, стиснулъ зубы, и рѣшился ни за что не уходить. Мнѣ казалось, что происходитъ дѣло безчеловѣчное, за которое всѣ мы, какъ рыцари, должны были вступиться. Высѣчены уже были два мальчика и хотѣли наказывать третьяго. Въ это время Локот-

ковъ, бѣлѣ полотна, вдругъ началъ шевелиться, и чуть только раздался свистъ прутьевъ надъ третьимъ тѣломъ, онъ быстро выскочилъ впередъ и заговорилъ торопливымъ, безсвязнымъ голосомъ:

— Позвольте, позвольте... это я бросилъ сало.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Кухинъ пересталъ сѣчь; тевтонскій ключъ директора вытянулся, и онъ сквозь очки остро воззрился на блѣднаго Локоткова; въ группѣ учениковъ пробѣжалъ тихій ропотъ, и на мгновеніе все затихло.

— Ты? — спросилъ директоръ. — Ты самъ сознаешься?..

— Я, — твердо отвѣчалъ Локотковъ. — Я самъ сознаюсь: сѣкните меня одного.

— Онъ? — обратился директоръ къ ученикамъ.

Дѣти молчали. Нѣкоторыя только, покашливая, слегка поталкивали другъ друга. На нѣсколькихъ лицахъ какъ бы мелькнула какая-то нехорошая рѣшимость, но никто не сказалъ ни слова.

— А, вы такъ! — сказалъ директоръ: — тогда я буду сѣчь васъ всѣхъ, всѣхъ, поголовно всѣхъ.

И, — представьте себѣ мою прелестнѣйшую минуту въ этомъ гадкомъ воспоминаніи! насъ всѣхъ, маленькихъ дѣтей, точно проникла одна электрическая искра, мы всѣ рванулись къ Локоткову и закричали:

— Да, да, сѣкните насъ всѣхъ, всѣхъ сѣкните, а не его!»

Директоръ закричалъ, затоналъ, далъ нѣсколькимъ ближе къ нему стоявшимъ звонкія пощечины, и тутъ вдругъ начальство перешло отъ угрозы къ самымъ лукавымъ соблазнамъ.

— Это не можетъ быть, — сказалъ директоръ: — чтобы вы всѣ были такъ безнравственны, низки, чтобы желать подвергнуть себя такому грубому наказанію. Я увѣренъ, что между вами есть благородные, возвышенные характеры, и начальство воиной полагается на ихъ благородство; я отношусь теперь съ моимъ вопросомъ именно только къ такимъ, и кто истинно благороденъ, кто мнѣ объяснитъ эту исторію, тотъ поѣдетъ домой сейчасъ же, сію же минуту!

Едва кончилась эта сладкая рѣчь, какъ изъ заднихъ рядовъ вышелъ Калатузовъ и началъ рассказывать все по порядку ровнымъ и тихимъ голосомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ

разсказывалъ, я чувствовалъ, что по тѣлу моему рассыпается какъ будто горячій песокъ, уши мои пылали, верхнiе зубы совершенно сдѣплялись съ нижними; рука моя безотчетно опустилась въ карманъ панталонъ, достала оттуда небольшой перочинный ножикъ, который я тихо раскрылъ и, не взвѣдя вокругъ себя свѣта, бросился на Калатузова и вонзилъ въ него...

Это было дѣломъ одного мгновенiя, предъ которымъ другiя три или четыре мгновенiя я не давалъ себѣ никакого отчета. Я опомнился и пришелъ въ себя, спустя три недѣли въ незнакомой мнѣ комнатѣ, и увидѣлъ предъ собою доброе, благословенное лицо моей матери. У изголовья моего стоялъ маленькiй столикъ съ лѣкарственными бутылочками; окна комнаты были завѣшены; вездѣ царствовала полусвѣтъ. Въ углу моя няня тихо мочила въ полоскательной чашкѣ компрессы. Я хотѣлъ что-то сказать, но мать погрозила мнѣ пальцемъ и положила этотъ блѣдный палецъ на мои почернѣвшiя губы.

— Я знаю, что ты хочешь спросить, — сказала мнѣ мать. — Забудь все: мы теперь живемъ здѣсь въ гостинницѣ, а *туда* ты больше не поѣдешь.

Меня взяли изъ заведенiя и отвезли въ другое, въ Москву, гдѣ меня не били, не сѣкли, но гдѣ зато не было плѣнявшаго меня рыцарскаго духа. Отсюда, семнадцати лѣтъ, я выдержалъ экзаменъ въ московскiй университетъ. Я былъ смиренъ и тихъ; боялся угрозъ, боялся шутокъ, бѣжалъ отъ слезъ людскихъ, бѣжалъ отъ смѣха и складывался чудакомъ; но отъ сюрпризовъ и внезапностей все-таки не спасался; напротивъ, по мѣрѣ того, какъ я подрасталъ, сюрпризы и внезапности въ моей жизни все становились серьезнѣе и многозначительнѣе. Начинаю вамъ теперь мой университетскiй анекдотъ: отчего я хорошо учился, но не доучился.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Время моего студенчества было славное время московскаго университета, про которое нынче такъ кстати и некстати часто вспоминаетъ наша современная литература. Я съ самаго перваго дня былъ однимъ изъ прилежнѣйшихъ фуксовъ. Домой къ матушкѣ я ѣздилъ только однажды въ годъ. Одинъ разъ я уже гостилъ у нея, несказанно радуя

се моимъ голубымъ воротникомъ; другая побывка домой предстояла мнѣ слѣдующимъ лѣтомъ. Переписывались мы съ матушкой часто; она была покойна и очень довольна своимъ положеніемъ у дяди: онъ былъ чуждакъ, но человѣкъ предобрый, что, однако, не мѣняло ему порою сердить и раздражать мою мать. Такъ, онъ, напримѣръ, въ тотъ годъ, какъ я былъ въ университетѣ, въ Свѣтлый праздникъ прислалъ матери самый странный подарокъ: это былъ замечательный конвертъ, въ которомъ оказался билетъ на могильное мѣсто на монастырскомъ кладбищѣ. Шутка съ этимъ подаркомъ необыкновенно встревожила мою немного мнительную мать; она мнѣ горько жаловалась на дядину шутку и видѣла въ этомъ что-то пророческое. Я ее успокоивалъ, но безъ успѣха.

Между тѣмъ, въ ожиданіи лѣта, когда я снова надѣялся увидѣться съ матушкой, я долженъ былъ переѣхать квартиру. Это обуславливалось случайностью. Въ семейство, въ которомъ я жилъ, пріѣхала одна родственница, и комната, которую я занималъ, понадобилась хозяйевамъ. Я пустился на поиски себѣ новата жилища. Дѣло это, конечно, не трудное и не головоломное, но злая судьба меня подстерегла. Должно вамъ сказать, что въ первый разъ, когда я пустился на эти поиски, мнѣ мерещилось, какъ бы я не попалъ въ какое-нибудь дурное мѣсто. Я зналъ много рассказовъ о нехорошихъ людяхъ, нехорошихъ обществахъ и боялся попасть въ эти общества, частью потому, что не любилъ ихъ, чувствовалъ къ нимъ отвращеніе, частью же потому, что боялся быть обиженнымъ. Я всегда былъ характера кроткаго, и прошу васъ не судить обо мнѣ по моей гимназической исторіи. Ножъ и мечъ вообще рукъ моей не свойственны, хотя судьба въ насмѣшку надо мною влагала въ мои руки и тотъ, и другой. Я могъ вспыхивать только на мгновеніе, но вообще всегда былъ человѣкъ свойствъ самыхъ миролюбивыхъ, и обстоятельства моего дѣтства и отрочества сдѣлали меня даже меланхоликомъ и трусомъ до того, что я,—поистинѣ вамъ говорю,—боялся даже переѣхать себѣ квартиру. Но это было необходимо: я крайне стѣснялъ увеличившуюся семью моего хозяина—до того, что онъ шутя сказалъ мнѣ:

— Ну, дружокъ, Орестъ Марковичъ, воля твоя, а если честью отъ насъ не выйдешь, я тебя съ полиціей выгравлю!

Удалиться было необходимо, и я на это рѣшился..

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

И вотъ не успѣлъ я выйти на свои поиски, какъ вижу передо мною вдругъ стала какая-то старушка.

— Батюшка мой, говоритъ,—не квартиру ли ищешь?

«Господи, словно благодѣтельная волшебница, думаю,—узнала, въ чемъ я затрудняюсь, и стремится помочь мнѣ».

— Да, говорю,—вы отгадали: я ищу квартиру.

— А у насъ. голубчикъ, тутъ въ домѣ для тебя какъ разъ есть прекрасная комната.

И съ этимъ словомъ добродушная старушка взяла меня за руку и подвела меня къ обитой чистою зеленою клеенкой двери, на которой была мѣдная дощечка, въ тогдашнее время составлявшая еще въ Москвѣ довольно замѣчательную рѣдкость. На этой дощечкѣ французскими литерами было написано: «*Léonide Postelnikoff Capitaine*».

— Вотъ тутъ онъ, говоритъ,—родной мой. Леонидъ-то Григорьевичъ. Онъ ей, Марьѣ Григорьевнѣ, хозяйкѣ нашей, братъ доводится. Ты звякни, онъ и отопрется.

И съ этимъ словомъ старушка сама позвонила и добавила:

— Она теперь сама-то, Марья Григорьевна, потерявши мужа, въ разстройствѣ; а онъ ея дѣлами управляетъ; онъ и комнату сдаетъ; съ нимъ покалякай, и тебѣ здѣсь хорошо-прехорошо будетъ.

За стѣной послышались шаги. щелкнула задвижка и въ двери показался высокій человѣкъ, одѣтый въ сѣрый нанковый казакнѣ. По усамъ, по полувоенному казакину и по всей манерѣ въ этомъ человѣкѣ не трудно было узнать солдата.

— Къ барину они, Климъ Степановичъ,—заговорила къ нему моя старушка.—Квартиру у Марьи Григорьевны снять желаютъ.

И, толкнувъ меня въ спину, старушка зашлепала внизъ по лѣстницѣ, а я очутился въ небольшой свѣтлой передней, въ которой меня прежде всего поразила необыкновенно изящная чистота и, такъ сказать, своеобразная женственность убранства. Такъ, въ этой передней стоялъ мягкій диванчикъ, обитый свѣтленькимъ ситцемъ; въшалки не было, но вмѣсто нея громоздился высокій платяной

шкафъ, какъ бываетъ въ небольшихъ квартирахъ, гдѣ живутъ одинокія женщины. Возлѣ шкафа, на столѣ, стоялъ подносъ съ графиномъ свѣжей воды и двумя стаканами. На оклѣ были два горшка горгензій и чистенькая проволочная клетка, съ громко трещавшею калужскою канарейкой, а въ углу—няльцы.

Изъ дверей открылась другая комната, болѣе обширная и окрашенная розовою краской самаго пріятнаго цвѣта. Чистота этой комнаты еще болѣе бросалась въ глаза. Красенные полы были наощены, мебель вся свѣтлалась, диванъ былъ весь уложенъ гарусными подушками, а на большомъ столѣ, подъ лампой, красовалась большая гарусная салфетка; такія же меньшія вышитыя салфетки лежали на другихъ меньшихъ столикахъ. Всѣ окна уставлены цвѣтами и у двухъ оконъ стояли два очень красивые, самой затѣйливой, по тогдашнему времени, работы дамскіе рабочіе столика: одинъ темнаго эбеноваго дерева, съ перламутровыми инкрустациями; другой—изъ мелкаго узорнаго паркета.

Человѣкъ въ сѣромъ казакнѣ ввелъ меня въ эту комнату и, попросивъ подождать, ушелъ въ другую дверь, далѣе. Дверь эта была полуотворена и открывала покой еще болѣе веселый и свѣтлый: свѣтло-голубыя, небеснаго цвѣта, стѣны его такъ и выдвигались. Всего убранства этого новаго покоя я не могъ разсмотрѣть, потому что видѣлъ только одинъ уголокъ, но замѣтилъ тамъ и горки, и этажерки, и статуэтки. Судя по обстановкѣ квартиры, я рѣшительно не могъ объяснить себѣ, куда это я попалъ. Но прежде чѣмъ пришелъ на этотъ счетъ къ какимъ-нибудь опредѣленнымъ заключеніямъ, человѣкъ въ сѣромъ казакнѣ попросилъ меня въ кабинетъ.

«Такъ это кабинетъ», подумалъ я,—и, направляясь по указанію, очутился въ этой небесной комнатѣ, пріюту и убранству которой, въ самомъ дѣлѣ, можно было позавидовать. Та же несказанная, невыразимая чистота, свѣтлая, веселенькая мебель, какая уже теперь рѣдко встрѣчается, или какую можно только встрѣтить у охотниковъ работать калькомани; вся эта мебель обита свѣтлымъ голубымъ ситцемъ, голубые ситцевые занавѣсы, съ подзорами на окнахъ, и дорогой голубой шелковый пологъ надъ широкою двухспальною постелью. По угламъ были, какъ я сказалъ, вездѣ горки и этажерки, уставленные самыми затѣйливыми фигурами,

по преимуществу женскими и, разумеется, обнаженными. Дорогой пологъ надъ кроватью былъ перетянутъ черезъ толстое золотое кольцо, которое держалъ въ лапахъ огромный вызолоченный орелъ. Въ углу былъ красивый трехъярусный образникъ и предъ нимъ темнаго дерева аналой, съ зелеными бархатными подушками. Словомъ, это было маленькое небо; не доставало только небожителя. Но и его собственно не доставало: онъ былъ тоже здѣсь, налицо, по только я его сразу не разсмотрѣлъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

— Ахъ, приношу вамъ сто извиненій!—услышалъ я почти изъ-за своего собственнаго плеча и, обернувшись, увидѣлъ предъ дамскимъ туалетомъ, какой привыкъ видѣть въ спальнѣ моей матери... какъ вамъ сказать, кого я увидѣлъ? Иначе не могу выразиться, какъ увидѣлъ уже самаго настоящаго купидона. Увидѣлъ и... растерялся, да и было отчего. Вы, конечно, помните, что я долженъ былъ встрѣтить здѣсь *капитана*: но представьте себѣ мое удивленіе, когда я увидѣлъ предъ туалетомъ какое-то голубое существо,—таки все, все сплошь голубое; голубой воротникъ, голубой сюртукъ, голубые рейтузы,—однимъ словомъ, все голубое, съ легкою бѣлокурою головкой, въ бѣломъ спальномъ дамскомъ чепцѣ, изъ-подъ котораго выбивались небольшія золотистыя кудерьки въ бумажныхъ папильоткахъ. Я просто никакъ не могъ себѣ уяснить, что это—мужчина или женщина. Но въ это время купидонъ обернулъ ко мнѣ свою усыпанную папильотками голову, и я увидѣлъ круглое, нѣжное, матовое личико, съ нѣжнымъ пушкомъ на верхней губѣ, зашипнутымъ у уголъвъ усть вверху тоненькими колечками. За этою работой, за завертываніемъ усиковъ, я собственно и засталъ моего купидона.

— Приношу вамъ пятьсотъ извиненій, что я васъ принимаю за туалетомъ: я спѣшу сегодня въ нарядъ,—заговорилъ купидонъ:—и у меня едва есть нѣсколько минутъ на всѣ сборы; но эти минуты всѣ къ вашимъ услугамъ. Мнѣ сказали, что вы хотите занять комнату у сестры Мани? Это прекрасная комната, вы будете ею очень довольны.

— Да,—отвѣчала я:—мнѣ нужна комната, и мнѣ сказали..

— Кто вамъ сказалъ?

— Не знаю... какая-то старушка..

— Ахъ, это вѣрно Авдотьюшка; да, у сестры прекрасная комната; сестра моя—это не изъ барыней отдаетъ, она недавно овдовѣла, такъ только чтобы не въ пустой квартирѣ жить. Вамъ будетъ прекрасно: тамъ тишина невозмутимая. Скучно можетъ быть?

— Я, говорю,—этого не боюсь.

— А не боятесь, такъ и прекрасно; а соскучитесь—пожалуйте во всякое время ко мнѣ, я всегда радъ. Вы студентъ? Я страшно люблю студентовъ. Самъ въ университетѣ не былъ, но къ студентамъ всегда чувствую слабость. Да что! Какъ и иначе-то? Это наша надежда. Молодой народъ, а между тѣмъ у нихъ всѣ идеи и мысли... а притомъ же вы сестринъ постоялецъ, такъ, стало-быть, все равно что свой. Не правда ли?

Я очень затруднялся отвѣчать на этотъ потокъ краснорѣчія, но лупидонъ и не ждалъ моего согласія.

— Эй, Климмъ!—крикнулъ капитанъ.—Климмъ!

Онъ при этомъ ударилъ два раза въ ладоши и крикнулъ:

— Трубочку поскорѣе, трубочку и шоколадъ... Двѣ чашки шоколаду... Вы выкушаете?—спросилъ онъ меня и, не дождавшись моего отвѣта, добавилъ:—Я чаю и кофе терпѣть не могу: чай дѣйствуетъ на сердце, а кофе—на голову; а шоколадъ живить... Приношу вамъ тысячу извиненій, что мы такъ мало знакомы, а я позволяю себѣ шутить.

Съ этимъ онъ схватилъ меня за колѣно, приподнялся, отодвинулъ немного табуретку и, придвинувшись къ зеркалу, началъ тщательно вывертывать изъ волосъ папильотки.

— Приношу вамъ двѣ тысячи извиненій, что задерживаю васъ, но все это сейчасъ кончится... мнѣ и самому некогда... Климмъ, шоколаду!..

Климмъ подалъ шоколадъ.

Я поблагодарилъ.

— Нѣтъ, пожалуйста! У насъ на Руси отъ хлѣба-соли не отказываются. Въ Англии сорокъ тысячъ даютъ, чтобы было хлѣбосоличество, да нѣтъ,—сами съ голоду умираютъ, а у насъ отечество кормить... Извольте кушать.

Дѣлать было нечего, я принялъ чашку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

— Вонъ ваша комната-то, всего два шага отъ меня,— заговорилъ капитанъ.— Видите, на извозчика ко мнѣ ужъ немного истратите. Вонъ видите тотъ флигель, направо?

Я приподнялся, взглянулъ въ окно и отвѣчалъ, что вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите, пожалуйста, къ окну.

— Да я и отсюда вижу.

— Нѣтъ, вы подойдите; тутъ есть маленькій фокусъ. Видите прекрасный флигелекъ. У насъ, впрочемъ, и вообще весь дворъ въ порядкѣ. Прежде этого не было. Хозяйка была страшная скареда. Я здѣсь не жилъ; сестра моя здѣсь прежде поселилась; я къ ней и хаживалъ. Хозяйка, вотъ точно такъ же какъ сестра теперь, лѣтъ пять тому назадъ овдовѣла. Купчиха ничего себѣ,—этакая, всегда довольно жантильная была, съ манерами, потому что она изъ актрисъ, но тяготилась и вдовствомъ, и управлять домомъ: а я, какъ видите, люблю жить чисто,—не правда ли? Что? Я вѣдь, кажется, чисто живу? Правда-съ?

— Да, отвѣчаю я,—правда.

— Кажется правда, и это съ самаго дѣтства. Познакомитесь съ сестрой, она вамъ все это расскажетъ; я всегда любилъ чистоту, и еще въ кадетскомъ корпусѣ ею отличался. Кто тамъ что ни говори, а военное воспитаніе... нельзя не похвалить его; разумеется, не со всѣхъ сторонъ: съ другихъ сторонъ университетъ, можетъ-быть, лучше, но съ другой стороны... всегда щеточка, гребенка, маленькое зеркальце въ карманѣ, и я всегда этимъ отличался. Я, бывало, приду къ сестрѣ, да и говорю: какъ это у васъ все грязно на дворѣ! Пять тысячъ извиненій, говорю, приношу вамъ, но просто въ свиунинкѣ живете. Хозяйка иногда хаживала къ сестрѣ... ну, и... сестра ей шутила: вотъ, говоритъ, вамъ бы какого мужа. Шути, конечно, потому что моя сестра знаетъ мои правила, что я на купчихѣ не женюсь, но наши, знаете, всегда больше женятся на купчихахъ, такъ ужъ тѣ это такъ и рассчитываютъ. Однакоже, я совсѣмъ не такой, потому что я къ этой службѣ даже и неспособенъ; но та развѣсила уши. Ну, куда же, скажите пожалуйста, мнѣ жениться—приношу вамъ двадцать тысячъ извиненій:—да еще жениться на купчихѣ?.. Нѣтъ, говорю, я жениться не могу; но порядокъ, дѣйствительно, моя пас-

сія, и домою управлять я согласенъ. Она мнѣ и предложила вотъ эту квартиру. Квартира, конечно, очень не велика. Передняя, что вы видѣли, залъ, да вотъ эта комната; но, вѣдь, съ одного довольно, а денщикъ мой въ кухнѣ; но кухню выправилъ, такъ что не стыдно; Климъ у меня не такъ, какъ у другихъ. Вотъ вы его видѣли; спросите его потомъ когда-нибудь, пожалуется ли онъ на меня? Климъ! — крикнулъ онъ громко:—Климъ!

Въ дверяхъ показался сѣрый Климъ.

— Доволенъ ты мной, или нѣтъ? Не бойся меня, отвѣчай мнѣ такъ, какъ бы меня здѣсь не было.

— Много доволенъ, ваше благородіе, — отвѣчалъ денщикъ.

— Ахъ, ты, скотина!

Постельниковъ самодовольно улыбулся и, махнувъ денщику рукою, добавилъ:

— Ну, и только, и ступай теперь къ своему мѣсту, готовь шинель. На меня никто не жалуется, — продолжалъ капитанъ, обратясь ко мнѣ. — Я всѣмъ, кому я что могу сдѣлать—дѣлаю. Отчего же, скажите, и не дѣлать? Вѣдь эгоизмъ,—я приношу вамъ сто тысячъ извиненій,—я вашихъ правилъ не знаю, но я откровенно вамъ скажу, я терпѣть не могу эгоистовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ.

Потокъ этихъ словъ былъ сплошной и неудержимый, и даже увлекательный, потому что голосъ у Леонида Григорьевича былъ необыкновенно мягкій, тихо вкрадчивый, слова, произносимыя имъ, выходили какія-то кругленькія и катились словно орѣшки по лубочному желобку. На меня отъ его говора самымъ непримичнымъ образомъ находилъ неодолимѣйшій магнетическій сонъ. Подъ обаяніемъ этого рокота, я даже съ удовольствіемъ сидѣлъ на мягкомъ креслѣ, съ удовольствіемъ созерцалъ моего купидона и слушалъ его рѣчи, а онъ продолжалъ развивать передо мной и свои мысли, и свои пашльотки.

— Хозяйка, — продолжалъ онъ: — живетъ тутъ внизу, но до нея ничто не касается; всѣмъ управляю я. И сестра теперь тоже, и о ней надо позаботиться. У меня, по правдѣ сказать, не малая опека, но я этимъ не тягочусь, и вы будьте покойны. Вы сколько платили на прежней квартирѣ?

Я сказать, сколько я платилъ.

— О, мы устроимъ васъ у сестры даже гораздо дешевле и вѣрно гораздо лучше. Вы студентъ, а въ той комнатѣ, гдѣ вы будете жить, все даже располагаетъ къ занятіямъ. Я оттуда немножко отдаляюсь, потому что я жизнь люблю, а сестра теперь, послѣ мужниной смерти, совсѣмъ, какъ она говоритъ, «предалась Богу»; но не суди—не суждень будешь. Впрочемъ, опять говорю, тамъ бѣсовъ изгоняють ладаномъ, а вы, если когда захотите посмотрѣть бѣсовъ, ко мнѣ милости просимъ. Я, знаете, живу молодымъ человѣкомъ, потому что юность дважды не приходитъ, и я васъ познакомлю съ прекрасными дамочками... я не ревнивъ; нѣтъ, что ихъ ревновать!

Онъ, махнувъ рукой, развернулъ послѣднюю папильотку и, намочивъ лежавшее возлѣ него полотенце одеколономъ, обтеръ себѣ руки и заключилъ:

— А теперь, прошу покорно, въ вашу комнату. Времени уже совсѣмъ нѣтъ, а мнѣ еще надо завернуть въ одно мѣстечко. Климъ! — громко крикнулъ онъ, хлопнувъ въ ладоши, и, пристегнувъ аксельбанты, направился чрезъ гостиную.

Я шелъ за нимъ молча, не зная, на что и для чего я все это дѣлалъ. Въ передней стоялъ Климъ, держа въ рукахъ сѣрую шинель и фуражку. Хозяинъ мой взялъ у него эту шинель изъ рукъ и молча указалъ ему на мою студенческую шинель; я торопливо накинулъ ее на плечи, и мы вышли, прошли черезъ дворъ и остановились у двери, обитой уже не зеленою сияющею клеенкой, а темнымъ, толстымъ, сѣрымъ сукномъ. Звонокъ здѣсь висѣлъ на довольно широкомъ черномъ ремнѣ, и когда капитанъ потянулъ за этотъ ремень, намъ послышался не веселый, дребезжащій звукъ, а какъ бы ударъ маленькаго колокола, когда онъ ударяетъ отъ колеблемой вѣтромъ веревки. Прошла минута, намъ никто не отворялъ. Постельниковъ снова дернулъ за ремень. Снова раздался заунывный звукъ, и дверь неслышнымъ движеніемъ проползла по полу и распахнулась. Предъ нами стояла старушка, бодренькая, востроносенькая, покрытая темнымъ коричневымъ платочкомъ. Капитанъ освѣдомился, дома ли сестра и есть ли у нея кто-нибудь.

— Есть-съ,—отвѣчала старушка.

— Монахи?

— Отец Варлаамій и Евстигней съ Филаретушкой.

— Ну, вотъ и прекрасно! Пусть они себѣ тамъ и сидятъ. Скажи: постояльца рекомендую знакомаго. Это необходимо, — добавилъ онъ мнѣ шопотомъ и тотчасъ же снова началъ вслухъ: — Вотъ видите, налѣво, этотъ коридоръ? тамъ у сестры три комнаты; въ двухъ она живетъ, а третья — тамъ у нея образная; а это вотъ, прямо дверь, — тутъ кабинетъ зятевъ былъ; вотъ тамъ въ нее и ходъ; а это и есть ваша комната. Глядите, — заключилъ онъ, распахивая передо мной довольно высокія бѣлыя двери въ комнату, которую, дѣйствительно, можно было назвать прекрасною.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

Комната, предлагаемая мнѣ голубымъ купидономъ, была большой наугольный покой въ два окна съ одной стороны, и въ два — съ другой. Весь онъ выходилъ въ большой густой садъ, деревья котораго обѣщали весной и лѣтомъ много прохлады и тѣни. Стѣны комнаты были оклеены дорогими коричневыми обоями, на которыхъ миллионъ разъ повторялась одна и та же буколическая сцена между пастухомъ и пастушкой. Въ углу стоялъ большой образъ, и предъ нимъ тихо мерцала лампада. Вокругъ стѣнъ выстроилась тяжелая мебель краснаго дерева съ бронзой, обитая темнокоричневымъ сафьяномъ. Два овальные стола были покрыты коричневымъ сукномъ; бюро краснаго дерева, съ бронзовыми украшениями; дальше письменный столъ и кровать въ альковѣ, задернутая большимъ визанымъ ковромъ; однимъ словомъ, такая комната, какой я никогда и не думалъ найти на мои скромныя деньги. Неудобствъ, казалось, никакихъ.

Несмотря на то, что мы только-что вступили въ эту комнату, тишина ея уже оказывала на меня свое пріятное дѣйствіе. Это, дѣйствительно, была глубокая и спокойная тишина, охватывающая собой человѣка съ первой же минуты. Вдобавокъ ко всему этому, въ комнатѣ слышался слегка запахъ роснаго ладану и смирны, что я очень люблю.

Капитанъ Постельниковъ замѣтилъ, что этотъ запахъ не ускользнулъ отъ меня, и сказалъ:

— Запахець, конечно, есть; но какъ на чей взглядъ, а на мой все-таки это не Богъ вѣсть какое неудобство. А за то, я вамъ говорю, эта Васписса, — старушка, которую вы

видѣли,—предобрая. и сестра предобрая. Богомольная только. ну, да что же вамъ до этого? Я, разумѣется, не знаю вашихъ правилъ, но я никогда открыто противъ религіи не возражаю. Къ чему? Всѣхъ вдругъ не просвѣтишь. Это все само собою имѣетъ свое теченіе и окончится. Я богомольнымъ не возражаю. Вы даже, можетъ-быть, замѣтили, у меня у самого есть лампады? Я ихъ самъ жгу. Что же такое? Это вѣдь въ существѣ ни чему не мѣшаетъ, а есть люди, для которыхъ это очень важно... Вы можете этому не повѣрить. но это именно такъ: вотъ, недалеко ходить, хоть бы сестра моя, рекомендую: если вы съ ней хорошенько обойдетесь, да этакъ иногда кстати пустите при ней о чемъ-нибудь божественномъ, такъ случись потомъ и недостатокъ въ деньгахъ, она и денегъ подождетъ; а заговорите съ ней по-модному, что «моль Богъ—пустяки, я знать Его не хочу», или что-нибудь такое подобное, сейчасъ и провалъ, а... а особенно на нашей службѣ... этакую откровенностію даже все можно потерять сразу.

— Сестра! — крикнулъ капитанъ, стукнувъ въ стѣну: — вели Василісъ чрезъ два часа здѣсь все освѣжить, къ тебѣ придетъ твой постоялецъ, мой хорошій знакомый. Это необходимо,—опять сказалъ онъ мнѣ шопотомъ.

— А какъ васъ зовутъ?

Я назвалъ мое имя.

— Его зовутъ Орестъ Марковичъ Ватажковъ; запиши у себя, а теперь мы съ нимъ ѣдемъ. И съ этимъ Постельниковъ надѣлъ посреди комнаты фуражку и повлекъ меня за собою.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Черезъ ту же лѣстницу мы снова спустились на дворъ, дѣ я хотѣлъ раскланяться съ Постельниковымъ, не имѣя, впрочемъ, никакого опредѣленнаго плана ни переѣзжать на квартиру къ его сестрѣ, ни улизнуть отъ него; но Леонидъ Григорьевичъ предупредилъ меня и сказалъ:

— Нѣтъ, вы что же? развѣ вы куда-нибудь спѣшите?

— Да, немножко.

— Ну, немножко ничего... Вы въ какую сторону?

Я сказалъ.

— Ахъ, Боже мой, намъ почти по дорогѣ. Немножко въ сторону, да отчего же? Для друга семь верстъ не околица,

а я,—прошу у васъ шестьдесятъ тысячъ извиненій,—можетъ быть и не имѣю еще права вполнѣ называться вашимъ другомъ, но надѣюсь, что вы не откажете мнѣ въ небольшой услугѣ.

— Охотно, говорю,—если только могу.

— О, очень можете, а я вамъ сдѣлаю услугу за услугу.

Съ этими словами мы снова очутились у знакомой зеленой двери капитановой квартиры. Онъ нетерпѣливо дернулъ звонокъ и, вскочивъ на минуту, дѣйствительно, тотчасъ же выскочилъ назадъ. Въ рукахъ его была женская картонка, въ какихъ обыкновенно модистки носятъ дамскія шляпы, большой конвертъ и длинный тонкій свертокъ. Изъ этого свертка торчала зонтичная ручка.

— Вотъ,—обратился онъ ко мнѣ:—потрудитесь это поддержать, только держите осторожнѣе, потому что тутъ цвѣты, а тутъ,—я, разумѣется, приношу вамъ сто тысячъ извиненій, но вѣдь вамъ ужъ все равно,—такъ тутъ зонтикъ. Но, Боже мой, что же это такое?—воскликнулъ капитанъ, взглянувъ на этотъ зонтикъ.

— Вотъ проклятая разсѣянность! Эта проволочка такъ и осталась не сплелною! Клинь, скорѣе напилоть!—И капитанъ быстро однимъ движеніемъ сбросилъ съ себя шинель, присѣлъ верхомъ на стулъ, съ большимъ мастерствомъ укрѣпилъ къ столбѣ стула зонтикъ и началъ быстро отплевывать небольшой кусокъ проволоки.

— Я люблю эту работу,—говорилъ онъ мнѣ, между дѣломъ.—Я вамъ скажу: въ наши лѣта все въ магазинахъ для дамъ покупать,—это, чортъ возьми, накладно, да и что тамъ купишь? Все самое обыкновенное и втридорога; а я этакъ, все какъ-нибудь, у Сухаревой башни, да на Смоленскомъ... очень пріятно, въ родѣ прогулки и вещи поддержанныя не дорого, а ихъ вотъ самъ почию, выправлю, и презентую... Вы увидите, какъ мы заживемъ,—жаловаться не будете. Я вотъ васъ сейчасъ подвезу до Никитскихъ воротъ и попрошу о маленькомъ одолженіи, а самъ поскорѣе на службу; а вы зато заведете первое знакомство, и въ то же время вамъ будетъ оказана услуга за услугу.

Я совсѣмъ не зналъ, что со мною дѣлають. У подъезда стояла гнѣдая лошадка, запряженная въ небольшой дрожечки. Мы сѣли и понеслись. Во всю дорогу до Никитскихъ воротъ капитанъ говорилъ мнѣ о своемъ житіи, о службѣ,

о бывающихъ у него хорошенькихъ женщинахъ, о томъ, какъ онъ весело живетъ, и вдругъ остановилъ кучера, указавъ мнѣ на одни ворота и сказалъ:

— Вотъ тутъ я васъ усердно прошу спросить прямо по лѣстницѣ, въ третьемъ этажѣ, перчаточницу Марью Матвѣевну; отдайте ей эти цвѣты и зонтикъ, а коробочку эту Лизѣ, блондинкѣ; приволонитесь за нею смѣло: она самое безкорыстнѣйшее существо и очень влюбчива, вздохните, глядя ей въ глаза, да руку къ сердцу, она и загорится, а пока au revoir.

И прежде, чѣмъ я нашелся что-нибудь отвѣтить, капитанъ Постельниковъ уже исчезъ изъ моихъ глазъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Должно вамъ сказать, что всѣ эти порученія, которыя надавалъ мнѣ капитанъ Постельниковъ, конечно, были мнѣ вовсе не по нутру, и я, несмотря на всю излишнюю мягкость моего характера и на апатію, или на полусонное состояніе, въ которомъ я находился во все время моихъ разговоровъ съ капитаномъ, все-таки хотѣлъ возратить ему всѣ эти порученности; но, какъ я сказалъ, это было уже невозможно.

Слѣдующею мыслью, которая мнѣ пришла за этимъ, было возвратиться назадъ и отнести все это на его квартиру и отдать его Климу. Я находилъ, что это всего достойнѣе; но, къ крайнему моему удивленію, сколько я ни звонилъ у капитанской двери, мнѣ ея никто не отперъ. Я отправился-было въ квартиру его сестры, но здѣсь на двукратно повторенный мною звонокъ мнѣ отперъ двери полный, румяный монахъ и съ соболюзующимъ взглядомъ въ очаль проговорилъ:

— Великодушно извините: Марья Григорьевна позатрапезно опочили, услужающихъ ихъ дома нѣтъ, а мы, приходящіе, ничего принять не можемъ.

— Чортъ знаетъ, что такое. Э, думаю, была не была, пойду ужъ и сдамъ скорѣй по адресу.

И вотъ я снова взялъ извозчика и поѣхалъ къ Никитскимъ воротамъ.

Нѣтъ никакой нужды рассказывать, что за особъ встрѣтилъ я въ тѣхъ дѣвицахъ, которымъ я передавалъ посланныя черезъ меня вещи. Довольно сказать, что все это было

свѣжо, молодо и, на тогдашній юный неразборчивый мой вкусъ. очень приглядно, а, главное, безцеремонно и просто-душно. Я попалъ на именины и хотѣлъ, разумѣется, сейчасъ же отсюда уйти; но меня схватили за руки и, буквально, силой усадили за пирогъ, а пока ѣли пирогъ, явился внезапно освободившійся отъ своихъ дѣлъ капитанъ Постельниковъ и съ нимъ мужчина съ страшными усницами: это былъ поэтъ Трубицынъ. Кончилось все это для меня тѣмъ, что я здѣсь впервые въ жизни ощутилъ вліяніе пиршества, въ питьѣ дошелъ до неблагопристойной потребности уснуть въ чужомъ домѣ и получилъ отъ Трубицына ключку «Филимопъ-простота», — обстоятельство ничтожное, но имѣвшее для меня, какъ увидите, самыя трагическія послѣдствія.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Проснувшись передъ вечеромъ на диванѣ, въ чужой квартирѣ, я быстро вскочилъ и съ жесточайшею головою болью бросился скорѣй бѣжать къ себѣ на квартиру; но представьте же себѣ мое удивленіе! только-что я прихожу домой, на свою прежнюю квартиру, какъ вижу, что комнату мою тщательно прибираютъ и моютъ и что въ ней не осталось уже ни одной моей вещи, положительно, что-называется, ни сина-пороха.

— Какъ же и куда все мое отсюда дѣлось?

— А ваше все, отвѣчаютъ, — перевезъ къ себѣ капитанъ Постельниковъ.

— Позвольте-съ, говорю, позвольте, что это за вздоръ! какъ капитанъ Постельниковъ перевезъ? Этого быть не можетъ.

— Нѣтъ-съ, говорятъ, — дѣйствительно перевезъ.

— Да по какому же праву, говорю, вы ему отпустили мои вещи?

Но вижу, что предстоящіе послѣ этого вопроса только рты разинули и стоятъ передо мною какъ удивленные галчата.

— По какому праву? — продолжаю я добиваться.

— Капитану-то Постельникову? — отвѣчаютъ мнѣ съ смущеніемъ.

— Да-съ.

— Капитану Постельникову по какому праву?

— Ну да: капитану Постельникову по какому праву?

Галчата и рты замкнули: дескать на тебя, братъ, даже и удивляться не стоить.

— Вотъ, говорятъ,—чубучокъ вашъ съ змѣиными головками капитана Постельникова денщикъ не захватилъ, такъ извольте его получить.

Я разсердился. послалъ всѣмъ мысленно тысячу проклятій. надѣлъ шинель и фуражку, захватилъ въ руки чубучокъ съ змѣиными головками и повернулся къ двери, но досадно же такъ уйти, не получа никакого объясненія. Я вернулся снова, взялъ въ сторонку мать моего хозяина, добрейшую старушку, которая, казалось, очень меня любила, и говорю ей:

— Матушка Арина Васильевна! Поставьте мнѣ голову на плечи: расскажите, зачѣмъ вы отдали незнакомому человеку мои вещи?

— Да мы, дитя, думали, говорить, что—сыночекъ мой Митроша на тебя жалобу приносилъ, что ты квартиры не очищаешь, такъ что тебя по начальству отъ насъ сводятъ.

— Ахъ, Арина Васильевна, да развѣ, молъ, это можно, чтобы вашъ сынъ на меня пошелъ жаловаться? Вѣдь мы же съ нимъ пріятели.

— Знаю, говоритъ,—ангелъ мой, что вы пріятели, да мы думали, что, можетъ-быть, онъ въ шутку это надъ тобой пошутить.

— Что это: жаловаться-то, говорю, онъ въ шутку ходилъ?

— Да.

— Арина Васильевна, да нѣшто этакъ бываетъ? Нѣшто это можно?

Арина Васильевна только растопыривла руки и бормочетъ:

— Вотъ, говори же, баить, ты съ нами!—мы сами, дитя, не знаемъ, что у насъ было въ думѣ.

Я махнулъ рукой, захватилъ опять чубучокъ, сухо простился и вышелъ на улицу.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Не могу вамъ разсказать, въ какомъ я былъ гадкомъ состояніи духа. Разыгранная се мной штука просто сбила меня съ пахвей, потому что я, послѣ своего неловкаго поведенія у знакомыхъ дамъ капитана, ни за что не расположенъ былъ жить у его сестры и даже даль-было себѣ слово никогда не видать его. Комната мнѣ правилась, и я

ничего не имѣлъ противъ нея, но я имѣлъ много противъ капитала; мнѣ его предупредительность была не по нутру, а, главное, мнѣ было чрезвычайно неприятно, что все это сдѣлалось безъ моей воли. Но я могъ сердиться сколько мнѣ угодно, а дѣло уже было сдѣлано.

Досада объяла меня несказанная, и я, чтобы невозможно поразвлечься и поразсѣяться и чтобы не идти на новую квартиру, отправился бродить по Москвѣ.

Я ходилъ очень долго, заходилъ въ нѣсколько церквей, гдѣ тупо и безсознательно слушалъ вечернюю службу, два или три раза пилъ чай въ разныхъ трактирахъ, но, наконецъ, дѣваться болѣе было некуда. На дворѣ уже совсѣмъ засумерчило и по улицамъ только изрѣдка кое-гдѣ пробѣгали запоздалыя чуйки; бродить по улицамъ стало совсѣмъ неловко. Я подошелъ къ одному фонарю, вынулъ мои карманные часы: было одиннадцать часовъ. Пора было на ночлегъ; я взялъ извозчика и поѣхалъ на мою новую квартиру. Къ удивленію моему, у воротъ ждалъ меня дворникъ; онъ раскрылъ передо мною калитку и вызвался проводить меня по лѣстницѣ съ фонарикомъ, который онъ зажегъ внизу, въ своей дворницкой. Ремень, приснащенный къ звонку моей квартиры, былъ тоже необыкновенно чутокъ и послушенъ: едва я успѣлъ его потянуть, какъ дверь, шурша своимъ войлочнымъ подбоемъ, тихо отползла и приняла меня въ свои объятія. Въ передней, на полочкѣ, тихо горѣлъ чистенькій ночничокъ. Комната моя была чиста, свѣжа; предъ большимъ образомъ Спасителя ярко сіяла лампада; вещи мои были разложены съ такою аккуратностью и съ такимъ порядкомъ, съ какимъ я самъ разложить ихъ никогда не сумѣлъ бы. Платье мое было развѣшено въ шкафѣ; посреди стола, предъ чернильницей, лежалъ мой бумажникъ и на немъ записка, въ которой значилось: «Денегъ наличныхъ 47 руб. ассигнаціями, 4 цѣлковыхъ и серія», а внизу подъ этими строками выдавлена буква «П», по которой я узналъ, что всею этой аккуратностью въ моей комнатѣ я былъ обязанъ тому же благодатному Леониду Григорьевичу.

— П скажите пожалуйста, разсуждалъ я себѣ:—когда же онъ все это дѣлалъ? Я раскисъ и ошалѣлъ, да слоны слонялъ по Москвѣ, а онъ какъ ни въ чемъ не бывалъ и еще всѣ дѣла за меня попередѣлалъ!

Я отдернулъ альковъ моей кровати и увидѣлъ постель,

застланную ослѣпительно чистымъ бѣльемъ. Думать мнѣ ни о чемъ больше не хотѣлось; переѣхалъ такъ переѣхалъ, или перевезли такъ перевезли,—дѣлать ужъ нечего, благо тихо, покойно, кровать готова и спать хочется. Я раздѣлся, перекрестился, легъ и заснулъ въ ту же самую минуту, какъ только упалъ головой на подушки. Запавѣски, которою отдѣлялся мой альковъ, я не задернулъ, потому что, ложась, надѣялся помечтать при свѣтѣ лампы; но мечтанья, по поводу внезапнаго крѣпкаго сна, не случилось; зато около полуночи меня началъ осѣнять цѣлый рой самыхъ прихотливыхъ сновидѣній. Мы съ Постельниковымъ не то летѣли, не то валились на землю откуда-то, совсѣмъ изъ другого міра, не то въ дружественныхъ объятіяхъ, не то въ какомъ-то невольномъ сщепеніи. Я былъ какой-то темный, неопредѣленный, онъ такой же голубой, какимъ я его видѣлъ и какимъ онъ мнѣ только и могъ представляться; но у него, кромѣ того, были большія влажныя крылышки; помахивая ими, онъ меня словно всего склеивалъ, и свистъ отъ взмаховъ этихъ крыльевъ и сладостно и рѣзко раздавался въ моемъ слухѣ. Затѣмъ вдругъ мы очутились въ этой самой комнатѣ и ѣздили по ней долго и долго, пока вдругъ капитанъ далъ мнѣ въ носъ щелчокъ, и я проснулся.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Пробужденіе мое было удивительно не менѣе самаго сна. Во-первыхъ, я увидѣлъ надъ собою—кого бы вы думали?—Точно такъ, какъ бывало въ моемъ дѣтствѣ, я увидѣлъ надъ моимъ изголовьемъ свѣжаго, воскового купидона, привѣшеннаго къ алькову моей кровати. У купидона подъ крылышками была бархатная ермолочка на розовой шелковой подкладкѣ, а на ней пришилена бумажка, опять точно такъ же съ надписью, какъ бывало во время моего дѣтства. Это меня поразило. Я приподнялся съ кровати и съ нѣкоторымъ удовольствіемъ устремилъ глаза мои на бумажку. На ней было написано: «Оресту Марковичу Ватажкову на новоселье, въ знакъ дружбы и пріязни. Постельниковъ».

— Чортъ знаетъ, чего этотъ человѣкъ такъ нахально лѣзетъ ко мнѣ въ дружбу? подумалъ я, и только-что хотѣлъ встать съ кровати, какъ вдругъ двери моей комнаты распахнулись и въ нихъ предсталъ самъ капитанъ Постельниковъ. Онъ несъ большой крендель, а на кренделѣ

маленькую вербочку. Это было продолженіе подарковъ на мое навоселье, и съ этихъ поръ для меня началась новая жизнь и далеко не похвальная.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

По моему безволю и малохарактерности я, конечно, сблизился съ капитаномъ Постельниковымъ безмѣрно и зато сталъ заниматься науками гораздо менѣе и гораздо хуже, чѣмъ прежде. Все свое время я проводилъ у моего голубого купидона и перезнакомился у него съ массою самыхъ нестрогихъ лицъ женскаго пола, которыхъ въ квартирѣ Постельникова было всегда какъ мошекъ въ погожій вечеръ. Это преимущественно были дамы и дѣвицы не безъ пятенъ и не безъ упрековъ. Постельниковъ былъ женскій любимецъ и, какъ настоящій любимецъ женщинъ, онъ не привязывался рѣшительно ни къ одной изъ нихъ, и третировалъ ихъ en sañaille, но въ то же время лукаво угождалъ всѣмъ имъ всевозможными мелкими, нѣжными услугами. Онъ и меня втиралъ въ особенное ко многимъ изъ этихъ дамъ расположеніе, отказываться отъ котораго, при тогдашнихъ юныхъ моихъ лѣтахъ, я не всегда былъ въ состояніи. Сближеніе мое съ этою женскою плеядой, которую я едва въ силахъ возобновить въ своей памяти, началось со свадьбы той самой Тани или Лизы, которой я возилъ цѣфты. Она выходила замужъ за какого-то чиновника. Постельниковъ былъ у нея посаженнымъ отцомъ и поднесъ живую розу, на которой были его же живые стихи, которые я до сихъ поръ помню. Тамъ было написано:

Розу розѣ посвящаю,
Розѣ розу я дарю,
Розу розой украшаю,
Чтобы шла такъ къ алтарю.

На этой свадьбѣ, помню, произошелъ небольшой скандалчикъ, довольно страннаго свойства. Постельниковъ и его пріятель, поэтъ Трубицынъ, увезли невѣсту изъ-подъ вѣнца прямо въ Сокольники и возвратили ее ея супругу только на другой день... Жизнь моя вся шла среди подобныхъ исторій, въ которыхъ, впрочемъ, самъ я былъ очень пенскусень и слытъ «Филимономъ».

Такъ прошелъ цѣлый годъ, въ теченіе котораго я все слытъ «Филимономъ», хотя, по правдѣ вамъ сказать, мнѣ,

какъ бы по какому-то предчувствію, кличка эта жестоко не нравилась, и я употреблялъ всяческія усилія, чтобъ ее съ себя сбросить. И пилъ вино, и дѣломъ своимъ не занимался. и въ дѣвичьемъ вертоградѣ оріентировался, а поэтъ Трубицынъ и другіе наши общіе друзья какъ зарядили меня звать «Филимономъ», такъ и зовутъ. Ну, думаю, врагъ васъ побори; зовите себѣ какъ хотите! Пересталъ объ этомъ думать и даже началъ совершенно равнодушно отзываться на кличку, безправно замѣнившую мое крещеное имя.

Однако, я долженъ вамъ сказать, что совѣсть моя была неспокойна: она возмущалась моимъ образомъ жизни, и я рѣшилъ во что бы то ни стало выбраться изъ этой компаніи: дѣло стояло только затѣмъ, какъ къ этому приступить? Какъ сказать объ этомъ рѣшеніи голубому купидону и общимъ друзьямъ?... На это у меня не хватало силы и я все откладывалъ свое рѣшеніе день ото дня въ сладостной надеждѣ, что не подвернется ли какой счастливый случай и не выведетъ ли онъ меня отсюда, какъ привелъ?

Избравъ себѣ такой выжидательный способъ дѣйствій, я не ошибся въ моихъ надеждахъ на благодѣтельный случай: онъ не заставилъ себя долго ожидать и явился именно яко тать въ ночи. Этимъ распочинается самая скверная полоса. закончившая собою первую половину моей жизни.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ.

Одинъ разъ, проводивъ отъ всенощной одну изъ своихъ знакомыхъ дамъ, я подъ мелкимъ, частымъ дождемъ возвратился домой и, отворивъ свою дверь, остолбенѣлъ. Въ передней у меня сидѣли рядомъ два здоровенные солдата въ голубыхъ шинеляхъ, а двери моей комнаты были связаны инуркомъ, на которомъ болталась на бумажкѣ большая красная печать. Меня такъ и откинуло назадъ въ сѣни. Не забудьте, что въ тогдашнее время увидѣть въ своей комнатѣ голубого солдата было совсѣмъ не то, что теперь, хотя и теперь, конечно, это визитъ не изъ особенно пріятныхъ, но тогда... это спаси Боже что значило! Мнѣ тотчасъ же представилась тройка, которая помчитъ меня Богъ вѣсть куда, гдѣ я пропаду безъ вѣсти и сгину невѣдомый ни матери, ни роднымъ, ни приснымъ... И вотъ во мнѣ вдругъ пробудилась вообще мало свойственная мнѣ жгучая энергія, твердая и непреклонная рѣшимость спастись: прежде чѣмъ

подстерегавшіе меня алгвазины могли что-нибудь сообразить, я быстро скатился съ лѣстницы и явился къ Леониду Григорьевичу. Капитанъ Постельниковъ теперь въ моемъ отчаянномъ положеніи былъ единственный человѣкъ, у котораго я могъ просить какого-нибудь разъясненія и какой-нибудь защиты. Но его Климъ отворилъ мнѣ двери и объявилъ, что барина нѣтъ дома и что даже неизвѣстно, когда онъ и возвратится, потому что они, говорить, «порютъ теперь горячку по службѣ».

— Лантрыганили, говорить, — лантрыганили, а вотъ теперь имъ генераль дають проборку; они и порютъ горячку и на ночь наврядъ ли вернутся.

Положеніе мое дѣлалось еще безпомощнѣе, и я рѣшился во что бы то ни стало отсюда не выходить. Хотя, конечно, и квартира Леонида Григорьевича была не Богъ знаетъ какое надежное убѣжище, но я предпочиталъ оставаться здѣсь, во-первыхъ, потому, что все-таки рассчитывалъ на большую помощь со стороны Постельникова, а во-вторыхъ, какъ извѣстно, гораздо выгоднѣе держаться подь самую стѣну, съ которой стрѣляютъ, чѣмъ отбѣгать отъ нея, когда вовсе убѣжать невозможно.

Тутъ, думалъ я, меня, по крайней мѣрѣ, никто не вздумаетъ искать, и выстрѣлы хотя на первое время, вѣроятно, пролетятъ надъ моею головою.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Изнывая и томясь въ самыхъ тревожныхъ размышленіяхъ о томъ—откуда и за чѣмъ рухнула на меня такая напасть, я довольно долго шагалъ изъ угла въ уголъ по безлюдной квартирѣ Постельникова и вдругъ почувствовалъ неодолимую слабость, прикурнулъ на диванчикъ и задремалъ. Я спалъ такъ крѣпко, что не слышалъ какъ Постельниковъ возвратился домой и проснулся уже, по обыкновенію, въ восемь часовъ утра. Голубой кушдонъ въ это время всталъ и умывался.

Разстроенный и взволнованный, я воѣжалъ въ его комнату и впопыхахъ объяснилъ ему, какая со мною случилась исторія.

Постельниковъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на меня долгимъ пристальнымъ взглядомъ, и вдругъ что-то припомнивъ, быстро хватилъ себя по лбу ладонью и воскликнулъ:

— Ахъ. чортъ меня возьми. прости мнѣ, Бога ради, Филимоша, за мою дурацкую разсѣянность. Успокойся, — все это, дружокъ, пустяки!

— Позволь, говорю, — какъ же мнѣ успокоиться, когда меня сейчасъ могутъ сослать, и я даже не знаю за что?

— Пустяки это, Филимоша, все пустяки: арестъ—вздоръ и сослать тебя нигуда не сошлютъ, я тебѣ въ томъ по-рука, что нигуда тебя не сошлютъ.

— Такъ ты, говорю, — разскажи мнѣ, пожалуйста, въ чемъ же меня подозрѣваютъ, въ чемъ моя вина и преступленіе, если ты это знаешь?

— «Если я знаю»? Чудакъ ты, Филимоша! Разумѣется, я знаю; прекрасно, мой другъ, знаю. Это все дѣло изъ пустяковъ: у тебя книжку нашли.

— Какую, какую нашли у меня книжку?

— Рылѣва «Думы».

— Ну, такъ что же, говорю, такое? Вѣдь это я у тебя же эту книжку взялъ.

— Ну, разумѣется, говорить, у меня; я этого tête-à-tête съ тобою и не отвергаю...

— Такъ позволь же, пожалуйста, что же это такое?.. Откуда же кто-нибудь могъ узнать, что у меня есть эта книжка?

— А вотъ ты, говорить, не горячись, а сядь, да имѣй терпѣніе выслушать, такъ я тебѣ разскажу.

Зная обильные потоки словотеченія Леонида Постельникова и его неумѣніе ничего разсказывать коротко и просто, я повиновался и, скрѣпя сердце, сѣлъ и страдальчески сложилъ на груди руки.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ.

— Видишь ли, — неспѣшно началъ мой мучитель, основательно усаживаясь у туалета и пристуная къ распусканію своихъ папильотокъ: — видишь ли, про это, наконецъ, дознались...

— Да я, говорю, я именно это-то и хочу знать, какимъ образомъ могли дознаться про то, что я всего позавчера съ глаза-на-глазъ взялъ у тебя книжку?

— Душа моя, да зачѣмъ же, говорить, — ты усиливаешься это постичь, когда это все именно такъ и устроено, что ты даже, можетъ-быть, чего-нибудь и самъ не знаешь, а тамъ о тебѣ все это извѣстно! Зачѣмъ же тебѣ въ это проникать?

— Нѣтъ я, говорю,—хочу знать, что же, гдѣ же я, съ кѣмъ я и кто за мною шпионить?

— Ну, вотъ ужъ и «шпионъ»! Какія у васъ, право, глупыя слова всегда наготовѣ... Вотъ отъ этого-то мнѣ и не удивительно, что вы часто за нихъ попадаетесь... языкъ мой—врагъ мой. Что такое «шпионство»? Это обидное слово и ничего болѣе. Шпионъ, соглядатай—это употребляется въ военное время противъ непріятеля, а въ мирное время ничего этого нѣтъ.

— Да позволъ же, говорю, — пожалуйста: какъ же стало извѣстно, что у меня есть твоя книга?

— А это другое дѣло; это совсѣмъ другое дѣло: тутъ нѣтъ никакого шпионства, а я, видишь... я тебѣ откровенно признаюсь, я, чортъ меня побери, какъ на себя ни злюсь, но я совсѣмъ неспособенъ къ этой службѣ. Я въ нее и не хотѣлъ, — я хотѣлъ въ уланы, а это все маменька такъ устроила, что... въ этомъ войскѣ, говоритъ, хорошо, и обезпечено, и мундиръ, и шпоры, и это войско на войну не ходитъ,—а между тѣмъ она, моя почтенная матушка-то, того не сообразила, годенъ ли я, способенъ ли я къ этой службѣ. Тутъ, правда, не контузятъ и не ранятъ, а выслужиться можно скорѣй, чѣмъ въ битвахъ, но зато эта служба требуетъ, такъ сказать, высшихъ способностей, тутъ, такъ сказать... къ ученому даже нѣчто примыкаетъ, потому что требуется наблюдательность, а у меня ее никакъйшей, а у насъ за это не хвалятъ... и основательно дѣлаютъ, что не хвалятъ, потому что у насъ безъ этого нельзя, потому что иначе на что же мы?

Нетерпѣніе беретъ меня страшно!

— Позволъ, говорю,—Христа ради, мнѣ тебя перебить.

— Да, хорошо, отвѣчаешь,—перебей, братецъ,—перебей, но ты во всякомъ случаѣ долженъ со мной согласиться, что вѣдь мы же должны заботиться о томъ, чтобы мы оказывались на что-нибудь нужными?

— Прекрасно, говорю,—прекрасно, но позволъ...

— Нѣтъ, ты самъ позволъ: мы обязаны это доказать, или нѣтъ: что мы нужны? А почему? Потому, душа моя, что вѣдь мы во что-нибудь странѣ-то обходимся, потому что мы вѣдь рубля два съ полтиною въ годъ государству-то стоимъ?

Господи, мнѣ приходилось хотъ плакать.

— Бога ради, говорю, — Леонидъ Григорьевичъ, мнѣ не до разговоровъ; я тебя съ умилениемъ прошу, не носи ты мнѣ, Христа ради, всей этой ахинеи, а скажи мнѣ, за что меня берутъ?

— Да я къ этому и иду! что же ты самъ меня перебиваешь. а самъ говоришь, что я несу ахинею?

— Ну, ладно, говорю, — я молчу и не перебиваю, но только, ради Бога, скажи скорѣе, въ чемъ же дѣло?

— А въ чемъ, ты думаешь, дѣло? Все дѣло въ томъ, что у насъ до этихъ поръ нѣтъ еще настоящихъ наблюдательныхъ людей. Оттого мы чортъ знаетъ чѣмъ и занимаемся. Ты видалъ у меня нашего офицера Бекасинникова?

— Ну, видалъ, говорю, — видалъ.

— Прекрасный парень, товарищъ и добрейшая душа, — а вѣдь какъ, каналья, одинъ разъ меня срѣзаль? Тоже вотъ какъ у меня: наблюдательности у него никакѣйшей, и не находчивъ, а вѣдь это въ извиненіе не берется; его и приструнили, и такъ приструнили, что хоть или въ отставку подавай, или переходи въ другую службу, но изъ нашего вѣдомства это уже считается... неловко. Что же ты думаешь онъ, свинья, сдѣлалъ? Встрѣтилъ меня на улицѣ и ну меня обнимать, да потихоньку снялъ у меня съ сабли темлякъ, и положилъ его мнѣ въ карманъ шинели, а самъ сообщилъ, что «Постельниковъ, говоритъ, манкируетъ формой и подаетъ вредный примѣръ другимъ». Меня вдругъ и зовутъ: я ничего не знаю, являюсь какъ былъ — и прямо поѣхалъ за это на гауптвахту. Тамъ и нашелъ я темлякъ въ шинели, да ужъ нечего дѣлать. Но я Бекасинникова въ томъ не виню: что же ты будешь дѣлать? Герои рѣдки, а службой своей долженъ каждый дорожить.

Меня вдругъ осѣнило.

— Остановись, говорю, — Леонидъ Григорьевичъ: — я боюсь, что я тебя, наконецъ, понимаю?

— Ну да, говоритъ, — Филимоша, да, ты правъ; между четырехъ глазъ я отъ тебя не скрою: это я сообщилъ, что у тебя есть запрещенная книжка. Приношу тебѣ, голубчикъ, въ этомъ пять милліоновъ извиненій, но такъ какъ иначе дѣлать было нечего... Ты, я думаю, вѣдь самъ замѣтилъ, что я послѣдніе дни повѣся носъ ходилъ... Я вѣдь службы могъ лишиться, а вчера мнѣ приходилось хоть вотъ какъ, —

и Постельниковъ выразительно черкнулъ себя рукой по горлу и бросился меня цѣловать.

Повѣрите или нѣтъ, я даже не могъ злиться. Я былъ такъ ошеломленъ откровенностью Постельникова, что не только не обругалъ его, но даже не нашелъ въ отвѣтъ ему ни одного слова! Да, немного времени осталось мнѣ и для разговоровъ, потому что въ то время, какъ я не мѣшалъ Постельникову покрывать поцѣлуями мои щеки, онъ махнулъ у меня за плечами своему денщику, и по этому мановенію въ комнату явились два солдата и отъ него же взяли меня подъ арестъ.

Я просидѣлъ около десяти дней въ какой-то дырѣ, а въ это время вышло распоряженіе исключить меня изъ университета съ тѣмъ, чтобы ни въ какой другой университетъ не принимать; затѣмъ меня посадили на тройку и отвезли на казенный счетъ въ нашъ губернскойій городъ подъ надзоръ полиціи, причемъ, конечно, утѣшили меня тѣмъ, что, во вниманіе къ молодости моихъ лѣтъ, дѣло мое не довели до вѣдома высшей власти. Силь *родительскимъ* мѣропріятіемъ положенъ былъ предѣлъ учености моей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ.

У насъ въ деревнѣ уже знали о моемъ несчастіи. Извѣстіе объ этомъ дошло до дядина имѣнія черезъ чиновниковъ, которымъ былъ присланъ секретный наказъ, гдѣ мнѣ дозволить жить и какъ наблюдать за мною. Дядя тотчасъ понялъ, въ чемъ дѣло, но отъ матушки половину всего скрыли. Дядя возмутился за меня и, Богъ знаетъ сколько лѣтъ не выѣзжая изъ деревни, тронулся самъ въ губернскойій городъ, чтобы встрѣтить меня тамъ, разузнать все въ подробности и потомъ ѣхать въ Петербургъ и тряхнуть въ мою пользу своими старыми связями.

При первомъ нашемъ свиданіи старикъ былъ со мною, сверхъ ожиданія, теплый и нѣженъ; онъ держалъ меня во все время разговора за руку, и когда я окончилъ свой рассказъ, онъ пожалъ плечами и проговорилъ:

— Боже великій, чѣмъ люди занимаются! Ну, однако,—добавилъ онъ:—этого такъ имъ оставить невозможно. Я поѣду просить, чтобы тебѣ дозволили поступить въ другой университетъ, а теперь пока отдохни.

Онъ самъ наблюдалъ, какъ мнѣ сдѣлали ванну, самъ уложилъ меня въ постель, но черезъ два часа самъ сдѣлалъ мнѣ такое горе, нанесъ мнѣ такое несчастіе, передъ которымъ шутка Постельникова была невиннѣйшею идиотіей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Я спалъ безмятежно сномъ совершенно мертвымъ, какимъ только можно спать послѣ тысячеверстнаго пути на перекладной телѣгѣ, и вдругъ сквозь этотъ невѣроятный сонъ я услышалъ успокоительное пѣніе «Святый Боже», затѣмъ ужасный, потрясающій крикъ, стонъ, вопль—не знаю какъ вамъ и назвать этотъ ужасный звукъ, отъ котораго еще сейчасъ востъ мозгъ костей моихъ... Раздался этотъ крикъ и вдругъ какая-то паника, какой-то смущающій шопотъ, хлопанье дверей и всеобъемлющій ужасъ... Изъ живыхъ людей меня никто не будилъ, но чья-то незримая рука толкнула меня въ ребра и надъ ухомъ прожужжала пчела. Я вскочилъ, выбѣжалъ въ залъ... и увидѣлъ на диванѣ мою мать... мертвою.

Вѣщунъ сердце ея не выдержало: она чужа, что со мною худо, и прилетѣла въ городъ вслѣдъ за дядей; дядѣ вдругъ вздумалось пошутить надъ ея *сентиментальностью*. Увидѣвъ, что матушка вѣхала на дворъ и выходитъ изъ экипажа, онъ заперъ на крючокъ дверь и запѣлъ «Святый Боже». Онъ ей спѣлъ эту отходную, и вопль ея, который я слышалъ во снѣ, былъ предсмертный крикъ ея ко мнѣ. Она грохнулась у двери на землю и... умерла отъ разрыва сердца.

Этого ужъ я не могъ вынести и заболѣлъ горячкой, въ которой отъ всѣхъ почитался въ положеніи безнадежномъ, но вдругъ въ двѣнадцатый день опомнился, сталъ быстро поправляться и толстѣть самымъ непозволительнымъ образомъ.

Дядя избѣгалъ со мною всякихъ свиданій, но какими-то доселѣ мнѣ невѣдомыми путями исходатайствовалъ мнѣ позволеніе жить въ Петербургѣ и оканчивать тамъ свое образованіе.

Я, конечно, не заставилъ себѣ повторять этого разрѣшенія, и немедленно же собрался.

Дядя наблюдалъ за моимъ здоровьемъ, но самъ скры-

вался; онъ показался мнѣ только въ самую минуту моего отъѣзда, но это отнюдь не былъ уже тотъ мой дядя, какого я привыкъ видѣть: это былъ старецъ смиренный, тихій, убитый, въ сермяжномъ подрясникѣ, подпоясаниомъ чернымъ ремнемъ, и съ сѣдою щетиной на бородѣ.

Старикъ встрѣтилъ меня въ сѣняхъ, когда я выходилъ, чтобы садиться въ телѣгу, и, упавъ предо мной на колѣна, горько зарыдалъ и прошепталъ:

— Орестъ! прости меня Христа ради.

Я бросился къ нему, поднялъ его, и мы поцѣловались и разстались съ тѣмъ, чтобы уже никогда больше на этомъ свѣтѣ не видаться.

Такимъ образомъ, *шутя* выгнанный изъ Москвы, я приѣхалъ въ свой городъ какъ будто только для того, чтобы тамъ быть свидѣтелемъ, какъ *шутя* убили при мнѣ страстно любимую мною мать и, къ стыду моему, растолстѣть отъ горячки и болѣзни.

— Что-то ждетъ меня еще въ Петербургѣ? — задавалъ я себѣ pytanie, и хотя совсѣмъ разучился вѣрить во что-нибудь хорошее, но съ озлобленіемъ не боялся ничего и худого.

— На́ же тебѣ меня, на́! — говорилъ я мысленно своей судьбѣ. — На́ тебѣ меня, и подѣлай-ка со мной что-нибудь чуднѣе того, что ты дѣлала. Нѣтъ, молъ, голубка, ты меня ужъ ничѣмъ не удивишь!

Но я въ этомъ наижесточайше ошибся: то, что судьба готовила мнѣ здѣсь, превзошло всякія неожиданности.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ.

Я вамъ говорилъ, что въ моей рукѣ не только былъ перочинный ножъ, которымъ я ранилъ въ гимназїи великаго Калатузова, но я держалъ въ моихъ рукахъ и мечъ. Вотъ какъ это случилось.

Живу я въ Петербургѣ тихо и смиренно, и учусь. Новой бѣды надъ собою, разумѣется, ни откуда не жду, да и думаю, что и взяться ей не откуда. Вѣрно, думаю, злая судьба моя ужъ удовлетворилась.

Успокоивая себя такимъ образомъ, я самъ сталъ терять мое озлобленіе и началъ разсуждать обо всемъ въ духѣ сладчайшаго всепрощенія. Я даже нашелъ средство примириться съ поступкомъ дяди, стоившимъ жизни моей матери.

«Что же, — думаю я, — матушка умерла праведницей, а кончина ея обратила безноконнаго и строптиваго дядю моего къ христіанскому смиренію. Благому духу моеи матери это сладчайшая награда, и не обязанъ ли я смотрѣть на все совершившееся какъ на исполненіе предначертаній Промысла, щущаго каждой заблудшей овцы?»

Я рѣшилъ себѣ, что это именно такъ, и написалъ объ этомъ моему дядѣ, отъ котораго чрезъ мѣсяць получаю большой пакетъ съ дарственною записью на все его имѣніи и съ письмомъ, въ которомъ онъ кратко извѣщалъ меня, что онъ оставилъ домъ, живетъ въ кельѣ въ одной пустыни и постригся въ монахи, а потому, — добавляетъ, — «не только сіятельствомъ, но даже и благородіемъ меня впредь не титулуй, ибо монахъ благороднымъ быть не можетъ!» Эта двусмысленная, шутивая приписка мнѣ немножко не понравилась: и этого онъ не сумѣлъ сдѣлать серьезно!.. Но что его осуждать?.. Это кувшинъ, который уже сломилъ себѣ голову.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ.

Стоило великопостное время; я былъ тогда, какъ говорю вамъ, юноша теплый и умиленный, а притомъ же потеря матушки была на-свѣжѣ, и я очень часто ходилъ въ одну домовую церковь и молился тамъ и пресладко, и прискрепно. Начинаю говѣть и ужь отгавниваюсь — совсѣмъ собираюсь подходить къ исповѣди, какъ вдругъ, словно изъ театральнаго люка, вырастаетъ предо мною въ темномъ углѣ церкви господинъ Постельниковъ и проситъ у меня христіанскаго прощенія, если онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ.

«Ахъ, ты, ракала! этакая! — подумалъ я, — еще онъ сомнѣвается!.. «если онъ чѣмъ-нибудь меня обидѣлъ!» Да и зачѣмъ онъ очутился здѣсь, и говѣть какъ разъ въ той же церкви, гдѣ и я?.. А впрочемъ, думаю: по-христіански я его простить и довольно; больше ничего не хочу про него ни знать, ни вѣдать.» Но вотъ-съ причастился я, а Постельниковъ опять предо мною въ новомъ мундирѣ, съ жирными эпалетами и поздравляетъ меня съ принятіемъ Святыхъ Таинъ.

«Ну да ладно, думаю, ладно, и отъ меня прошу принять такое же поздравленіе.»

Вышли мы изъ церкви: онъ меня, таяжу, догоняетъ по дорогѣ и говорить:

— Ты вѣдь меня, Филимона, простишь, и больше не серднись?

Я даже и слова не нашель, что отвѣтить ему на такой фамильярный приступъ.

Не серднись, говорить, — некалуйста, Филимона; я, ей-Богу, всегда тебя любилъ; но я совѣмъ неспособенъ къ этой службѣ и оттого, чортъ меня знаетъ, какъ медленно и подвигаюсь.

— Однако, говорю, чѣмъ же медленно? У васъ уже жирные эполеты. — А самъ, знаете, все поровню отъ него въ сторону.

А онъ не отстаетъ и продолжаетъ:

— Ахъ, что, говорить, — въ этомъ, Филимона, что жирные эполеты? Развѣ другіе-то это одно до сихъ поръ имѣють? Штъ, да я, впрочемъ, на начальство и не рощу: я самъ знаю, что я къ этой службѣ неспособенъ. Стараюсь, да неспособенъ, и вотъ это меня сокрушаетъ. Я переведеиъ сюда для пользы службы, а службѣ отъ меня никакой пользы нѣтъ, да и впередъ не будетъ, и я это чувствую и скорблю... Миѣ худо потому, что я человѣкъ товарищесвенный. Вы вѣдь, я думаю, это помните?

— Какъ же, помню, — молъ, даже неперемѣнно очень помню.

— Да вотъ, у меня здѣсь теперь есть новый пріятель, Станиславъ Прикнбрживницкій, по-просту — Стаська... Представьте, какой только возможно, — чудеснѣйшій малый: товарищъ, весельчакъ и покутить не прочь, и въ картинки, со всѣми литературами знакомъ, и самъ веселые стихи на все сочиняетъ; но тоже совершенно, какъ у меня, нѣтъ никакой наблюдательности. Представьте себѣ, комизма много, а наблюдательности нѣтъ; вѣдь это даже удивительно! Геперала нашего представляетъ какъ нельзя лучше, да и вообще всѣхъ насъ пересмѣшиваетъ въ манежѣ. Прѣдетъ и кричить: «Воплонъ, мой взволь!» Тѣ орутъ: «Здравія желаемъ, ваше благородіе!» — «Какое, говорить, у насъ нынче мню?» — «Шны, ваше благородіе». — «Вахмистръ, говорить, покажи миѣ мое мѣсто!»... Однимъ словомъ, пересмѣшить до упаду, а служебной наблюдательности все-таки нѣтъ. Опъ миѣ разъ и говорить: «Душка, Постельниковъ, ты онытиге, пособи миѣ обратить на себя вниманіе. Иначе,

говоритъ, я васъ больше и тѣшить не хочу, потому что на меня начинаютъ паходить прегорькія минуты».—«Да, другъ ты мой, отвѣчаю я ему, да мнѣ самому не легче тебя».— И я это не лгу. Вы не повѣрите, что я Богъ знаетъ какъ обрадовался, узнавъ, что вы въ Петербургѣ.

— А вы почему, говорю,—это узнали?

— Да какъ же, говорить,— не узнать? Вѣдь у насъ это по реестрамъ видно.

— Гмъ, да, молъ, вотъ что... по реестрамъ у васъ видно.

А онъ продолжаетъ, что хотѣлъ-было даже ко мнѣ поѣхать, «чтобы душу отвести», да все, говорить, ждалъ случая.

Ухъ, батюшки, такъ меня и кольнуло!

— Какъ, какого, говорю,—вы ждали случая?

— А какого-нибудь, отвѣчаетъ,—чтобы въ именины или въ рожденье... нагринуть къ вамъ съ хлѣбомъ и солью... А кстати, вы когда именинникъ? — И тотчасъ же самъ и отгадываетъ. — Чего же, говорить, я, дуракъ, спрашиваю, будто я не знаю, что 14-го декабря?

Это вовсе неправда, но мнѣ, разумѣется, слѣдовало бы такъ и оставить его на этотъ счетъ въ заблужденіи; но я это не сообразилъ, и со страха, чтобъ онъ на меня не нагрязнулъ, говорю: я вовсе и не именинникъ 14-го декабря.

— Какъ, говорить,—не именинникъ? Развѣ святого Филимона не 14-го декабря?

— Я, отвѣчаю,—этого не знаю, когда святого Филимона, да и мнѣ можно это и не знать, потому что я вовсе не Филимонъ, а Орестъ.

— Ахъ, и вправду!—воскликнуть Постельниковъ.—Представьте: сила привычки! Я даже и позабылъ: вѣдь это Трубицынъ поэтъ васъ Филимономъ прозвалъ... Правда, правда, это онъ прозвалъ... а у меня есть одинъ знакомый, онъ, дѣйствительно, именинникъ 14-го декабря, такъ онъ даже просилъ канцелярію переименовать ему имя, потому... потому... что... четырнадцатаго декабря... Да!.. четырнадцатаго...

И вдругъ Постельниковъ воззрился на меня острымъ, пристальнымъ взглядомъ, еще разъ повторилъ слово «четырнадцатаго декабря», и съ этимъ тихо, въ разсѣянности, пожалъ мнѣ руку и медленно ушелъ отъ меня въ сторону.

Я былъ очень радъ, что отъ него освободился, пришелъ домой, пообедалъ и пресладостно уснуть, но вдругъ увидѣвъ

во спѣ, что Постельниковъ подалъ меня на блюдѣ въ видѣ поросенка подъ хрѣномъ какому-то веселому господину, котораго называлъ при этомъ Стаськой Пржикирживницкимъ.

— На, говоритъ, — Стася, кушай; совѣмъ готовый: и ошпарить, и сварить.

Дѣло пустое сонъ, но такъ какъ я ужасный сновидецъ, то это меня смутило. Впрочемъ, авось, думаю, пронесетъ Богъ этотъ сонъ мимо. Ахъ! не тутъ-то было; сонъ палъ въ руку.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ.

Приходитъ день къ вечеру; «ночною темнотой мрачатся небеса и люди для покоя смыкають ужъ глаза», — а ко мнѣ въ двери кто-то динь-динь-динь, а вслѣдъ затѣмъ сбруею брясь-дрясь-жись! «Здѣсь, говоритъ, — такой-то Ва-тажковъ?»

Ну, конечно, отвѣчаютъ, что здѣсь.

Вошли милые люди и вѣжливо попросили меня собраться и ѣхать.

Одѣлся я бѣдный и ѣду.

Ѣдемъ долго ли, коротко ли, приѣзжаемъ куда-то и идемъ по коридорамъ и переходамъ. Вотъ и комната большая, не то казенная, не то общежитейская... На окнахъ тяжелыя занавѣски, посрединѣ круглый столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, на столѣ лампа съ рѣзнымъ матовымъ шаромъ и нѣсколько книсековъ; этажерка съ книгами законовъ, а въ глубинѣ диванъ.

— Дождитесь здѣсь, — велѣлъ мнѣ мой провожатый и скрылся за слѣдующею дверью.

Жду я часъ, жду два: ни звука ни откуда нѣтъ. Скука беретъ ужасная, скука, одолеваящая даже волненіе и тревогу. Вздумалъ-было хоть законъ какой-нибудь почитать, или посмотрѣть въ окно, чтобъ уяснить себѣ мало-мальски: гдѣ я и въ какихъ нахожусь палестинахъ, но боюсь! Просто тронуться боюсь, одну ногу поднимаю, а другая такъ мнѣ и кажется, что подъ полъ уходитъ... Терянья нѣтъ, какъ страшно!

«Вотъ что, думаю себѣ, — проползу-ка я осторожненько къ окну на четверенькахъ — это совѣмъ не такъ рискованно: руки осушутся, я сейчасъ всѣмъ тѣломъ пазадъ и не провалюсь».

Думалъ — думалъ, да вдругъ насмѣлился, какъ вдругъ въ то самое время, когда я пробирался медвѣдемъ, двери въ комнату растворились и на порогъ показался лакей съ серебрянымъ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ чаю.

Появленіе этого свидѣтеля моего комическаго ползанія на четверенькахъ меня чрезвычайно сконфузило... Лакейка-каналья держался дипломатическимъ совѣтникомъ, а самъ едва не хохоталъ, подавая чай, но мнѣ было не до его сатирическихъ ко мнѣ отношеній. Я взялъ чашку и только внимательно смотрѣлъ на всѣ половицы, по которымъ пройдетъ лакей. Ясно, что это были половицы благонадежныя и что по нимъ ходить было безопасно.

«Да и Боже мой, сообразилъ я вдругъ, — что же я за дуракъ такой, что я боюсь той или другой половицы? Вѣдь если мнѣ ужъ опредѣлено здѣсь провалиться, такъ все равно; — и весь диванъ, конечно, можетъ провалиться!»

Это меня чрезвычайно успокоило и оемѣлило, и я, послѣ долгаго сидѣнья, вдругъ вскочилъ и заходилъ черезъ всю комнату съ яркимъ азартомъ. Нестерпимѣйшая досада, негодованіе и гнѣвъ, — гнѣвъ душадій, но безсильный, все это погоняло и шпорило, и я шагалъ и шагалъ, и... вдругъ, милостивые мои государи, столкнулся лицомъ къ лицу съ сѣдымъ человѣкомъ, очень небольшого роста, съ огромными усами и въ мундирѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы. За его плечомъ стоялъ другой человѣкъ, ростомъ повыше и въ такомъ же точно мундирѣ, только съ оберъ-офицерскими эполетами.

Оба незнакомца, повидимому, вошли сюда уже нѣсколько минутъ и стояли, глядя на меня съ усиленнымъ вниманіемъ.

Я сконфузился и остановился.

ГЛАВА ТРИЦАТЬ ВОСЬМАЯ.

Маленькій генералъ понялъ мое замѣшательство, улыбнулся и сказалъ:

— Ничего-съ.

Я поклонился. Генералъ мнѣ показался человѣкомъ очень добрымъ и мягкимъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ*? — спросилъ онъ меня тихо и безстрастно, но глубоко таинственно.

— Пѣтъ-съ, — отвѣчалъ я ему смѣло: — меня зовутъ не Филимонъ, а Орестъ.

— Знаю-съ и не о томъ васъ спрашиваю.

— Я, говорю, — я отвѣчаю вашему превосходительству какъ разъ на вашъ вопросъ.

— Не правда-съ, — воскликнуть, возвышая голосъ, генераль, причеиъ добрые голубые глаза его хотѣли сдѣлаться злыми, по вышли только круглыми. — Не правда-съ: вы очень хорошо знаете, о чемъ я васъ спрашиваю, и отвѣчате мнѣ вздоръ!

Теперь я, дѣйствительно, ужъ только и могу отвѣчать одинъ вздоръ, потому что я ровно ничего не понималъ, чего отъ меня требуютъ.

— Васъ зовутъ *Филимонъ!* — воскликнуть генераль, сдѣлавъ еще болѣе круглые глаза и упирая мнѣ въ грудь своимъ указательнымъ пальцемъ. — Ага! что-съ, — продолжалъ онъ, изловивъ меня за пуговицу, — что? Вы думаете, что намъ что-нибудь неизвѣстно? Намъ все извѣстно: прошу не закираться, а то будетъ хуже! Васъ въ вашемъ кружкѣ зовутъ Филимономъ! Слышите: не закираться, хуже будетъ!

Я спокойно отвѣчалъ, что не вижу вовсе и никакой нужды быть въ этомъ случаѣ не искреннимъ предъ его превосходительствомъ; дѣйствительно, говорю, пришла когда-то давно одному моему знакомому блажь назвать меня *Филимономъ*, а другіе это подхватили, находи, будто имя *Филимонъ* мнѣ почему-то идетъ...

— А вотъ въ томъ-то и дѣло, что это вамъ идетъ; вы, наконецъ, въ этомъ сознались, и я васъ очень благодарю.

Генераль пожалъ мнѣ съ признательностью руку и добавилъ:

— Я очень радъ, что послѣ вашего раскаянія могу все это представить въ самомъ мягкомъ свѣтѣ и, Богъ дастъ, не допущу до дурной развязки. Извольте за это сами выбирать себѣ полкъ; вы гдѣ хотите служить: въ иѣхотѣ или въ кавалеріи?

— Ваше превосходительство, говорю, — извольте... я нигдѣ не хочу служить, ни въ иѣхотѣ, ни въ кавалеріи...

— Тсъ! молчать! молчать! тсъ! — закричалъ генераль. — Намъ все извѣстно! Вы человекъ съ состояніемъ, вы должны идти въ кавалерію.

— Но, ваше превосходительство, я нигуда не хочу идти.

— Молчать! тсъ! не смѣть!.. молчать! Отправляйтесь сейчасъ съ моимъ адъютантомъ въ канцелярію. Вамъ тамъ

приготовить просьбу и завтра вы будете записаны юнкеромъ,—понимаете? юнкеромъ въ уланы, или въ гусары; я предоставляю это на вашъ выборъ, я не стѣсняю васъ: куда вы хотите?

— Да, ваше превосходительство, я—говорю—никуда не хочу.

Генераль опять затопоталъ, закричалъ и кричалъ долго что-то такое, въ чемъ было не мало добрыхъ и жалкихъ словъ насчетъ спокойствія моихъ родителей и моего собственного будущаго, и затѣмъ вдругъ, —представьте вы себѣ мое вящее удивленіе,—вслѣдъ за сими словами непостижимый генераль вдругъ перекрестилъ меня крестомъ со лба на грудь, быстро повернулся на каблучкахъ и направился къ двери.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ.

Отчаяніе придало мнѣ неожиданную смѣлость: я бросился вслѣдъ за генераломъ, схватилъ его рѣшительно за руку и зычно воскликнулъ:

— Ваше превосходительство! воля ваша, а я не могу... Извольте же мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, что же я такое сдѣлалъ? За что же я долженъ идти въ военную службу?

— Вы ничего не сдѣлали,—тихо и безгнѣвно отвѣчалъ мнѣ генераль. — Не думайте, что намъ что-нибудь неизвѣстно: намъ все извѣстно, мы на то поставлены, и мы знаемъ, что вы ничего не сдѣлали.

— Такъ за что же-съ, за что, говорю, — меня въ военную службу?

— А развѣ военная служба — это наказаніе? Военная служба это презервативъ.

— Но помилуйте, говорю,—ваше превосходительство; вы только извольте на меня взглянуть: вѣдь я совсѣмъ къ военной службѣ неспособенъ и я себя къ ней никогда не предназначалъ, притомъ же... я дворянинъ, и по вольности дворянства, дарованной Петромъ III и подтвержденной Великою Екатериной...

— Тсъ! тсъ! не смѣть! молчать! тсъ! ни слова больше!—замахалъ на меня обѣими руками генераль, какъ бы стараясь вогнать въ меня назадъ вылетѣвшія изъ моихъ устъ слова. — Я вамъ дамъ здѣсь разсуждать о вашей Великой

Екатериинъ! Тсссъ! Чтѣ такая ваиа Великая Екатерина? Мы лучше васъ знасмъ, чтѣ такое Великая Екатерина!.. черная женщиа!... не смѣть, не смѣть про все говорить!..

И генераль снова повернулъ къ двери.

Отчаяніе мною овладѣло страшное.

— Но, Бога ради!—закричалъ я, снова догнавъ и схвативъ генерала дерзостно за руку.—Я вамъ повинуюсь, повинуюсь, потому что не могу не повиноваться!..

— Не можете, да, не можете и не должны!—проговорилъ мягче прежняго генераль.

По тону его голоса и по его глазамъ мнѣ показалось, что онъ не безучастливъ къ моему положенію.

Я этимъ воспользовался.

— Умоляю же, говорю,—ваше превосходительство, только объ одномъ: не оставьте для меня вѣчною тайной, въ чемъ моя вина, за которую я иду въ военную службу?

Генераль, не сердясь, сложилъ наполеоновски свои руки на груди и, отступивъ отъ меня шагъ назадъ, проговорилъ:

— Васъ прозвали *Филимонъ!*

— Знаю, говорю,—это несчастье;—это Трубицынъ.

— *Филимонъ!*—повторилъ, растягивая, генераль.—И какъ вы сами мнѣ здѣсь благородно сознались, это больше или меньше соотвѣтствуетъ вашимъ свойствамъ?

— Виѣшнимъ, ваше превосходительство, виѣшнимъ, наружнымъ,—торопливо лепеталъ я, чувствуя, что какъ будто въ имени «Филимонъ», дѣйствительно, есть что-то преступное.

— Прекрасно-съ!—и съ этимъ генераль неожиданно прискакнулъ ко мнѣ пѣтушкомъ, взялъ меня руками за плечи, подвинулъ свое лицо къ моему лицу, носъ къ носу и, глядя мнѣ инквизиторски въ глаза, заговорилъ:—А позвольте спросить васъ, когда празднуется день святого Филимона?

Я вспомнилъ свой утренній разговоръ съ Постельниковымъ о моемъ тезоименитствѣ и отвѣчалъ:

— Я сегодня случайно узналъ, что этотъ день празднуется четырнадцатаго декабря.

— *Четырнадцатаго декабря!*—произнесъ вслѣдъ за мною въ пѣкомъ ужасѣ генераль и, быстро отхвативъ съ моихъ плечъ свои руки, поднялъ ихъ съ треномъ вверху надъ своею головою и, возведя глаза къ небу, еще разъ прошепталъ придыханіемъ «*четырнадцатаго декабря!*» и, ка-

чая въ ужасѣ головою, исчезъ за дверью, оставивъ меня вдвоёмъ съ его адъютантомъ.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ.

— Вы ничего этого не бойтесь, --- весело заговорилъ со мною адъютантъ, чуть только дверь за генераломъ затворилась. — Повѣрьте, это все гораздо страшнѣе въ разказахъ. Онъ вѣдь только егизитъ и иѣтуинтъся, а на дѣлѣ онъ Божья коровка и къ этой службѣ совершенно неспособенъ.

— Но, однако, говорю, — мнѣ, по его приказанію, все-таки надо идти въ полкъ.

— Да полноте, говорить, — я даже не понимаю, за что вы его такъ сильно раздражили? Не все ли вамъ равно, гдѣ ни служить?

— Да, такъ-съ; но я совершенно неспособенъ къ военной службѣ.

— Ахъ, полноте вы, Бога ради, толковать о способностяхъ! Развѣ у насъ это все по способностямъ расчисляютъ? Я и самъ къ моей службѣ не чувствую никакого призванія, и онъ (адъютантъ кивнулъ на дверь, за которую скрылся генералъ), и онъ самъ сознается, что онъ даже въ кормилницы больше годится, чѣмъ въ нашей службѣ, а всѣ мы между тѣмъ служимъ. Я вамъ посоветую: идите вы въ гусары; вы, — извините меня, — вы этакій кубастенькій боченочекъ, прикороенастый; вамъ лучше въ гусары, да тамъ и общество дружное и захватское... Вы пьете?.. Нѣтъ!.. Ну, да все равно. А острить можете?

— Нѣтъ, отвѣчаю, — я и острить не могу.

— Ну, какъ-нибудь, изъ Грибоѣдова, что ли: «Ахъ, Божь мой, что станеть говорить княгиня Марья Алексѣвна», или что-нибудь другое, — вѣдь это не трудно... Неужто и этого не можете?

— Да, это, можетъ-быть, и могу, — отвѣчаю я: — да зачѣмъ же это?

— Ну, вотъ и довольно, что можете, а зачѣмъ — это послѣ сами поймете; а что это не трудно, такъ я вамъ за то головой отвѣчаю: у насъ одинъ гусарь чортъ знаетъ какимъ острикомъ слылъ оттого только, что за каждымъ словомъ прибавлялъ: «Ахъ, ескюзе, ма фамъ»; но все это пока въ сторону, а теперь къ дѣлу: бумага у меня для васъ уже готова; что вамъ тамъ таскаться въ канце-

лярію? только выставить полкъ, въ какой вы хотите, — заключить онъ, вытаскивая изъ-за лацкана сложенный листъ бумаги, и тотчасъ же вписалъ тамъ въ пробѣлъ имя какого-то гусарскаго полка, далъ мнѣ подписать и, взявъ ее обратно, сказалъ мнѣ, что я совершенно свободенъ и долженъ только завтра же обратиться къ такому-то портному, состроить себѣ юнкерскую форму, а послѣзавтра опять явиться сюда къ генералу, который самъ отвезетъ меня и отреккомендуетъ моему полковому командиру.

ГЛАВА СОРОКЪ ПЕРВАЯ.

Такъ все это и сдѣлалось. Портной одѣлъ меня, писари записали, а генералъ осмотрѣлъ, ввелъ къ себѣ въ кабинетъ, благословилъ маленькимъ образцомъ въ ризѣ, сказалъ, что «все это вздоръ», и отвезъ меня въ каретѣ къ другому генералу, моему полковому командиру. И сдѣлали гусаромъ недуманно-негаданно, противъ всякаго моего желанія и противъ вѣхъ моихъ дворянскихъ вольностей и природныхъ моихъ способностей. Жизнь моя казалась мнѣ погнѣшею, и я самовольно представлялъ себя себѣ самому не иначе какъ волчкомъ, который посукнула рука какого-то злого чародѣя, — и вотъ я кручусь и верчусь по его капризу: ѣзжу верхомъ въ манежѣ и слушаю Грибоѣдовскія остроты и, какъ Гамлетъ, сплону удары оскорбляющей судьбы купно до сожалѣній Трубицына и извиненій Постельникова, а все-таки не могу вооружиться противъ моря бѣдъ и покончить съ ними разомъ: съ мосту да въ воду... Что вы на меня такъ удивленно смотрите? Ей-Богу, я въ пору моей воинской дѣятельности часто и много помышлялъ о самоубійствѣ, да только все помышлялъ, но, по слабости воли, не рѣшался съ собою покончить. А въ это время меня произвели въ корнеты и вдругъ... въ одинъ прекрасный день, предъ весною тысяча восемьсотъ пятьдесятъ пятого года, въ скромномъ жилищѣ моемъ раздастся бѣшеный звонокъ, затѣмъ шумъ въ передней, бряцанье сабли, восклицанія безумной радости и въ комнату ко мнѣ влетаетъ весь сіяющій Постельниковъ...

ГЛАВА СОРОКЪ ВТОРАЯ.

Увидавъ Постельникова, да еще въ такіе мудреные дни, я даже обомлѣлъ, а онъ ну меня цѣловать, ну меня вертѣть и подравлять.

«Что такое?» думаю себѣ,—и какъ я ни золь былъ на Постельникова, а спрашиваю его, съ чѣмъ онъ меня поздравляетъ?

— Дружинице мой, Филимоша, говоритъ,—ты свободенъ!

— Что? что, говорю,—такое?

— Мы свободны!

«Э, думаю,—нѣтъ, братъ, не надуешь!»

— Да радуйся же! говоритъ,—скотъ ты этакій: радуйся и поздравляй ее!

— Кого-о?—пытаю съ удивленіемъ.

— Да се, ее, нашу толстомясую мать Федору Ивановну! Ну, Россію, что ли, Россію! будто ты не понимаешь: она свободна и всѣ должны радоваться.

— Нѣтъ, молъ,—не надуешь, не хочу радоваться.

— Да пойми же, пентюхъ, пойми, — с-в-о-б-о-д-с-н-ъ... Слово-то ты это одно пойми!

— И понимать, говорю,—ничего не хочу.

— Ну, такъ ты, говоритъ,—послѣ этого даже не скотъ, а *рабъ*... понимаешь ли ты, рабъ въ своей душѣ!

«Ладно, думаю,—отваливай, дружокъ, отваливай!»

— Да ты, шутъ этакій,—пристасть,—пойми только, куда мы теперь пойдѣмъ, какія мы антраша теперь станемъ выкидывать!

— Ничего, отвѣчаю,—и понимать не хочу.

— Такъ вотъ же тебѣ за то, и будутъ на твою долю одно: «ярмо съ гремушкою да блчъ».

— И чудесно, только оставьте меня въ покоѣ.

Такъ я и сбылъ его съ рукъ; но черезъ мѣсяцъ онъ вдругъ снова предсталъ моему изумленному взору и уже не съ веселою улыбкою, а въ самомъ строгомъ чинѣ и началъ на *вы*.

— Вы, говоритъ,—на меня когда-то роптали и сердились.

— Никогда, отвѣчаю,—я на васъ не ропталъ.

Думаю, чортъ съ тобой совсѣмъ: еще и за это достанется.

— Нѣтъ, ужъ это, говоритъ,—мнѣ обстоятельно извѣстно; вы даже обо мнѣ никогда ничего не говорите и тогда, когда я къ вамъ, какъ къ товарищу, съ общою радостною вѣстью пріѣхалъ, вы и тутъ меня приняли съ недовѣріемъ; но Богъ съ вами, я вамъ все это прощаю. Мы давно знакомы, но вы, вѣроятно, не знаете моихъ правилъ: мои правила таковы чтобы за всякое зло платить добромъ.

«Да, думаю себѣ,—знаю я: ты до дна маслянь, только тобою подавишься», и говорю:—Вы очень добры.

— Совсѣмъ нѣтъ; но это, извините меня, самое злое и самое тонкое мнѣніе—платить добромъ за оскорбленія. Вотъ въ чемъ вопросъ: хотите ли вы ѣхать за границу?

И даже привскочилъ.

— Какъ, говорю,—за какую за границу?

— За какую! Ужъ, конечно, за Западную: въ Парижъ, въ Лондонъ,—въ Лондонъ теперь чудныя дѣла дѣлаются... Что тамъ только печатается!.. Тамъ восходитъ наша звѣзда, хотите почитать?

— Нѣтъ, говорю,—не хочу.

— Но отчего же?

— Да такъ, не хочу, да и только..

— И ѣхать не хотите?

— Нѣтъ, ѣхать хочу, но..

— Что за но..

— Но меня, говорю,—не пустятъ за границу.

— Отчего это не пустятъ? — и Постельниковъ захохоталъ.—Не оттого ли, что ты именинникъ-то четырнадцатаго декабря?.. Э, братъ, это уже все назади осталось; теперь на политику иной взглядъ, и нынче даже не такія вещи ничего не значатъ. Я, я,—попимася,—я тебѣ отвѣчаю, что тебя пустятъ. Ты въ отпускъ хочешь или въ отставку?

— Ахъ, зачѣмъ же, отвѣчаю,—въ отпускъ! Нѣтъ, ужъ я если только можно, въ чистую отставку хочу.

— Ступай, и въ отставку подавай по болѣзни рапортъ, и катай за границу.

— Да мнѣ никто и свидѣтельства, говорю,—не дастъ, что я боленъ.

Постельниковъ меня за это даже обругалъ.

— Дуракъ!—говоритъ,—ты извини меня: просто дуракъ! Да ты не хочешь ли, я тебѣ достану свидѣтельство, что ты во второй половинѣ беременности?

— Ну, ужъ это, говорю,—ты вздоръ несешь!

— Держишь пари?

— И пари не хочу.

— Нѣтъ, пари! держи пари.

И самъ руку протягиваетъ.

— Нечего, говорю,—и пари держать, потому что все это вздоръ

— Идти, ты держи со мною пари.

— Сдѣлай милость, говорю,—отстань, мнѣ это неприятно.

— Такъ что жъ ты споришь? Я ужъ знаю, что говорю. Съ моего брата на перевязочномъ пунктѣ въ Ирымъ сорокъ рублей взяли, чтобы контузію ему на полную пенсію принести, когда его и комаръ не кусать; но мой братъ дуракъ: ему правую руку отмѣтили, а онъ лѣвую подвязалъ, потому и вынелъ изъ этого только одинъ скандалъ, наслу-наслу кое-какъ поправили. А для умнаго человѣка ничего не побоятся сдѣлать. Возьмись за самое легкое, за такъ-называемое «казначейское средство»: притворись сумасшедшимъ, напусти на себя маленькую меланхолію, говори вздоръ: «я, молю, дитя кормлю; жду писемъ изъ розоваго замка» и тому подобное... Согласенъ?

— Хорошо, отвѣчаю,—согласенъ.

— Ну, вотъ только всего и надо. И сто рублей дать тоже согласенъ?

— Я треста дамъ.

— На что же треста? Ты, милый другъ, этакъ Петербургу цѣны портишь.—за треста тебя здѣсь теперь вѣдь на родной матери перевѣнчаютъ и въ томъ тебѣ документъ дадутъ.

— Да мнѣ ужъ, говорю,—не до расчетовъ: лишь бы вырваться, не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми...

Постельниковъ вдругъ порекнулъ и потомъ такъ и покатился со смѣху.

— Прекрасно, говоритъ,—вотъ и это прекрасно! Извини меня, что я смѣюсь, но это для начала очень хорошо: «не съ деньгами жить, а съ добрыми людьми»!.. Это чортъ знаетъ какъ хорошо, ты такъ и комиссіи... какъ они къ тебѣ прѣдутъ свидѣтельствовать... Это скоро сдѣлается. Я извѣщу, что ты не того...

Постельниковъ помоталъ пальцемъ у своего лба и добавилъ:

— Извѣщу, что у тебя меланхолія и что ты съ оружіемъ въ рукахъ небезопасенъ, а ты: «не съ деньгами, молю, жить, а съ добрыми людьми», и вообще чѣмъ будешь глуше, тѣмъ лучше.

И съ этимъ Постельниковъ, сжавъ мою руку, исчезъ.

ГЛАВА СОРОКЪ ТРЕТЬЯ.

Два-три дня я прожилъ такъ, на власть Божию, но въ большомъ разстройствѣ, и многимъ, кто видѣлъ меня въ

эти дни, казался чрезвычайно страннымъ. Совершенно же притворяться меланхоликомъ, какъ выходило у меня безъ всякаго притворства, было невозможно. На третій день ко мнѣ нагрянула коммисія, съ которой я, въ крайнемъ моемъ замышлительствѣ, рѣшительно не зналъ что говорить.

Разсказывалъ имъ за меня все Постельниковъ, до упада смѣявшійся надъ тѣмъ, какъ онъ будто бы на сихъ дняхъ приходитъ ко мнѣ, а я будто сижу на кровати и говорю, что «я дитя кормлю»; а черезъ недѣлю онъ привезъ мнѣ чистый отпускъ за границу, съ единственнымъ условіемъ: взять отъ него какія-то бумаги и доставить ихъ въ Лондонъ для нанечатанія въ «Колоколъ».

— Конечно,—убѣждалъ меня Постельниковъ:—ты не подумай, Филимоша, что я съ тѣмъ только о тебѣ и хлопоталъ, чтобы ты эти бумажошки отвезъ; нѣтъ, на это у насъ теперь сколько угодно есть охотниковъ, но ты знаешь мои правила: я даю тѣмъ нашимъ, лондонцамъ-то, слово съ каждымъ знакомымъ, кто ѣдетъ за границу, что-нибудь туда посылать, и потому не нарушаю этого порядка и съ тобой; свези и ты имъ кой-что. Да здѣсь, впрочемъ, все и довольно невишное: насчетъ нашего генерала и насчетъ двора. Въ Берлинѣ ты все это можешь даже смѣло въ почтовый ящикъ бросить,—оттуда ужъ оно дойдетъ.

Признаюсь вамъ, принимая вручаемый мнѣ Постельниковымъ конвертъ, я былъ твердо увѣренъ, что онъ, по своей «неспособности къ своей службѣ», непременно опять хочетъ сыграть на меня. Ошибался я или нѣтъ, но планъ его мнѣ казался ясенъ: только-что я выйду, меня царь-цараль и схватитъ съ подличнымъ—съ бумагами про какую-то дворню и про генерала.

«Нѣтъ, чертъ возьми, думаю,—довольно: болѣе не поддамся», и сунулъ съ его письмомъ такую же штуку, какую онъ разсказывалъ про темлякъ, то-есть «хорошо, говорю,—мой другъ; благодарю тебя за довѣріе... Какъ же, отвезу, непременно отвезу и лично Герцену въ руки отдамъ».—а самъ началъ его на прощанье обнимать и цѣловать лукавыми лобзаніями, да и сунулъ его конвертъ ему же самому въ задній карманъ. Что вы всѣ, господа, опять смотрите на меня такими удивленными глазами? Не кажется ли вамъ, что я неблагодарно поступилъ по отношенію къ господину Постельникову? Можетъ-быть и такъ, можетъ-

быть даже, что оль отнюдь и не имѣлъ никакого намѣренія устраивать мнѣ на этихъ бумажонкахъ ловушку, но обжогшіеся на молокѣ, дуютъ и на воду; въ этомъ самая дурная сторона предательства: оно рождаетъ подозрительность въ душахъ самыхъ довѣрчивыхъ.

И вотъ, наконецъ, я опять за границей, и опять на свободѣ, на свободѣ послѣ неустаннаго паденія на меня столькихъ внезапныхъ и несподеванныхъ бѣдъ и напастей! Я самъ не вѣрилъ своей свободѣ. Я не поѣхалъ ни въ Парижъ, ни въ Лондонъ, а остался въ маленькомъ германскомъ городкѣ, гдѣ хотѣлъ спокойно жить, мыслить и продолжать мое неожиданно и такъ оригинально прерванное занятіе науками. Все это мнѣ и удалось: при моей нетребовательности за границую, мнѣ постоянно все удается, и не удалось долго лишь стремленіе усвоить себѣ привычку знать, что свободенъ. Проходили мѣсяцы и годы, а я все, просыпаясь, каждое утро спрашивалъ себя: дѣйствительно ли я проснулся? на самомъ ли дѣлѣ я въ Германіи и имѣю право не только не ѣздить сегодня въ манежъ, но даже вытолкать отъ себя господина Постельникова, если бъ онъ вздумалъ послѣпить мое убожище.

Наконецъ, всенсѣбляющее время уврачевало и этотъ недугъ сомнѣнія, и я совершенно освоился съ моимъ блаженнѣйшимъ состояніемъ въ тишинѣ и стройной послѣдовательности европейской жизни, и даже началъ совсѣмъ позабывать нашу російскую чехарду.

ГЛАВА СОРОКЪ ЧЕТВЕРТАЯ.

Такъ тихо и мирно провелъ я цѣлые годы, то сидя въ моемъ укромномъ уголкѣ, то посѣщая столицы Европы и изучая ихъ историческіе памятники, а въ это время здѣсь, на Руси, все выдвигались вопросы, реформы шли за реформами, люди будто бы покидали свои обычныя кривлянья и шутки, брались за что-то въ серьезъ; я, признаюсь, ничего отъ этого не ждалъ и ни во что не вѣрилъ, и такъ, къ стыду моему, не только не принялъ ни въ чемъ ни малѣйшаго участія, но даже былъ удивленъ, замѣтивъ, что это уже не одни либеральные разговоры, и что въ самомъ дѣлѣ сдѣлано много безповоротнаго, надъ чѣмъ пошутить никакому шутнику неудобно. Въ это время старикъ, дядя мой, умеръ и мои домашнія обстоятельства потребовали моего

возвращенія въ Россію. Я этому даже обрадовался; я почувствовалъ влеченіе, родъ педуга, увидѣть Россію обновленную, мыслящую и серьезно устрояющую самоѳ себя въ долготу дней. Я приближался къ отечеству съ душевнымъ трепетомъ, какъ къ кушнѣ, очищаемой божественнымъ огнемъ, и пересѣхалъ границу крестясь и благословляясь... и что бы вы думали: надолго ли во мнѣ хватило этого торжественнаго заряда? Помогли ли мнѣ соотчичи укрѣпить мою вѣру въ то, что время шутовства, всякихъ уродствъ и кривляній здѣсь минуло навсегда, и что подъ вѣяніемъ духа той свободы, о которой у насъ не смѣли и мечтать въ мое время, теперь всѣ образованные русскіе люди взялись за умъ и серьезно тянутъ свою земскую тягу, поощряя робкихъ, защищая слабыхъ, исправляя и воодушевляя помянутыхъ и малодушныхъ, и вообще свивая и скручивая наше растрепанное волокно въ одну крѣпкую бечеву, чтобы сдѣлать ею воедино великую рознь нашу и дать ей окрѣпить въ сознаніи силы и права?..

Какъ бы не такъ!

ГЛАВА СОРОКЪ ПЯТАЯ.

Прежде всего мнѣ пришлось, разумѣется, поблагодарить предъ Петербургомъ; городъ узнать нельзя: похорошѣлъ, обстроился, провель рельсы по улицамъ, а либерализмъ такъ и ходитъ волнами, какъ море; странно даже какъ бы онъ всего не захлестнулъ, какъ бы имъ люди не захлебнулись! «Государь въ столицѣ, а на дрожжахъ ѣздятъ писаря, въ фуражкахъ ходятъ офицеры»; у дверей ресторановъ столики выставили, кучера на козлахъ трубки курятъ... Ума помраченъе, что за вольности! Офицеры не колотятъ приказныхъ ни на улицахъ, ни въ трактирахъ, да и приказныхъ что-то не видно.

— Гдѣ бы это они всѣ подѣвались?—спрашиваю одного стараго знакомаго.

— А ихъ,—отвѣчаетъ,—сократили, теперь вѣдь у насъ на все благоразумная экономія. Служба—не богадѣльня.

— Что же, и прекрасно, говорю;—пусть себѣ за другой трудъ берутся.

Посѣтилъ стараго товарища, гусара,—нынче директоромъ департамента служить. Живетъ такимъ бариномъ, что даже и независимый человѣкъ, пожалуй, позавидовать бы.

— Вѣрно, говорю, хорошее жалованье получаете?

— Иѣтъ, какое же, отвѣчаешь, — жалованье! У насъ оклады небольшіе. Все экономію загоняють. Квартира, вогъ... да и то не изъ лучшихъ.

И дальше и спрашивать не сталъ: вѣрно, думаю, братецъ ты мой, взятки берешь, и, встрѣтясь съ другимъ знакомымъ, выразишь ему на этотъ счетъ подозрѣніе; но знакомый только яростно расхохотался.

— Этакъ ты, пожалуй, заподозришь, говоритъ, — что и я взятки беру?

— А ты сколько, спрашиваю, — получаешь жалованья?

— Да у насъ оклады, отвѣчаешь, — небольшіе; я всего около двухъ тысячъ имѣю жалованья.

— А живешь, молъ, — чудесно и лошадей держишь?

— Да вѣдь, другъ мой, на то, рассказываетъ, — у насъ есть суммы: къ двумъ тысячамъ жалованья я имѣю три добавочныхъ, да «къ нимъ» тысячу двѣсти, да двѣ тысячи прибавочныхъ, да «къ нимъ» тысяча четыреста. да награды, да на экипажѣ.

— И онъ, стало-быть, говорю, — точно также?

— А конечно: онъ еще болѣе: ему, кромѣ добавочныхъ и прибавочныхъ, даютъ и на дачу, и на поѣздку за границу, и на воспитаніе дѣтей; да въ прошедшемъ году онъ дочь выдалъ замужъ, — выдали на дочь, и на похороны отца, и онъ и его братъ — оба выпросили: зачѣмъ же ему брать взятки? Да ему ихъ и не дадутъ.

— Отчего же, любезнѣйшую, — не дадутъ? Онъ мѣсто вѣдѣтельное занимаетъ.

— Такъ что же такое, что мѣсто занимаетъ; но онъ вѣдь службою не занимается.

— Вотъ тебѣ и разъ! Это же почему не занимается?

— Да некогда, милый другъ; у насъ нынче *своею* службой почти никто не занимается; мы всѣ нынче завалены сторонними занятіями; каждый сидитъ въ двадцати комитетахъ по разнымъ вопросамъ, а тутъ благотворительствовать... Мы вѣдь нынче всѣ благотворимъ... да: благотворимъ и сами, и жены наши всѣ этимъ заняты, и ни намъ некогда служить, ни женамъ нашимъ некогда хозяйничать... Просто бѣда отъ благотворенія! А кто въ военныхъ чинахъ, такъ еще стараются быть на разводахъ, на парадахъ, на церемоніяхъ... вѣчный князюкъ.

— Это, пытаю, — зачѣмъ же на церемоніи-то ѣздить? Развѣ этого требуютъ?

— Пѣтъ, не требуютъ, но вѣдь хочется же на виду быть... Это доходитъ нынче даже до цинизма, да и нельзя иначе... иначе ты закипнешь; а между тѣмъ за всеѣмъ за этимъ *своею* службою заниматься некогда. Вотъ видишь, у меня шестнадцать разныхъ книгъ: все это казначейскія книги по разнымъ ученымъ и благотворительнымъ обществамъ... Выбираютъ въ казначен. и иду... и служу... Все дѣло-то какъ гроши, а его нужно вписать, записать, перечестъ, вынести въ расходы, и все самъ веду.

— А ты зачѣмъ, говорю, — на это дѣло какого-нибудь писарька не принаймень?

— Нельзя, голубчикъ, этого нельзя... у насъ по всеѣмъ этимъ дѣламъ начальствуетъ барыня. — народъ, за самымъ небольшимъ исключеніемъ, самый пустой и безтолковый, но требовательный, а отъ нихъ, братъ, подчасъ много зависитъ при случаѣ... Вѣдь изъ того мы все этихъ обществъ и держимся. У насъ нынче все по обществамъ: даже и поны, и архіереи есть... Нынче это прежнія протекціи очень съ усѣхомъ замѣняются, а инымъ даже не малыя и прямыя выгоды приносятъ.

— Какія же прямыя-то выгоды тутъ возможны?

— Возможны, другъ мой, возможны: знаешь пословицу — «и пошъ отъ алтаря нитается», ну, и изъ благотворителей тоже есть такіе: вонъ недавно одна такая на женскую гимназію собирала, да весь сборъ ошпокою въ карманѣ увезла.

— Зачѣмъ же вы не смотрите за этимъ?

— Смотримъ, да какъ ты усмотришь, — отъ школъ ее отогнали, она кинулась на колокола собирать, и колокола вышли тоже не звонки. Слѣдимъ, любезный другъ, зорко слѣдимъ, но дѣятельность-то стала ужъ очень обширна, — не услѣдишь.

— А на службѣ писарьки работаютъ?

— Ну, пѣтъ, и тамъ есть «этакія крысы» безкарьерныя... оны незамѣтны, но есть. А ты вотъ что, если хочешь быть по-старому, по-гусарски, приятелемъ, — зашши, сдѣлай милость, что-нибудь.

— На что это записать?

— А вотъ на что хочешь; въ этой книгѣ на «Общество

снабженія книгами безграмотнаго народа», въ этой — на «Комитетъ для возбужденія вопросовъ», въ этой — на «Комитетъ по устройству комитетовъ», здѣсь — «Комитетъ для обсужденія бесполезности нѣкоторыхъ обществъ», а вотъ въ этой — на «Подачу религіознаго утѣшенія недостаточнымъ и бѣдствующимъ»... вообще все добрыя дѣла; записки на что хочешь, хоть пять, десять рублей.

«Экъ деньги-то, подумалъ я про себя, какъ у васъ пынѣ при экономіи дешевы», а, однако, записалъ десять рублей на «Комитетъ для обсужденія бесполезности нѣкоторыхъ обществъ». Что же, и въ самомъ дѣлѣ это учрежденіе нужно.

— Благодарю, — говоритъ, вставая, мой пріятель: — мнѣ пора въ комитетъ, а если хочешь повидаться, въ четвергъ, въ два часа тридцать пять минутъ, я свободенъ, но и то, впрочемъ, въ это время мы должны поговорить, о чемъ мы будемъ разговаривать въ засѣданіи, а въ три четверти третьяго у меня собирается уже и самое засѣданіе.

«Ну, думаю себѣ, этакой кипучей дѣятельности нигдѣ, ни въ какой другой странѣ на обонхъ полушаріяхъ нѣтъ. Въ цѣлую недѣлю человѣкъ одинъ только разъ имѣетъ десять минутъ свободнаго времени, да выходитъ, что и тѣхъ нѣтъ!.. Ужъ этого пріятеля, Богъ съ нимъ, лучше не беспокоить».

— А когда же ты, спрашиваю его совсѣмъ на порогѣ: — когда же ты что-нибудь читаешь?

— Когда намъ читать! мы ничего, отвѣчаетъ, — не читаемъ, да и зачѣмъ?

— Ну, чтобы хоть немножко освѣжить себя послѣ работы.

— Какое тамъ освѣженіе: въ литературѣ идетъ только одно бездарное науськиванье на пѣмцевъ, да на поляковъ. У насъ совсѣмъ теперь перевелись хорошіе писатели.

— Прощай же, говорю, — голубчикъ, и съ тѣмъ ушелъ.

Экономія и недосуги этихъ господъ, признаюсь, меня жестоконько покоробили; но, думаю, можетъ-быть, это только въ чиновничествѣ загостилось старое кривлянье на новый ладъ. Дай-ка заверну въ другіе углы; поглазью на литературу: за что такъ на нее жалуются?

ГЛАВА СОРОКЪ ШЕСТАЯ.

Пока недѣлю какую придется еще пробыть въ Петербургѣ — буду читать. Въ самомъ дѣлѣ, за границей всего

одну или двѣ газетки видѣлъ, а тутъ ихъ вонъ сколько!.. Вѣдь что же-нибудь въ нихъ написано. Пакушилъ... Ухъ, Боже мой! дѣйствительно, вездѣ написано! Одинъ день почиталъ, другой почиталъ, итѣть,—вижу странно; за человѣческіи смыслъ свой надо поопасаться. Другое бы дѣло, можетъ-быть, интересно съ кѣмъ-нибудь изъ пишущихъ лично познакомиться. Обращаюсь съ такою просьбою къ одному товарищу: «познакомьте, говорю, меня съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ». Но тотъ при первыхъ моихъ словахъ кривую гримасу состроилъ.

— Не стоить, говорить, — Боже васъ сохрани... не советую... Особенно, вы человекъ не здѣшній, такъ это даже и не безопасно.

— Какая, возражаю,—возможна опасность?

— Да денегъ попросить, — имъ вѣдь ни добавочныхъ, ни прибавочныхъ не даютъ,—они и кучатся.

— Ну?

— Ну, а даль—и пропало, потому это «абсолютной честности» не мѣшаетъ; а не даль—въ какой-нибудь газеткѣ отхлещутъ. Это тоже «абсолютной честности» не мѣшаетъ. Нѣтъ, лучше совѣтую беречься.

— Было бы, говорю,—еще за что и отхлестать?

— Ну, у насъ на этотъ счетъ просто: вы вотъ сегодня при миѣ занимали себѣ въ деревню лакея, и онъ вамъ, по вашему выраженію, «не понравился», а завтра можно напечатать, что вы смотрите на насъ себѣ лакея съ другой точки зрѣнія, и добиваетесь, чтобъ онъ вамъ «правился». Нѣтъ, оставьте ихъ лучше въ покоѣ; «съ ними» у насъ порядочные люди нынче не знакомятся.

Я задумался и говорю, что хоть только для курьеза желалъ бы кого-нибудь изъ нихъ видѣть, чтобы понять, что въ нихъ за закалъ.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста; да они всѣ давно сами другъ про друга все высказали; больше знать про нихъ не интересно.

— Однако, живутъ они: не тонятся и не стрѣляются.

— Съ чего имъ тониться! Бранятъ ихъ, ругаютъ, да что такое брань? что это за тяжкая напасть? Про много дѣло скажутъ, а онъ самъ на десятихъ навретъ еще худшаго,—вотъ и затушевался.

— Ну, напраслизна-то вѣдь можетъ быть и опровергнута.

— Какъ разъ! Одинъ-то разъ, конечно, можно, пожалуй, и опровергнуть, а если на васъ, по всѣмъ правиламъ осады, разомъ цѣлые батальоны, цѣлые полки на васъ двинутъ, ящичкѣ Пандоры со всякими скверностями на васъ опрокинутъ, — такъ отъ всѣхъ ужъ и не отлаешься. Макиавелли по даромъ говорили: «аги, аги и аги,— что-нибудь прилипнетъ и останется».

— Но зато, говорю, — въ такихъ занятіяхъ самъ портишься.

— Небольшая въ томъ и потеря; уголь сажкою не можетъ замараться.

— Уваженіе всѣхъ честныхъ людей этимъ теряется.

— Очень оно имъ нужно!

— Да и самъ теряешь возможность къ усовершенствованію себя и воспитанію.

— Да полноте, пожалуйста: кто въ Россіи о такихъ пустякахъ заботится. У насъ не тѣмъ концомъ носъ пришить, чтобы думать о самосовершенствованіи или о судѣ потомства.

И точно, сколько я потомъ ни приглядывался, дѣйствительно носъ у насъ не тѣмъ концомъ пришить и не туда его тянуть.

ГЛАВА СОРОКЪ СЕДЬМАЯ.

Ходилъ въ театр: давали пьесу, въ которой показано народное недоверіе къ тому, что новая правда поцаряется. Одно дѣйствующее лицо говоритъ, что пока въ лежащихъ надъ Невой каменныхъ «свинтуссахъ» (сфинксахъ) живое сердце не встрепенется, до тѣхъ поръ все будетъ только для одного вида. Авторы жесточайше изругали за эту пьесу. Спрашивалъ свѣдущихъ людей: за что же они изруганы? За то, чтобы правды не говорить, отвѣчаютъ... Какая дивная литература съ ложью въ идеаль!

Познакомился, наконецъ, случайно въ клубѣ художниковъ съ однимъ поэтомъ и, возмущенный тѣмъ, что слышалъ, поговорилъ съ нимъ о правдѣ и честности. Поздѣ того же дня, что правда не годится, и даже разъяснилъ мнѣ, почему правды въ литературѣ говорить не слѣдуетъ; это будто бы потому, что «правда есть мечъ обоюдо-острый» и ею подчасъ можетъ пользоваться и правительство; честность, говоритъ, можно признавать только одну «абсолютную», т. е.

торую можетъ имѣть и воръ, и фальшивый монетчикъ. Дальше я не хотѣлъ и рѣши вести объ этомъ: взаправду «за чело-
вѣка страшно!» Спрашиваю только ужь о самыхъ практи-
ческихъ вещахъ: вотъ, говорю, къ удивленію моему, я вижу
у васъ подъ однимъ изданіемъ подписывается редакторъ
Калатузовъ... скажите мнѣ, пожалуйста... меня это очень
интересуетъ... я зналъ одного Калатузова въ гимназій.

— Этотъ здѣшній, очень онъ плохъ,—перебиваетъ меня
поэтъ.

— Редакторъ-то?

— Да, ахъ, какъ безнадежно плохъ:—какъ котелка.

— Скажите, Бога ради, и тотъ, говорю, былъ небоекъ.

— Ну, все-таки это вѣрно и тотъ. Этотъ, напримѣръ,
какъ забралъ себѣ въ голову, что въ Англіи была королева
Елисавета, а нынче королева Викторія, такъ и твердитъ,
что «въ Англіи женщинамъ лучше, потому что тамъ коро-
левы царствуютъ». Сотрудники хотѣли его въ этомъ разуве-
рить,—не дается: «вы, говоритъ, меня подводите на смѣхъ».
А «абсолютная» честность есть.

— Какъ же, говорю,—его редакторомъ-то сдѣлали?

— А что же такое? Для утвержденія въ редакторствѣ
у насъ вѣдь пока еще въ губернскомъ правленіи не сви-
дѣтельствуютъ. Да и что такое редакторъ? Редакторы есть
всюгдѣ. Беремъ, батюшка, въ этомъ примѣры съ нашихъ
заатлантическихъ братьевъ. А впрочемъ, и прекрасно: весь
вопросъ въ абсолютной честности: она литературу убиваетъ,
но зато злобу-съ, злобу и затменіе въ умахъ раститъ и
множитъ.

— Есть же однако, полагаю, между ними люди, для ко-
торыхъ дорога не одна абсолютная честность?

Какъ же-съ, непременно есть, и вотъ недалеко хо-
дить. Вотъ, видите, за тѣмъ столомъ сидитъ пентюхъ-то,
это извѣстный православистъ, онъ меня па-дняхъ какъ-то
тутъ встрѣчаетъ и говоритъ:—«Что жъ вы, батюшка, намъ-
то ничего не дадите?» Удивляюсь, отвѣчаю,—что вы меня
объ этомъ и спрашиваете.

— А что такое?

— Да вѣдь вы меня, говорю, — въ своемъ изданіи ру-
гаете.—Удивляется: «когда»?—Да постоянно, молъ.—«Ну,
извините, пожалуйста». — Да вы что жъ, этого не читали,
что ли?—«Ну, вотъ, стану, говоритъ, и этимъ павозомъ за-

ниматься... Я все съ бумагами... сильно-было поразстроился и теперь весь биржей поглощенъ... Богъ съ ними!»

— Это вы изволите говорить: «Богъ съ ними»?

— Нѣтъ, это не я, а онъ: я Бога не беспокою. Я хотѣлъ открыть изданіе въ среднемъ духѣ, но никакого содѣйствія нѣтъ.

— Отчего же?

— Да я по глупости шесть тысячъ попросилъ, и отказали, говорятъ: «Денегъ нѣтъ»... Послѣ узналъ, что теперь, чтобы получить что-нибудь, надо миллионъ просить: тогда дадутъ. Думаю опять скоро просить.

— Милліонъ?

— Нѣтъ, миллионъ восемьсотъ пятьдесятъ семь тысячъ, такъ смѣта выходить.

— На журналъ или на газету?

— Нѣтъ, на особое предпріятіе...

Поэтъ всталъ, зѣвнулъ и, протягивая мнѣ руку, добавилъ:

— На одно предпріятіе, обѣщающее впереди милліардъ въ туманѣ.

— И что жъ,—сираниваю, удерживая его за руку, — имѣете надежду, что дадутъ вамъ эти деньги?

— Да, непременно, говоритъ, — дадутъ; у насъ все это хорошо обставлено, въ національномъ духѣ: чухонскій графъ изъ Финляндіи, два остзейскіе барона и три жида во главѣ предпріятія, да полторы дюжины полячишекъ для силстень. Непременно дадутъ.

Я заплатилъ за столомъ деньги за себя и за поэта, и ушелъ. Это кстати былъ послѣдній день моего пребыванія въ Петербургѣ.

ГЛАВА СОРОКЪ ВОСЬМАЯ.

Москву я проѣхалъ на-скоро: пробылъ только всего одинъ день и посѣтилъ двухъ знакомыхъ... Люди уже солидные,— у обонхъ дѣти въ университетѣ.

Здѣсь Петербургъ не чествуютъ; тамъ, говорятъ, всѣ искривлялись: «кто съ кѣмъ согласенъ и кто о чемъ спорить,—и того не разберешь. Они скоро всѣ провалятся въ свою финскую яму».

Давно, я помню, въ Москвѣ все ждуть этого петербургскаго провала и все еще не теряютъ надежды, что эта благая радость ихъ совершится.

— А васъ, любонитетвую, — Богъ милуетъ, не бонтесъ провалитъся?

— Ну, мы!.. Петербургъ, братъ, говорятъ, — строщь милліонами, а Москва — вѣками. Подъ нами земля прочная. Тамъ, въ Петербургѣ-то, у васъ вонъ ужъ, говорятъ, отцовъ рѣжутъ, да на матеряхъ женятся, а насъ этимъ не увлечены: тутъ у насъ и храмы, и мощи — это наша святыня, да и въ учестности наша молодежь своихъ свѣтильниковъ имѣеть... предаіа... Кудрявцева и Грановскаго чтить. Разумѣется, Кудрявцевъ и Грановскій ужъ того... немножко для нашего времени не годятся... а все жъ если бы нашъ университетъ еще того... немножко бы ему хорошей чемерицы въ носъ, и студенты чтобъ отъ профессоръ не зависѣли, и университетъ бы нашъ даже еще кое-куда годился... а то ни одного уже профессора хорошаго не стало.

— Какъ ни одного?

— Да рѣшительно ни одного: въ петербургскихъ газетахъ ихъ славно за это отжариваютъ.

Вотъ тебѣ и «наши преданія» и «наша святыня»!

Экой вздоръ какой! Экая городьба!

Поѣлъ у Гурина пресловутой утки съ груздями, заболѣлъ и ѣду въ деревню; свой губернский городъ, въ которомъ меня такъ памятно сѣкли, проѣзжаю мимо; не останавливаюсь и въ уѣздномъ и явлюсь къ себѣ въ Одолѣнское — Ватажкова тожъ.

И вотъ они опять — знакомыя мѣста,
Гдѣ жизнь отцовъ моихъ, безпечна и пуста,
Текла среди пировъ, бессмысленнаго чванства,
Разврата мелкаго и мелкаго тиранства!..

Что-то здѣсь новаго, на этихъ сонныхъ швахъ, на этой черноземной пакости?

ГЛАВА СОРОКЪ ДЕВЯТАЯ.

Просторъ и лѣнь, лѣнь и просторъ! Они опять предо мною во всей своей красѣ; но кровли крышъ покрыты лучше и мужики въ сапогахъ. Это большая новость, въ которой я, впрочемъ, никогда не отчаивался, вѣруя, что и мужикъ знаетъ, что подъ крѣпкою крышей безопаснѣй жить и въ крѣпкихъ сапогахъ ходить удобнѣе, чѣмъ въ дырявыхъ лантяхъ.

Спросить въ бесѣдѣ своего приказчика:

— Поправляются ли мужики?

— Какъ же, говорить, — теперь они живутъ гораздо пружяго превосходивше.

Хотѣлъ даже перекреститься на образъ, но, опасавшись, не придерживается ли мой приказчикъ ивгилетическаго образа мыслей, воздержался, чтобы сразу себя предъ нимъ не скомпрометировать, и только вздохнулъ: «Оуди, Господи, благословенъ за сіе!»

Но какъ же остальное? Какъ она, наша интеллигенція?

— Много ли, спрашиваю, — здѣсь сосѣдей-помѣщиковъ теперь живетъ и какъ они хозяйничаютъ?

— Нѣтъ, докладываетъ, — какіе же здѣсь господа? Господь здѣсь нѣтъ; господа все уѣхали по земскимъ учрежденіямъ, мѣстовъ себѣ стараются въ губерніи.

— Неужто же все по учрежденіямъ? Этого быть не можетъ!

— Да живутъ-съ, говорить, — у насъ одни господа Локотковы, мелкопомѣстные.

— Ну, такъ какъ же, молъ, — ты мнѣ говоришь, что никого нѣтъ? И даже знаю этого Локоткова. (Это, если вы помните, тотъ самый мой старшій товарищъ, что въ гимназій француза дразнилъ и въ печки сало кидать). Ты, приказываю, вели-ка мнѣ завтра дрожки заложить: я къ нему съѣзжу.

— Это, отвѣчаетъ, — какъ вамъ будетъ угодно; но только они къ себѣ никакого благороднаго званія не принимаютъ, и у насъ ихъ, господина Локоткова, все почитаютъ ни за что.

— Это, молъ, — что за глупость?

— Точно такъ-съ, говорить, — какъ они сами своего званія рѣшившись и ходятъ въ шинели, и званіе свое порочать и съ родительницей своей Аграфеной Ивановной поспеваютъ очень неблагородно.

Заинтересовался я знать о Локотковѣ.

— Расскажи, говорю, — мнѣ, сдѣлай милость, толкомъ: какъ же это онъ такъ живетъ?

— Совсемъ, отвѣчаетъ, — въ родѣ мужика живутъ: въ одной избѣ съ работниками.

— И въ полѣ работаетъ?

— Нѣтъ-съ, въ полѣ они не работаютъ, а все подъ сараемъ книжки сочиняютъ.

— О чемъ же, молъ, тѣ книжки, не знаешь ли?

— Давали-съ они памть, да не интересно: все по крестьянскому сословию, про мужиковъ... Ничего не вѣрно: крестьяне смѣются.

— Ну, а съ матерью-то у нихъ что же: нелады, что ли?

— Постоянные нелады: еще шесть дней въ недѣлю ничего, и туда и сюда, только промежь собою ничего не говорить, да отворачивается; а ужъ въ воскресенье непременно и карамболь.

— Да почему же въ воскресенье-то карамболь?

— Потому, какъ у нихъ промежь собой все несогласіе выходитъ въ пирогахъ.

— Ничего, говорю, — братецъ мой, не понимаю: какъ такъ въ пирогахъ у нихъ несогласіе?

— Да баринъ Локотковъ, говоритъ, — велить малунигъ, чтобъ и имъ, и людямъ одинаковые пироги печь, а госпожа Аграфена Ивановна говоритъ: «я этого понять не могу», и заставляютъ стряпуху, чтобъ людскіе пироги были хуже.

— Ну?

— Ну-съ, вотъ изъ-за этого изъ-за самого они всегда и ссорятся: Аграфена Ивановна говоритъ, что пусть пироги хоть изъ одного тѣста, да съ отличкою: господскіе чтобъ съ гладкою коркой, а работничьи на щипокъ защипнуть; а баринъ сердится и сами придуть и перещипываютъ у зашкетки. Они перещипываютъ, а Аграфена Ивановна послѣ приказываютъ стряпухѣ: «станешь сажать, говорятъ, — въ печку, такъ людскіе пельи пироги на полъ урони, чтобъ они въ сору обвалялись»; а баринъ за это высклъ... Сейчасъ гуть у прищечка и ссора... Они и толкнутъ старуху.

— Это мать-то?

— Точно такъ-съ; ну, а народъ ее, Аграфену Ивановну, жалѣеть, какъ они при прежнемъ крѣпостномъ званіи были для своихъ людей барыня добрая. Вечеру баринъ соберутъ къ избѣ мужиковъ и заставляютъ судить себя съ барыней; барыня замалчиваетъ: «Ребятишки, изволятъ говорить, я себя не жалѣвши его воспитывала, чтобъ онъ въ полковые изшелъ, да генераломъ былъ». А баринъ говоритъ: «А я, ребята, говорятъ, этихъ глупостей не хочу; я хочу мужиковъ быть». Ну, мужики, извѣстно, все сейчасъ на барыню сторону. «Съ чего, бають, съ какого мѣста ты такого за-

хотѣлъ? Нѣшь тебѣ мужикомъ-то лучше быть?» — Баринъ крикнуть: «Лучше, честнѣе, говорятъ, ребята, быть мужикомъ». Мужики плюнуть и разойдутся. «Врешь, баюють, въ генералахъ честнѣй быть,—мы и сами, говорятъ, хоть сейчасъ все согласны въ генералы идти». Только всего и суда у нихъ выходить; а стряпуха, просто ни одна стряпуха у нихъ больше недѣли изъ-за этого не живетъ, потому что никакъ угодить нельзя. Теперь съ полгода баринъ книги сочинять оставил и сами стали пироги печь, только ѣсть ихъ никакъ нельзя... невкусно... Баринъ и сами даже это чувствуютъ, что не умѣютъ, и говорятъ: «Вотъ, говорятъ, ребята, какое мнѣ классическое воспитаніе дали, что даже противъ матери я не могу потрафить». Дьячокъ Сергѣй на нихъ даже по этому случаю волостному правленію доносъ подавалъ.

— Въ чемъ же доносъ?

— Да насчетъ ихъ странности. Писалъ, что господинъ Локотковъ самъ, говоритъ, почью къ Каракозову по телеграфу леталъ.

— Ну?

— Мужики было убить его за это хотѣли, а начальство этимъ пренебрегло; даже дьячка же Сергѣя самого за это и послали въ монастырь дрова плитить, да и то сказали, что это еще ему мплость за то, что онъ глушь и не зналъ, чтò дѣлать. Теперь вѣдь, сударь, у насъ не то, какъ прежде: ничего не разберешь, добавилъ, махнувъ съ неудовольствіемъ рукою. приказчикъ.

— Да дьячокъ-то ваптъ, сирашнваю, — откуда же взялъ, что по телеграфу летать можно?

— Это, — отвѣчаетъ мой приказчикъ, — у нихъ, у духовенства, нынче больше все происходитъ съ отчаянности, такъ какъ на нихъ теперь законъ вышелъ, чтобъ ихъ сокращать; гдѣ два было, говорятъ, одинъ останется...

— Ну, такъ что же, молъ, изъ этого?

— Такъ вотъ они, выходить, теперь другъ передъ дружкой и хотятъ все себя одинъ противъ другого показать.

«Фу, думаю, какой вздоръ мнѣ этотъ человѣкъ рассказываетъ!» Махнулъ рукою и отпустилъ его съ Богомъ.

Однако, не утерпѣлъ, переспросилъ еще кое-кого изъ людей насчетъ всего этого и оказалось, что приказчикъ мой не лжетъ.

«Ну, думаю, чѣмъ узнавать черезъalebь, да черезъ десятки руки, пуцусь-ка лучше я самъ въ самое море, окупусь въ самую интеллигенцію».

Начинаю съ того, что еще уцѣлѣло въ селахъ и что здѣсь репрезентуетъ мѣстную образованность.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ.

Отправился съ визитомъ къ своему попу. Добрѣйшій Михаилъ Сидоровичъ, или отецъ Михаилъ, — скромнѣйшій человекъ и заливушка, котораго дядя мой, князь Одолѣвскій, скончавшійся въ схимѣ, заставлялъ когда-то хоронить его борзыхъ собакъ и поклониться золотому тельцу, — уже не живетъ. Въмѣсто него священствуетъ сынъ его, отецъ Иванъ. Я зналъ его еще семинарскомъ, когда онъ, бывало, приходилъ во флигель къ покойной матушкѣ Христа славить, а теперь онъ ужъ лѣтъ десять на мѣстѣ и бородой по самые глаза заросъ,—настоящій Атта-Троль.

Засталъ его дома за писаніемъ. Увидавъ меня, онъ скрепѣ спрягалъ въ столъ тетрадку. Поздоровались. Спрашиваю его: «какъ, батюшка, поживаете?»

— Что, сударь, Орестъ Марковичъ! жизнь наша противъ прежняго стала, говорить, гораздо хуже.

«Вотъ-те и разъ, думаю, пашелся человекъ, которому даже хуже кажется».

— Чѣмъ же, пытаю,—вамъ теперь, отецъ Иванъ, хуже?

— Да какъ же, сударь, не хуже? въ прежнее время, при помѣщикахъ, сами изволите помнить, бывало и соломкой, и хлѣбцемъ, и всѣмъ дворяне не забывали, и крестьянъ на подмогу въ рабочую пору посылавали; а нынѣ нѣтъ того ничего, и народъ къ намъ совсѣмъ охладѣлъ.

— Народъ-то, говорю,—отчего же охладѣлъ? Это въ вашихъ рукахъ—возобновить его теплоту къ религіи.

— Нѣтъ, ужъ, какое же, сударь, возобновеніе! Прежде онъ въ крѣпостномъ званіи страдалъ и былъ постоянно въ нуждѣ и въ горести, и прибѣгалъ въ несчастіи своемъ къ Господу; а теперь, изволите видѣть... нынче мужичокъ идетъ въ церковь только когда захочетъ...

«Ну, думаю, лучше это мимо».

— Между собою, любозытствую,—какъ вы теперь, батюшка, живете? — потому что я зналъ, что всегда бывало

здѣсь, какъ и вездѣ: гдѣ два причта, тамъ и страшная, безкровная война.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Только-что я коснулся въ разговорѣ съ отцомъ Иваномъ деликатной исторіи войны на поповкахъ, мой собесѣдникъ такъ и замахалъ руками.

— Ужасно, сударь, Орестъ Марковичъ, ужасно, говорить, — мы, духовные, къ этому смятенію подвержены, о мирѣ всего міра Господа умоляемъ, а самимъ намъ въ этомъ недугѣ вражды исцѣленія нѣтъ.

Добродушный священникъ съ сокрушеніемъ осѣнилъ себя крестомъ и, вздохнувъ, добавилъ: «думаю, говорить, что это не иначе какъ оттого, что гдѣ прензбыточествуетъ благодать, тамъ преобладаетъ и грѣхъ».

— А вѣдь и ссориться - то, говорю, — кажется, но за что бы?

— Да, совершенно, сударь, часто не за что.

— А все-таки ссоритесь?

— Да вѣдь какъ же быть: ссоримся-съ и даже люте отъ сего страждемъ и оскудѣваемъ.

Я посоветовалъ, что надо бы, молъ, стараться ужъ какъ-нибудь ладить.

— Знаете, это такъ, говорю, — надо дѣлать: бери всякъ въ руки метлу да мети *свою* *длицу* — весь городъ и очистится. Блюди каждый самъ себя, гони отъ себя смуту, вогъ она и повсюду исчезнетъ.

— Нельзя-съ, — улыбается отецъ Иванъ, — другіе товарищи не согласятся.

— Да что вамъ до товарищей?

— Нѣтъ-съ; да теперь и время не такое-съ. Эго надо было какъ-нибудь прежде дѣлать, до сокращенія, а теперь ужъ хоть и грѣхъ воровать, но нельзя миновать.

Чтобы отойти отъ этого вопроса, я только и нашлся, что, молъ, хоть промежду себя-то съ отцомъ Маркеломъ старайтесь ладить — не давайте дурного примѣра и соблазна темнымъ людямъ!

— Да ничего, — отвѣчаетъ отецъ Иванъ: — мы между собой стараемся, чтобы ладно... только вотъ отецъ Маркель у насъ... коллега очень щекотисты...

— Что такое?

— Къ кримициямъ они имѣютъ ужасное иристрастіе: все клязуничаютъ ужасно. Ввали въ иѣкую дружбу съ нашимъ дякономъ Викторычемъ, а тотъ давно прекримициями обязанъ, и нагѣреваются вдвоемъ, чтобы какъ-нибудь меня со второго штата въ зантатъ свести и вдвоемъ остаться по новому правилу.

— Это, говорю, — жаль: ничто добро, ничто красно, а жити братіе вкупѣ.

— Какое ужъ, отвѣчаетъ, — «вкупѣ» жить, Орестъ Марковичъ, когда и па своемъ-то на особомъ дворѣ и то никакъ не уберекнешься! Вотъ, какъ изволите видѣть: я все дома сижу. Какъ только пошелъ разговоръ про новыя правила, что будутъ насъ сокращать, я, опасаясь злыхъ клеветъ и навѣстовъ, все сижу дома, — а по осени вдругъ меня и вызываютъ къ преосвященному. Знаете, дѣло это у насъ, по духовному состоянію, столь странное, что только вспоминешь про всеобжирающую конексторію, такъ просто лытки трясутся. Изволите знать сами, великій государь Петръ Первый въ регламентѣ духовномъ ихъ наименовалъ: «оныя архіерейскія несытыя собаки»... Говорить не остается, сударь!.. Семьдесятъ вереть проѣхалъ, толкнулся къ секретарю, чтобы хоть узнать, зачѣмъ? «Ничего, говорятъ, не вѣдаемъ: тебя не конексторія звала, а самъ владыко по секрету вытребовали». Предстаю со страхомъ самому владыкѣ, — такъ и такъ, говорю, такой-то священникъ. Они какъ только услышали мою фамилію, такъ и говорятъ: «а, это ты, такой-сякой, илисуи и игруи!»

Я даже, знаете, предъ владыкою опѣмѣть и устами словъ не могу выговорить.

— Никакъ шѣтъ. — говорю, ване преосвященство: я жизнь провождаю тихую въ домѣ своемъ.

— Ты еще противурѣчишь! Слѣдуй, говорятъ, — за мной! Привели меня въ небольшой покойчикъ и изъ полбюра (не могу ужъ вамъ объяснить, что такое называлось полбюро) вынимасть бумагу.

— Читай, говорятъ, — гласно.

И читаю въ предстаніи здѣсь секретаря и соборнаго протодьякона. Пишетъ, — это вижу по почерку, — коллега мой, отецъ Маркель, что: «такого-то, говоритъ, числа, осеннею порою, въ позднее сумерочное время, проходи мимо оконъ священника такого-то, — имя мое тутъ названо, — невзначай

заглянулъ я въ узкій створъ между двумя нарочито притворенными ставнями его ярко освѣщеннаго огня и замѣтить сего священника безумно скачущимъ и пляшущимъ съ неприличными удареніями нятами ногъ по подрыснику».

— Остановись,—говорятъ его преосвященство,—на семь пунктовъ и объясни, что ты можешь противъ этого въ оправданіе свое отвѣтствовать?

— Что же, говорю, — владыко святой, все сіе истинно.

— Зачѣмъ же это, — изволятъ спрашивать, — ты столь пагло плясалъ, ударяя нятами?

— Съ горя, говорю,—ваше преосвященство.

— Объяснись!—изволили приказать.

— Какъ по недостаточности моего званія, говорю, — владыко святой, жепя моя каждый вечеръ, по неизбѣжно работницы, отпращивается для доенія коровы въ хлѣвъ, гдѣ хранится навозъ, то я, держа на рукахъ свое малое грудное дитя, плачущее по матери и просящее груди, — какъ груди дать ему не имѣю и чѣмъ его разсѣять не знаю, — то я, не умѣя настоящихъ французскихъ танцевъ, такъ съ симъ младенцемъ плавно по-жидовски прискакую по комнатѣ и пою ему: «тра-та-та, тра-та-та, вышла кошка за кота», или что другое въ семь родѣ невиннаго содержанія, дабы оно было утѣшно отъ сего, и въ томъ вся вина моя.

Владыка задумался и говорить:

— Хорошо, сіе непредосудительно, въ сихъ цѣляхъ, какъ стецъ, невозбранно танцовать можешь, но читай дальше!

«Другажды», читаю, пишутъ отецъ Маркель, «проходя съ дьякономъ случайно вечернею порою мимо дома того же священника отца Юанна, опять видѣли, какъ опъ со всѣмъ своимъ семействомъ, съ женою, племянникомъ и съ купно пріѣхавшею къ нему на каникулярное время изъ женской гимназій племянницею, азартно игралъ въ карты, яростно ударяя по столу то кралею, то хланомъ, и при семъ непозволительно восклицалъ: «никто больше меня, никто!» Прочитавъ сіе, взглянулъ я на преосвященнаго владыку и, не дожидаясь его вопроса, говорю:

— И сіе, ваше преосвященство, правда. Точно, говорю,—однажды, и всего только однажды, игралъ я по случаю племянницына пріѣзда, но было сіе не для ради забавы и празднолюбія, а съ философскою цѣлью, въ видахъ указа-

нія превосходства Адамова пола предъ Евнинымъ поломъ, а отнюдь не для празднои забавы и утѣшенія.

— Объяснись,---говорять владыко,—и въ этомъ!

— Было, говорю, — сіе такъ, что племянница моя, дочь брата моего, что въ приказные вышелъ и служить совѣтникомъ, пріѣхавъ изъ губерніи, начала обременять понятія моеи жены, что якобы нантъ мужской полъ долженъ въ скорости обратиться въ ничтожество, а женскій надъ нами будетъ властвовать и господствовать; то я ей на это возразилъ нѣсколько апостольскимъ словомъ, но какъ она на то начала, громко хохоча, козлякать и брыкать, книги мои безъ толку порицая, то я, въ книгахъ новаго сочиненія достаточной практики по бѣдности своей не имѣя, а чувствуя, что стерпѣть сію обиду всему мужскому колѣну не долженъ, то я, не зная, что на всѣ ея слова ей отвѣчать, сказалъ ей: «Буде ты столь превосходно умна, то скажи, говорю, мнѣ такое поученіе, чтобъ я призналъ тебя въ чемъ-нибудь наученною»; но тутъ, владыко, и жена моя, хотя она всегда до сего часа была женщица богобоязненная и ко мнѣ почтительная, но вдругъ тоже къ сей племянницѣ за женскій полъ присоединилась и зачали вдвоемъ столь громко цокотать, какъ двѣ сороки, «что васъ, говорятъ, больше нашего учать, а мы васъ все-таки какъ захотимъ, такъ обманываемъ», то я, преосвященный владыко, дабы увячь имъ оное, обуявшее ихъ, безсмысліе, потерявъ спокойствіе, воскликнуть:

— Стой, говорю, — стой, ни одна не смѣй больше ни слова говорить! Этого я не могу! Давайте, говорю, на томъ самомъ спорить, на чемъ всѣ мы поровну учены, и увидимъ, кто изъ насъ совершеннѣе? Есть, говорю, у васъ карты?

«Жена говоритъ: есть.

«— Давай, говорю,—сюда карты.

«Жена подала карты.

«Говорю: сдавай въ дураки!

«Сдали. Я и жену, и племянницу ученую кряду по три раза дурами и оставилъ. Довольно, говорю, съ васъ; но видя, что онѣ и снмъ еще мало въ неправотѣ своего спора убѣдились, говорю:

«— Сдавай въ короли!

«Сдали въ короли. И вышелъ королемъ, сынишку,—виноватъ, ваше преосвященство, сынишку тоже для сего дис-

пути съ собою посадилъ, — его въ принцы вывелъ, а жену въ мужики. Вотъ, говорю, твое мѣсто: а племянницу солдатомъ оставилъ, — это, моль, тебѣ и есть твоя настоящая должность.»

— Вотъ, говорю, — ваше преосвященство, истинно докладываю я, едино съ сею философскою цѣлью въ карты играть и шмало себя и мужской поль не уронилъ.

Владыко разсмѣялся. «Ступай, говорятъ, — игруй и танцуй, на свое мѣсто», а отцу Маркелу съ дьякономъ посп и утерши... но я спмъ недоволенъ...

— Помилуйте, говорю, — да чего же вамъ еще?

— Какъ чего? Ахъ, нѣтъ, Орестъ Марковичъ, такъ нельзя: вѣдь они вопъ, и дьяконъ, и отецъ Маркель, но сіе время ходить, и отецъ Маркель все вздыхаетъ на небо.

— Такъ что же вамъ до этого?

— Ахъ, какъ вы это располагаете: это они прогриманацію затѣваютъ... Нѣтъ, пока эти новыя права зводъ угъ, тутъ еще много грѣха будетъ!

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Вспрѣчаю на другой день въ березовой рощицѣ отца дьякона; сидѣтъ и колесныя втулки сверлить.

— Вы, говорю, — отецъ дьяконъ, какъ поживаете?

— Ничего, говорятъ, — Орестъ Марковичъ, живемъ преестественно въ своемъ видѣ. И въ настоящее время нынче вѣдь все овцами занимаюсь.

— А, а! скажите, говорю, — пожалуй, торговать пустились?

— Да-съ, овцами, и вотъ тоже колеса дѣлаю и пчель завель.

— И что же, говорю, — счастливо вамъ вѣдется?

— Да какъ вамъ доложить: торгую понемножку. Нельзя: время такое пришло, что однимъ нынче духовенству пичѣмъ заниматься нельзя. Намъ вѣдь, дьяконовъ-то, слышали?.. насъ скоро уничтожатъ. У насъ тутъ по сосѣдству Поливановскій дьяконъ на насъ постоянный дворъ свилъ, — чудесно ему идетъ, а у меня капитала нѣтъ: пока кой-чѣмъ берусь, а впереди шкто какъ Богъ. Въ прошломъ году до сорока штукъ овецъ было продать, да вотъ Богъ этимъ несчастьемъ посылтъ.

— Какимъ, говорю, — несчастьемъ?

— Да какъ же-съ? развѣ не изволили слышать? вѣдь мы все просудили съ отцомъ Маркеломъ.

— Да, да, говорю, — слынала; рассказывалъ мнѣ отецъ Иванъ.

— Да, мы, говоритъ, — съ ними, съ отцомъ Иваномъ, тутъ немного поссорились, и имъ чрезъ насъ добавокъ того ничего и не было насчетъ ихъ шаясы, а вѣдь они вошь, небось, вамъ не рассказали, что съ ними съ самими-то отъ того произошло?

— Нѣтъ, молъ, — не говоритъ.

— Они вѣдь у насъ къ нынѣшнему времени не отъ своего дѣла совсѣмъ разсудокъ потеряли. Какъ съ племянницею они разъ насчетъ бабьяго надъ нами преимущества поспорили, такъ съ тѣхъ поръ все о направленіи умовъ только и помышляютъ. Проновѣди о постѣ, или о молитвѣ говорить они уже не могутъ, а все выйдутъ къ аналою, да экспромту о лягуникѣ: «какъ, говорятъ, нынѣ нѣкіе глаголемые анатомы въ свѣтскихъ книгахъ о дунѣ лжевидѣтельствуютъ по разсѣченію лягушки», или «сколь дерзновенно, говорятъ, нынѣ нѣкіе лжеаватомы по усѣченному и электрическою искрою приналенному коначьему хвосту полагаютъ о жизни»... а прихожане этимъ смущались, что въ церкви, говорятъ, сказываетъ онъ негодія рѣчи про приналенный кончикъ хвоста и лягунику; и дошло это вскорѣ до благочиннаго; и отцу Ивану экспромту теперь говорить запрещено, иначе какъ по тетрадкѣ, съ пропускомъ благочиннаго; а они что ни вачнутъ сочинять, — все оная мимовольно или отъ лягуники, или—что уже совсѣмъ не идуще—отъ кончика хвоста пишутъ, и, главное, все напрасну, потому что говорить имъ этого ничего никогда не позволить. Вы у нихъ изволили быть?

— Былъ.

— И непременно за писаніемъ ихъ застали?

— Кажется, говорю, — онъ точно что-то писать и читалъ.

— Скрыталъ! — быстро воскликнулъ дяконы: — о, такъ, поздравляю же васъ, сударь... Это онъ опять развелъ насъ попреценную проновѣдь.

— Да почему же вы такъ увѣрены, что онъ непременно запрещенную проновѣдь напишетъ?

— Да потому, что и о лягуникѣ, и о кончикномъ хвостѣ, и

о женскомъ правилѣ имъ это все запрещено. а они ужъ по свободомысленны, и отъ другого теперь не исходятъ.

— Отецъ Маркель же, любопытствую,—свободитѣ?

Дьяконъ крикнулъ и рукой махнулъ.

— Тоже, говоритъ,—сударь, и они сильно попутаны; но только тотъ вѣдь у насъ ко всему этому вонтельна враги одолѣнія прдерзостью возмогаетъ.

— Вотъ какъ!

— Какъ же-съ! Они, отецъ Маркель, видя, что отцу Ивану ничего по ихъ доносу не вышло ни за плясаніе, ни за карты, внаи въ ужасную гнѣвность, и послѣ, разъ за разомъ, еще сорокъ три бумаги на него написали. «Миѣ, твердить, ужъ теперь все равно; если ему ничего не досталось, такъ и я ничего не боюсь. Я только, говорятъ, дороги не знаю, а то я бы плюнулъ на всѣхъ и самъ къ Гарибальди пошелъ». Миѣ даже жаль ихъ стало, потому ничего не усидываетъ, а наипаче молва бываетъ.

«Я говорю: отецъ Маркель, бросьте все это: видите, говорю, что ничего уже отъ него при пынѣшнемъ пачальствѣ не позанимствуешь. Не слушаетъ. Я матушку ихъ, сунругу, Мароу Тихоновну, пачать просить. Матушка, говорю, вы уговорите своего отца Маркела, чтобъ онъ бросилъ и помирился, потому какъ у насъ по торговой части судѣнице считается всего хуже, а лучше всего миръ. Матушка сразу со мною согласилась, но говорятъ: «Охъ, дьяконъ, молчи: онъ просто въ родѣ какъ бы въ изступленіи ума». Стоимъ, такъ, съ нею за угломъ, да разговариваемъ, а отецъ Маркель и вотъ онъ.

«—Что, говоритъ,—все тутъ небось про меня злословите?»

Матушка говоритъ: «Маркель Семенычъ, ты лучше послушай-ка, что дьяконъ-то какъ складно для тебя говоритъ: помирись ты съ отцомъ Иваномъ!» А отецъ Маркель какъ заскакалъ на мѣстѣ: «знаю, говоритъ, я васъ, знаю, что вы за что: дьякономъ-то». И что же вы, сударь, послѣ сего можете себѣ представить? Вдругъ, сударь мой, вызывать меня черезъ три дня понады, Мароа Тихоновна, черезъ мою жену на огородъ.

«—Охъ, дьяконъ, говоритъ,—вѣдь намъ съ тобой плохо!

— Что, молъ, чѣмъ плохо?

«— Да, вѣдь, мой отецъ Маркель-то на насъ съ тобой третьяго дня рапортъ послалъ».

Такъ, знаете, меня варомъ и обварило...

— Какъ такъ рапортъ? Въ какомъ смыслѣ?

«— А вотъ поди же, говоритъ. — Какъ мы съ тобой опамедни за угломъ стояли, онъ послѣ того цѣлую ночь меня мучилъ: говори, пристаешь, жена, какъ дьяконъ тебѣ говорилъ: чѣмъ можно попа Ивана изнять?»

— Ничѣмъ, говорю,—его изнять нельзя!

«— А! ничѣмъ! ничѣмъ! говоритъ, — это я знаю: это тебя дьяконъ научилъ. Ты теперь, говоритъ, презрѣвъ законъ и религію, идешь противъ мужа. И такъ меня тутъ такимъ словомъ обидѣлъ, что я тебѣ и сказать не могу».

— Матушка, да это что же, молъ, такое несообразное?

«— Итъ, а ты, говоритъ, еще подожди что́ будетъ?» И потомъ опъ цѣлый день все со мной восвалъ и послѣ обѣда, и слава Богу, заснулъ, а я, плачущи, вынула изъ сундука кусочекъ холстинки, что съ похоронъ дали, да и стала ему исподнія шить; а онъ вдругъ какъ вскочетъ. «Стои, говоритъ, злодѣйка! что́ ты это дѣлаешь?»

«— Тебѣ, говорю,—Маркель Семенычъ, исподнія шью».

«— Врешь, говоритъ, — ты это не мнѣ шьешь, а ты это дьякону».

Ну, разумѣется, попадья—женщина престарѣлая—заплакала и подумала себѣ такую женскую мысль, что дай, молъ, я ему докажу, что я это *ему* шью, а не дьякону, и взяла красной бумаги и начала на тѣхъ исподнихъ литеры *внди* мѣтить, а онъ, отецъ Маркель, подкрался, да за руку ее ханъ.

«— А! говоритъ, — вотъ когда я тебя поймалъ! Что ты тутъ выводилъ?»

«— Твое имено выставляю, *внди*»,—говоритъ попадья.

«— А что такое, говоритъ,—означаетъ это *внди*?»

Попадья говоритъ, что обозначаетъ его фамилію: «Вѣдепятикъ», а онъ говоритъ: «врешь, эти вѣди значить Викторычъ, дьяконъ», и я, говоритъ,—объ этомъ рапортъ до-несу. Съль ночью и написалъ.

Я даже не воздержался при этихъ словахъ дьякона и воскликнулъ: «фу, какая глупость!»

— Итъ-съ, вы еще насчетъ глупости подождите,—оста-павливаетъ рассказчикъ: — почему же это *внди* означаетъ,

что «Викторычъ», когда имѣ мое *Еремѣй*, а фамилія *Гользинскій*? Вѣдь это съ ихъ стороны ничего болѣе, какъ одна глупая забывчивость, что сколько дѣлъ со мною священнодѣйствуютъ, а не знаютъ какъ ихъ дьякона зовутъ! А между тѣмъ, какъ вы, сударь полагаєте? — воскликнуть дьяконъ, становись въ наполеоновскую позицію, — что изъ того воспослѣдовало? На третій день благочинный прѣіхалъ, уговаривалъ отца Маркела, — что, молъ, по вашему салу, хона бы и точно такое дѣло было, такъ его нельзя оглашать, потому что за это вы сама лишитесь. Но отецъ Маркель: «пускай, говорятъ, я лучше всего рѣшусь, а этого такъ не пожертвую». Позвали насъ въ консисторію. Отецъ Маркель говоритъ: «я ничего не боюсь и личное съ собою повезу», и повезли то бѣльничко съ собою; но все это дѣло сочтено за глупость, и отецъ Маркель хона отослалъ въ монастырь на дьяческую обязанность, но очень въ надеждѣ, что хони они генерала Гарибальди и напрасно дожидались, но зато теперь скоро, говоритъ, — графъ Висмарковъ изъ Петербурга адъютанта пришлетъ и настоящихъ русскихъ всѣхъ выгонитъ въ Ташкентъ барановъ стричь... Ну, нусть, но, вѣдь, это еще можетъ пока одинъ разговоръ такой... А я страждую, и всего уже больше какъ на тридцать овецъ постраждовать. А за что? За сосѣдскую глупость, а межъ тѣмъ, если этапъ долго эти приходы не разверстаются у насъ, все будутъ пдти прокриминаціи, и когда меня въ настоящемъ видѣ сократятъ, мнѣ по торговой части тогда ужъ и починатъ будетъ не съ тѣмъ. Вотъ что, Орестъ Марковичъ, духовное лицо у насъ теперь въ смущеніе приводитъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Такъ, помаленьку устраниваясь и поучаясь, сизку и однажды предъ вечеромъ у себя дома и вижу, что ко мнѣ на дворъ въѣхала пара лошадей въ небольшомъ тарантасикѣ и изъ него выходитъ очень небольшой человѣчекъ, совсѣмъ похожій съ виду на художника: матовый, блѣдный брюнетикъ, съ длинными, черными, прямыми волосами, съ бородкой и съ подвизанными черною косышкой ушами. Походка легкая и осторожная: совсѣмъ петербургская золотуха и мосоли, а глаза сѣрые, большіе, очень добрые и расположеніе.

Подойди къ открытому окну, у котораго я стоялъ, гость

очень развязно поклонился, и нѣсколько меланхолическимъ голосомъ говоритъ:

— Я не изъ самыхъ пріятныхъ посѣтителей: заишь становой Васильевъ, честь имѣю рекомендовать,—и съ этимъ направляется на крыльцо, а я встрѣчаю его на порогѣ.

Долженъ вамъ сказать, что я имѣю большое довѣріе къ первымъ впечатлѣніямъ, и этотъ золотупный становой необыкновенно понравился мнѣ, какъ только я на него взглянулъ. Я всегда видаю становыхъ сытыхъ, румяныхъ, даже красныхъ, мѣшковатыхъ, нескладныхъ и рѣзкихъ, а такихъ, какъ этотъ, мнѣ никогда и въ умъ не приходило себѣ представить.

— Радъ, говорю.—очень съ вами познакомиться,—и повѣрите, дѣйствительно былъ радъ. Такой мягкій человекъ, что хоть его къ большой рапѣ прикладывай, и особенно мнѣ въ немъ понравилось, что хотя онъ съ вида и похожъ на художника, но нѣтъ въ немъ ни этой семинарской застѣчивости, ни маркерской развязности и вообще ничего лакейскаго, безъ чего художникъ у насъ рѣдко обходится. Это просто входитъ бѣдный джентльменъ,—въ своемъ родѣ олицетвореніе благородной и спокойной гордости и нищеты рыцаря Ламаичскаго.

— Благодарю за доброе слово, — отвѣчаетъ онъ тихо и кротко на мое привѣтствіе и входя добавляетъ:—впрочемъ, я, по счастью, дѣйствительно привезъ вамъ такіа вѣсти, что онъ стоятъ добраго слова,—и съ этимъ даетъ мнѣ бумагу, а самъ прямо отходитъ къ шкапу съ книгами и начинаетъ читать титулы переплетовъ.

Я пробѣжалъ бумагу и вижу, что предводитель дворянства нашей губерніи, въ уваженіе долгаго моего пребыванія за границей и пріобрѣтенныхъ тамъ познаній по части сельскаго благоустройства, проситъ меня принять на себя трудъ приготовить къ предстоящему собранію земства соображенія насчетъ возможно лучшаго устройства врачебной части въ селеніяхъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Какъ я кончилъ читать, становой ко мнѣ оборачивается и говоритъ:

— А что, я вѣдь правъ: вамъ, конечно, будетъ пріятно для бѣднаго человечества поработать.

Я отвѣчаю, что онъ-то правъ, и что я, дѣйствительно, съ удовольствіемъ возьмусь за поручасное мнѣ дѣло и сдѣлаю все, что въ силахъ, но только жалю, что очень мало знаю условія теперешняго сельскаго быта въ Россіи, и добавилъ, что болъшей пользы надо бы ожидать лишь отъ такихъ людей, какъ онъ и другіе, на глазахъ которыхъ начались и совершаются всѣ нынѣшнія реформы.

— И, полноте!—отвѣчаетъ становой:—да у меня-то о такихъ практическихъ дѣлахъ вовсе и соображенія нѣтъ. Я вотъ больше все по этой части,—и онъ кивнулъ рукой на шкапъ съ книгами.

Намъ подали чай, и мы сѣли за столъ.

— Вамъ,—начинаетъ становой:—можно очень позавидовать: вы, кажется, совсѣмъ опредѣлились.

Я посмотрѣлъ на него вопросительно. Онъ понялъ мое недоумѣніе и сейчасъ объяснилъ:

— Я это сужу по вашимъ книгамъ,—у васъ все болѣе книги историческія.

— Это, отвѣчаю,—книги подбора моего покойнаго дяди, а вы меня застали вотъ за *Душою животныхъ* Вундта,—и показываю ему книгу.

— Не читаль, говоритъ, — да и не желаю. Господиныхъ Вундтъ очень односторонній мыслитель. Я читаль *Тѣло и душа* Ульрици. Это гораздо лучше. Признавать душу у всѣхъ тварей это еще не Богъ вѣсть какое свободомысліе, да и вовсе не ново. Пресвященный Иннокентій вѣдь тоже не отвергалъ души животныхъ. Я слышалъ, что онъ объ этомъ даже писалъ бывшему кievскому ректору Максимовичу, но чтò намъ еще пока до душъ животныхъ, когда мы своей души не понимаемъ? Согласитесь, это важнѣе.

Я согласился, что стремленіе постичь свою душу очень важно.

— Очень радъ, что вы такъ думаете,—отвѣчалъ становой:—а у насъ этимъ важнѣйшимъ дѣломъ въ жизни преступно пренебрегаютъ. А кричатъ: «нашъ вѣкъ! нашъ вѣкъ!» Скажите же, пожалуйста, въ чемъ превосходство этого вѣка предъ вѣками Платона, Сократа, Сенеки, Плутарха, Канта или Гегеля? Чтò тогда стремились понять, за то теперь даже взяться не знаютъ. Это ли прогрессъ!.. Нѣтъ-съ: это регрессъ, и это еще Гаврииломъ Романовичемъ Державинимъ замѣчено и сказано въ его одѣ «на Счастіе», что

ужь человѣчество теряетъ умственный устой: «Повисли въ воздухѣ мартышки и весь свѣтъ сталъ полосатый шутъ». Я понимаю прогрессъ по Спенсеру, то-есть прогрессъ вижу въ несовершеннѣйшемъ раскрытіи нашихъ способностей; но этотъ «нашъ вѣкъ» какія же раскрылъ способности? Однѣ самыя грубыя. У насъ тутъ докторъ есть въ городѣ, Алексѣй Ивановичъ Отрожденскій, прекрасный человѣкъ, честный и свѣдущій,—вамъ съ нимъ даже не худо будетъ посоветоваться насчетъ врачебной части въ селеніяхъ,—но ужасно грубой матеріальнѣе. Даже странно: онъ знаетъ, конечно, что въ теченіе семи лѣтъ все матеріальное существо человѣка израсходуется и замѣняется, а не можетъ убѣдить себя въ необходимости признать въ человѣкѣ независимое начало, сохраняющее намъ тождественность нашего сознанія во всю жизнь. Какое отупѣніе смысла! Это даже общино и мнѣ очень непріятно. Я здоровья, видите, не богатырскаго и впечатлительнѣе и отъ всѣхъ такихъ вещей страдаю, а здѣсь особенно много охотниковъ издѣваться надъ вопросами духовнаго міра. Это, по-моему, не что иное какъ невѣжество, распространяемое просвѣщеніемъ, и я оправдываю Льва Николаича Толстого, что онъ назвалъ печать «орудіемъ невѣжества». По крайней мѣрѣ по отношенію къ знаменитому «нашему вѣку» это очень вѣрно. Преданія и внутренній голосъ души ничего подобнаго не распространяють.

«Вотъ, думаю, какая птица ко мнѣ залетѣла!»

— Васъ, говорю,—кажется, занимають философскіе вопросы.

— Да, немножко, сколько необходимо, и сколько могу имъ отдать при моей службѣ; да и согласитесь, какъ ими не интересоваться: здѣсь живемъ минуту, а тамъ вѣчность впереди насъ и вѣчность позади насъ, и что такое мы въ этой экономіи? Неужто ничто? Но тогда зачѣмъ же всѣ хлопоты о правахъ, о справедливости? Зачѣмъ даже эти сегоднешнія хлопоты объ устройствѣ врачебной помощи? Тогда все вздоръ, nihil. Не все ли равно, такъ ли пропадутъ эфемериды, или иначе? Минутой раньше или минутой позже—не все ли это равно? Родительское чувство, или гуманность... Да и они ничтожны!.. Если дѣти наши мошки и жизнь ихъ есть жизнь мошекъ, или еще того менѣе, такъ о чемъ хлопотать? Родилось, умерло и пропало; а если всѣ сразу

умрутъ, и еще лучше—и совсѣмъ не о чемъ будетъ хлопотать. А ужь что касается до иныхъ заботъ,—о правахъ, о справедливости, о возмездіи, объ отмищеніи притѣснителямъ и обо всемъ, о чемъ теперь всѣ говорятъ и пишутъ, такъ это ужь просто сумасшествіе: стремиться къ идеаламъ для того, что само въ себѣ есть nihil... Я не понимаю такого идеализма при сознаніи своей случайности.

«Позвольте, да что же это за становой!»

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Я крайне заинтересовался моимъ гостемъ и говорю ему, что любопытно знать, какого мнѣнія держится онъ объ этомъ самъ?

— Я вамъ на это, говорить, — могу смѣло отвѣчать: я держусь самаго простаго мнѣнія, и какъ мнѣ и очень многимъ кажется, самаго яснаго: въ экономіи природы ничто не исчезаетъ, никакая гадость; за что же должно исчезнуть одно самое лучшее: начало, воодушевившее человѣка и двигавшее его разумъ и волю? Этого не можетъ быть! Разумѣется, утверждаютъ, что все это не матерія, а функции; и однако этого мнѣнія не раздѣляю и стою за самостоятельное начало душевныхъ явленій. Конечно, объ этомъ теперь идутъ и почти всегда шли безконечные споры, но меня это не смущаетъ: во-первыхъ, истинные ученые за насъ... Вонъ ужь и Лудвигъ въ *Lehrbuch der Physiologie* прямо сознаетъ, что въ каждомъ ощущеніи, кромѣ того, что въ немъ можетъ быть объяснено раздраженіемъ нервовъ, есть *что* особенное, отъ нервъ независимое, а душой-то всѣ эти вопросы постигаются ясно и укладываются въ ней безмятежно. Отрожденскій все упираетъ на то, что даже и самому Строителю міра мѣста будто бы нигдѣ нѣтъ; а я ему возражаю, что мы и о мѣстахъ ничего не знаемъ, и указываю на книжку Фламариона *Многочисленность обитателей міровъ*, но онъ не хочетъ ее читать, а только бранится и говоритъ: «Это спиритскія бредни». Но какъ же спиритскія бредни, когда вѣдь онъ самъ этой книги не читалъ и даже не знаетъ, что Фламарионъ профессоръ астрономіи? Вотъ такимъ образомъ съ нимъ совсѣмъ спорить и невозможно.

— Вы метафизикъ?

— Нѣтъ, я въ вопросахъ этого рода рѣдко иду путемъ умозаключеній, хотя и люблю искусную и ловкую игру

этимъ орудіемъ, какъ, напримѣръ, у Лаврентія Стерна, котораго у насъ, впрочемъ, невѣжды считаютъ своимъ братомъ скотомъ, между тѣмъ, какъ онъ въ своемъ «Коралѣ» приводитъ очень усердно и тончайшія фибры Левенхука, и песчинку, покрывающую его двадцать пять орificсовъ, черезъ которыя мы дышимъ, и другое многое множество современныхъ ему открытій въ доказательство, что вещи и явленія, которыхъ мы не можемъ постигать нашимъ разсудкомъ, вовсе не невозможны отъ этого,—но все это въ сторону. Я признаю священныя тайны завѣта и не подвергаю ихъ бесплодной критикѣ. Къ чему, когда инструментъ нашъ плохъ и не беретъ этого? Нѣтъ, постиженіе сверхъестественнаго и духовнаго и метафизическимъ методомъ, по моему, не приноситъ никакого утѣшенія и только сбиваетъ. Развѣ иногда въ шутку съ Отрожденскимъ, когда онъ издѣвается надъ вѣчностью и отвергаетъ все неизлѣдимое на томъ основаніи, что все сущее будто бы уже изслѣдовано въ своихъ явленіяхъ и причинахъ, ну, тогда я, шутя, дозволяю себѣ употребить нѣчто въ родѣ метафизическаго метода такимъ образомъ, что спросишь: Извѣстно ли ученымъ, отчего кошки слѣпыми рождаются? отчего конь коню въ одномъ мѣстѣ другъ друга чешутъ? отчего голубь въ полпочь воркуетъ? «Неизвѣстно!..» Но, говорить, «это вздоръ!» Какъ вздоръ? Вотъ ужъ сейчасъ отсюда прямо и пойдетъ несостоятельность и послышки на то, что еще «откроютъ». Дай Богъ, конечно, открытій, я ихъ жарко желаю,—не по своей, разумѣется, должности,—но все, чтò ученые откроютъ, то все въ нашу пользу, а не въ пользу матеріалистовъ. Вотъ матеріалисты шибѣтъ какъ радовались работамъ надъ мозгами, а чтò вышло? Открыто, что мозгъ свиньи и дельфина очень развитъ, а собака вѣдь умнѣе ихъ, хоть мозгъ ей развитъ и хуже. Вотъ вамъ и доказали!

Становой добродушно засмѣялся.

— Вы, любезнѣйшій, въ духовной академіи воспитывались, или въ университетѣ?

— Нѣтъ, я такъ, кое-въ-какомъ французскомъ пансіонникѣ учился: въ казенное заведеніе, но тогдашнимъ правиламъ, я не могъ попасть, потому что Васильевъ, какъ я называюсь,—это вѣдь не настоящая, то-есть не родовая моя фамилія. Моя покойница матушка была швейцарка.. дѣвица.. очень бѣдная.. въ экономахъ служила у одного

русскаго помѣщика. Отца своего я не зналъ... я... понимаю, только сынъ моей матери, и Васильевымъ называюсь по крестному отцу. Самъ я, однако, русскій, а въ чины произошелъ такимъ образомъ, что въ харьковскомъ университетѣ экзаменъ на уѣзднаго учителя выдержалъ; по ма-тунка пожелала, чтобъ я вышелъ изъ учителей и пошелъ въ чиновники. Находила, что это благороднѣе; можетъ-быть, заблуждалась; ну, это ей такъ было угодно, — я исполнилъ ей волю; а теперь ужъ и она скончалась, а я все служу. Боюсь, чтобъ ей не было неприятно, что я какъ будто ждалъ ее кочины. Да и зачѣмъ мѣнять?

— Но насколько, говорю, — смѣю позволить себѣ судить о васъ по нашему мимолетному знакомству и по вашимъ искреннимъ словамъ, — вамъ, вѣроятно, учительскія занятія были бы гораздо сроднѣе, чѣмъ обязанности полицейской службы?

— Ахъ, полноте: не все ли это равно, на какомъ стулѣ ни посидѣть въ чужой гостиной? Не огляненься, какъ праотцы отсюда домой позовутъ. Нѣтъ, это мнѣ совершенно все равно: на умѣренныхъ мнѣ потребности жалованья мнѣ достаетъ; я даже и роскошь себѣ позволяю — фортепіано имѣю; а служба самая легкая: все только исполняю то, что велѣно, а своею совѣстью, своимъ разумомъ и волей ни на волосъ ничего не дѣлаю... Какъ хотите, эти выгоды чего-нибудь да стѣять; я совершенно безотвѣтственъ! Знаете, *summa jus summa iniuria* — высочайшее право есть высочайшее безправіе. Вотъ если бъ у меня была такая ужасная должность, какъ на примѣръ прокурорская, гдѣ надо людей обвинять, — ну, это, разумѣется, было бы мнѣ нестерпимо, и я бы страдалъ и терзался; но теперь я совершенно доволенъ своимъ положеніемъ и счастливъ.

— Но жаль, замѣчаю, — что вы себѣ, на примѣръ, не усвоили адвокатуры. Вы могли бы принести много добра.

— Ахъ, нѣтъ, пожалуйста, не жалѣйте! Да и какое тамъ возможно добро? Одного выручай, другого томи. Нѣтъ, это тоже не по мнѣ, и я благодарю Бога, что я на своемъ мѣстѣ.

— Да ужъ судьей даже, и то, — настаиваю, — вы были бы болѣе на мѣстѣ.

— Итъ, Боже меня сохрани: что здѣсь за правда на этой планетѣ, и особенно юридическая правда, которая и на панин-то несовершенныя понятія совсѣмъ не правда, а часто одно поношеніе правды! Да иначе и быть не можетъ. Юридическая правда идетъ *подъ чертою* закона несовершеннаго, а правда нравственная выше всякой черты въ мѣрѣ. Я вѣдь, если откровенно говорить, я до сихъ норъ себѣ не рѣшилъ: преступленіе ли породило законъ, или законъ породилъ преступленіе? А когда мысленно дѣлаю себя чѣмъ-нибудь судьей, то я, въ здоровомъ умѣ, думаю, какъ король Лиръ думать въ своемъ помѣшательствѣ: стѣбитъ только вникнуть въ исторію преступленій и видишь: «нѣтъ виноватыхъ». Я знаю, что это противно — не законамъ гражданскимъ, — нѣтъ, я объ этомъ вздорѣ не говорю, но это противно положеніямъ, вытекающимъ изъ понятія о самостоятельности душевныхъ явленій. Вотъ тутъ и начинается мой разладъ и неопредѣленность, потому что я все-таки чувствую, что «нѣтъ виноватыхъ», а это несовѣстимо. Отрожденскій увѣряетъ меня, что я сумасшедшій. Онъ видитъ вопіющую несообразность въ томъ, что я допускаю свободную волю, не оправдываю убійства и мщенія, и клянется, что меня за мои несообразности когда-нибудь въ желтый домъ посадятъ. Но скажите, Бога ради, развѣ меньшая несообразность утверждать, что у человѣка нѣтъ свободной воли, что онъ зависитъ отъ молекулъ и отъ нервныхъ узловъ, и въ то же самое время мститъ ему за то, что онъ думаетъ или поступаетъ такъ, а не этакъ? Вѣдь это верхъ несправедливости! Нѣтъ, я убѣжденъ, что мстить и убивать человѣка не слѣдуетъ ни обыкновеннымъ людямъ, ни правителямъ. Никто не виноватъ — «нѣтъ виноватыхъ»! Если все дѣло въ панихъ молекулахъ и первахъ, то люди ни въ чемъ не виноваты, а если душевныя движенія ихъ независимы, то «правители всегда впору своему народу», какъ сказалъ Монтескьё; потомъ вѣдь... что же такое и сами правители? Что тутъ серьезнаго и съ кѣмъ изъ нихъ стѣбитъ считаться? Все это такое nihil, такое *ничто*... Одинъ крошечку получше, другой крошечку похуже: не все ли это равно тому, кто совсѣмъ ингилисть и кто *не ингилисть*? Это можетъ озабочивать одну мелочь: газетчиковъ, журналистовъ и другой подобный имъ мелкій людъ, но не настоящаго человѣка, постигающаго свое призваніе. Другое дѣло, если

бы могло идти дѣло о чемъ-нибудь такомъ, чѣмъ бы достигалась общая правда...

— А вы надѣетесь, что она достижима?

— Еще бы! Непременно-съ достижима.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

Становой улыбнулся, вздохнулъ и, помолчавъ, тихо проговорилъ въ раздумьи:

— Одна минута малѣйшаго сомнѣнія въ этомъ была бы минута непростительной, малодушной трусости.

— А какъ близка эта минута? Когда вы ожидаете видѣть царство всеобщей правды?

Становой снова улыбнулся, беззаботно и бодро крикнувъ, отвѣчалъ, что годъ тому назадъ ему лучшие врачи въ Петербургѣ сказали, что онъ больше двухъ лѣтъ не проживетъ.

— Ну, допустить, говорить,—что эти ученые люди, при выпѣшней точности ихъ основательной науки, лѣтъ на десять ошиблись, а все-таки мнѣ, значить, недалеко до интереснаго дня.

— То-есть вы интереснымъ днемъ считаете день смерти?

— Да, когда отворится дверь въ другую комнату. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ съ поэтическимъ прозорливствомъ подмѣтилъ это любопытство у Сенски въ его разговорѣ съ Луганомъ въ «Трехъ смертяхъ». Согласитесь, что это самый интереснѣйшій моментъ въ человѣческой жизни. Вотъ я сижу у васъ, и очень весело обо всемъ мы разсуждаемъ, а вѣдь я не знаю, есть ли у васъ кто тамъ за этой запертою дверью, или никого нѣтъ? А между тѣмъ всякій шорохъ отсюда меня... если не тревожитъ, то интересуется: кто тамъ такой? что онъ дѣлаетъ? А сердиться на то, что вы мнѣ этого не сообщаете,—я не смѣю: вы хозяинъ, вы имѣете право сказать мнѣ объ этомъ и имѣете право не сказать. Это такъ; но разъ, что я заподозрилъ, что тамъ кто-то есть, я все-таки долженъ лучше предполагать, что тамъ хорошее общество. Я обязанъ такъ думать изъ уваженія къ хозяину, и вотъ я стараюсь быть достойнымъ этого общества, я усиливаюсь держать себя порядочно, вести разговоръ, не оскорбляющій развитого чувства. Проходитъ нѣкоторое время, и вдругъ вы, по тѣмъ или другимъ соображеніямъ, отворите двери и попросите меня перейти въ то общество и... мнѣ

ничего; мнѣ не стыдно и меня оттуда не выгонять. А держи я себя здѣсь сорванцомъ и негодяемъ, мнѣ туда или отъ стыда нельзя будетъ взойти, или просто меня даже не пустить.

— А если тамъ никого и ничего нѣтъ въ той комнатѣ?

— Что жъ такое? Если и такъ, то развѣ мнѣ хуже отъ того, что я вѣдь себя крошечку получше? И н тогда все-таки не въ потерѣ. Повѣрьте, что самое маленькое усовершенствованіе есть въ сущности очень большое приобрѣтеніе и доставляетъ изыщнѣйшее наслажденіе. И вѣдь отрицаю значеніе такъ-называемыхъ великихъ успѣховъ цивилизаціи: учрежденія, законы—это все только обуздываетъ зло, а добра создать не можетъ ни одинъ гелій; эта планета исправительный домъ, и ея условія неудобны для общаго благоденствія. Человѣкъ тутъ легко обозливается и легко надасть. Вотъ на этотъ-то счетъ и велико ученіе церкви о благодати, которая въ церковномъ единеніи воплощаетъ осудѣвающихъ и регулируетъ вселенскую правду.

— Скажите, говорю,—Бога ради: зачѣмъ же вы, при такомъ занемъ воззрѣніи на все, не ищите мѣста священника?

— Это уже не вы одни мнѣ говорите, но вѣдь все это такъ только кажется, а на самомъ дѣлѣ я, видите, никакъ еще для себя не опредѣляю въ самыхъ важныхъ вопросахъ; у меня все мѣшается, то одно, то другое... Отрожденскій,—тотъ матеріалізмъ, о которомъ я вамъ говорилъ,—потѣшается надъ этими моими затрудненіями опредѣлить себя и предсказываетъ, что я опредѣлю себя въ сумасшедшій домъ; но это опять хорошо такъ, въ шутку, говорить, а на самомъ дѣлѣ опредѣлиться ужасно трудно, а для меня даже кажется будетъ и совсѣмъ невозможно: но чтобы быть честнымъ и послѣдовательнымъ, я ужъ, разумеется, долженъ идти, пока дальше нельзя будетъ.

— Въ чемъ же, говорю,—ваши затрудненія? Можетъ-быть, это что-нибудь такое, чтò, при известныхъ стараніяхъ, при известныхъ усиліяхъ, можно было бы улажено?

— Нѣтъ, благодарю васъ; это дѣло здѣсь, въ Россіи, уже неисправимое: я самъ виноватъ, я былъ небостороженъ или, если вы хотите, довѣрчивъ—и попалъ. Позвольте, я вамъ это разскажу?

— Ахъ, пожалуйста!

— Позвольте, случай прекуръзный.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

— Я былъ очень радъ,—началь становой:—что родился римскимъ католикомъ; въ такой странѣ, какъ Россія, которую принято называть самою вѣротерпимою и по неотразимымъ исбужденіямъ искать соединенія съ независимѣйшею церковью, я уже былъ и лютераниномъ, и реформатомъ, и вообще три раза перешелъ изъ одного христіанскаго исповѣданія въ другое, и все благополучно; но два года тому назадъ я принялъ православіе, и вотъ въ этомъ собственно вся исторія. Мнѣ одно очень нравилось, но особенно въ этомъ случаѣ на меня имѣли очень большое вліяніе неодобренныя сочиненія Иннокентія и запрещенныя богословскія сочиненія Хомякова, написанныя, впрочемъ, въ строго-православномъ духѣ. Это могущественная пропаганда въ пользу православія. Я убѣдился изъ второго тома этихъ сочиненій въ чистотѣ и многихъ превосходствахъ восточнаго православія, а особенно въ его прекрасномъ устроеніи государства въ дѣлѣ вѣры. Пльнясь этимъ, я съ свободнѣйшею совѣстью перешелъ въ православіе; но... оказывается, что этой вѣры я уже переменить не могу.

— Конечно, говорю, — не можете. А вы этого не знали?

— Представьте, этого-то я и не зналъ; а то, разумѣется, я подождать бы.

— То-есть, чего же вы подождали бы?

— Испыталъ бы прежде еще нѣкоторыя другія вѣроисповѣданія, которыя можно переменить, а православіе оставилъ бы на самый послѣдъ.

— Да зачѣмъ же, спрашиваю, — это вамъ нужно мѣнять его? Развѣ вы разочаровались и въ убѣдительности словъ Иннокентія и Хомякова, и въ чистотѣ самаго православія?

— Нѣтъ, не разочаровался нисколько ни въ чемъ, но меня смутило, что православія нельзя переменить. Сознаніе этой несвободности меня лишаетъ спокойствія совѣсти. Самостоятельность моя этимъ подавлена и возмущается. Я подалъ просьбу, чтобъ мнѣ позволили выйти, а если не позволить, то думаю уйти въ Турцію, гдѣ христіанскія исповѣданія не имѣютъ протекціи и оттого въ извѣстномъ отношеніи свободнѣе и ближе къ духу Христова ученія. Жду съ нетерпѣніемъ отвѣта, а теперь прощайте и извините меня, что я отнял у васъ много времени.

Я было просилъ его поужинать и переночевать, но становой отъ этого рѣшительно отказался и сказалъ, что онъ долженъ еще поспѣшить въ сосѣднюю деревню для продажи «крестьянскихъ излишковъ» на взысканіе недоимки.

— Какіе же вы у нихъ находите «излишки»?—спрашиваю его на порогѣ.

— А какіе у нихъ могутъ быть излишки? Никакихъ. Продаемъ и ложку, и ложку, и плешку, овцу, корову, — все, кромѣ лошадей и сохъ.

— И что же, вы производите это, не смущаясь совѣстью и безъ борьбы?

— Ну, какъ вамъ сказать, операція самая несприятная, потому что тутъ и дѣтскій плачь, и женскій вой, и тяжелые мужичьи вздохи... однимъ словомъ, все, что описано у Беранже: «вставай, братъ,—пора, подать въ деревнѣ собираютъ съ утра...» Очень тяжело; но вѣдь во всякомъ случаѣ видѣть эти страданія и скорбѣть о своемъ безсиліи отвратить ихъ все-таки легче, чѣмъ быть ихъ инициаторомъ. Мои обязанности все-таки всѣхъ легче: я машина, да-съ, я не что другое, какъ послѣдняя спица въ колесницѣ: съ меня за это не взыщется, а тѣмъ, кто эти денежки тянетъ, да транжирить безъ толку... Охъ, я скорблю за нихъ; а впрочемъ, все равно: вездѣ непониманіе—«нѣтъ виноватыхъ, нѣтъ виноватыхъ», да, можетъ-быть, нѣтъ и правыхъ.

На сихъ словахъ мы разстались съ этимъ аптикомъ, и онъ уѣхалъ.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Становой Васильевъ довольно долго не шелъ у меня изъ головы, и я даже во снѣ не разъ видалъ его священникомъ въ ризѣ, а въ его фуражечкѣ съ кокардой—отца Маркела, ожидавшаго себя въ помощь генерала Гарибальди изъ Петербурга. Впрочемъ, я и въявь былъ того убѣжденія, что имъ очень удобно было бы помѣняться мѣстами, если бы только не мѣшало становому смущавшее его недозволеніе перемѣнить православную вѣру, которую онъ собственно и не имѣлъ нужды перемѣнять. Но вопросъ объ устройствѣ врачебной части въ селеніяхъ занимать меня еще болѣе и вытѣснилъ на время изъ моей головы и ссоры нашей поповки, и религіозно-философскія сомнѣнія моего приходскаго станового. Я никогда ничѣмъ дѣльнымъ не послу-

жить землѣ своей и потому при этомъ случаѣ, представляемъ мнѣ порадовѣть въ ея пользу, взялся за дѣло съ энергіей, какой даже не предполагалъ въ себѣ.

Я принялся писать. Пока я излагалъ историческое развитіе этого дѣла въ чужихъ краяхъ, все у меня шло какъ по маслу; но какъ только я написалъ: «обращаемся теперь къ Россіи» — все стало въ пень и не движется.

Съ великими натугами скончилъ провалъ я кое-какъ, по официальнымъ источникамъ, то, что разновременно предполагалось и устанавливалось для народнаго здравія; но чувствую, что все это сухо и что въ исполненіи, какъ и въ неисполненіи всѣхъ этихъ предначертаній и указовъ, вездѣ или непроглядная тьма, или злая иронія... Выходитъ, что все это нигуда не годилось, кромѣ какъ на смѣхъ... А что здѣсь гоже? что примчиво? что въ этомъ родѣ можетъ принести добрый плодъ на нашей почвѣ? Просто отчаяніе! Чѣмъ больше думаю, тѣмъ громаднѣе вырастаютъ и гроздятся предо мною самыя ужасныя опасенія насмѣшекъ жизни. Комическая вещь, въ самомъ дѣлѣ, если и въ настоящемъ случаѣ съ народомъ повторится комедія, которую господа врачи разыгрываютъ съ больными нищими, назначая имъ лафигъ къ столу и катанье предъ обѣдомъ въ покойной коляскѣ!.. А съ другой стороны, что же и присовѣтуешь, когда и лафигъ, и коляска нужны? Говорятъ: главное дѣло гигиѣна; но, Бога ради: какаѣ же такая гигиѣна слыхана въ русской избѣ?.. А между тѣмъ до собраній, въ которыя я долженъ явиться, остается уже недалеко и надо будетъ представить дѣло въ обстоятельномъ изложеніи, съ обдуманнѣйшими предположеніями. Что же предполагать и что планировать? Просто до нѣкотораго отчаянія дошелъ я и впалъ въ такую нервическую раздражительность, что на себя управы никакой не находилъ.

Думалъ — думалъ, и видя, что ничего не выдумаю, рѣшилъ себѣ съѣздить въ свой уѣздный городъ и повидаться съ тѣмъ матеріалистомъ-врачомъ Отрожденскимъ, о которомъ мнѣ говорилъ и съ которымъ даже совѣтовалъ повидаться становой Васильевъ. Сказано — сдѣлано: приѣзжаю въ городишко, остановился на постояломъ дворѣ, и чтобъ имѣть предлогъ познакомиться съ докторомъ не совсѣмъ официальнымъ путемъ, посылаю просить его къ себѣ, какъ больной — врача.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Человѣкъ пошелъ и черезъ минуту возвращается.

— Лѣкаръ, говоритъ, не пошли-съ.

— Какъ, спрашиваю, отчего онъ не пошелъ?

— Начали, говоритъ, —разспрашивать: «Умираеть твоя баринъ или нѣтъ?»—Я говорю: нѣтъ, слава Богу, не умираеть.— «И на ногахъ, можетъ-быть, ходить?»— На чемъ же имъ, отвѣчаю, и ходить, какъ не на ногахъ. — Докторъ меня и поругалъ: «Не остри, изволили сказать, потому что отъ этого умѣе не будешь, а отиравайся къ своему барину и скажи, что я къ нему не пойду, потому что у кого ноги здоровы, тотъ самъ можетъ къ лѣкарю придти».

Выслушавъ такой рапортъ моего слуги, я нимало не обидѣлся; что же, думаю, изъ «цовыхъ людей» онъ! Взялъ палку и трость, и пошелъ къ нему самъ.

Застаю, въ несособенно чистой комнатѣ, небольшого довольно полного брюнета, лѣтъ сорока двухъ, скоро нишургающего что-то за ломбернымъ столомъ.

Извинился и спрашиваю: дома ли докторъ Отрожденскій?

— Весь къ вашимъ услугамъ, — отвѣчаетъ, не оборачиваясь, брюнетъ. Присядьте, если угодно; я сейчасъ только отъѣзвъ въ уѣздному начальнику доиншу.

И присѣлъ и смотрю сбоку на моего хозяина: лицо довольно симпатичное, а въ большихъ сѣрыхъ глазахъ видны и умъ, и доброта.

Пока я его разсматривалъ, онъ кончилъ свое писаніе, расчеркнулся, записалъ бумагу въ книгу, запечаталъ въ конвертъ, свистнулъ и, вручивъ вошедшему солдату этотъ пакетъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что мнѣ угодно?

— Прежде всего, говорю, — мнѣ, господашнй докторъ, кажется, что я немножко нездоровъ.

— Ну, будьте увѣрены, что если еще самимъ вамъ только *кажется*, что вы нездоровы, такъ болѣзнь не очень опасная. Что же такое вы чувствуете?

Я пожаловался на первое раздраженіе.

Лѣкаръ посмотрѣлъ на меня, пожалъ меня рукой не за пульсъ, а за плечо и, вздохнувъ, отвѣчаетъ:

— Вы вотъ очень толсты: видите, сколько мяса и жиру себѣ наѣли. Васъ надо бы хорошенько выпотнить.

— Какъ же, говорю,—это выпотнить?

— Вы богаты или нѣтъ?

— У меня, отвѣчаю:—есть обезпеченное состояніе.

— Да? ну, это скверно: не на кордѣ же вамъ въ самомъ дѣлѣ себя гонять, хоть и это бы для васъ очень хорошо. Меньше ѣшьте, меньше спите... Управляющій у васъ есть?

— Есть.

— Отпустите его, а сами разбирайтесь съ мужиками: они вамъ скоро жиру попустятъ. Потомъ, когда обвыкнетесь и будете имѣть уже настоящее тѣло, — полное, вотъ какъ я, но безъ жира, тогда и избавитесь отъ всякой первической чепухи.

— Но вѣдь согласитесь, говорю: — эта первическая чепуха очень неприятна.

— Ну, съ какой стороны смотрѣть на это: кому не на что жаловаться, такъ гадкіе нервы имѣть даже очень хорошо. Больше я вамъ ничего сказать не могу,—заклучилъ докторъ, и самъ приподнимается съ мѣста, выпроваживая меня такимъ образомъ вонъ.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ.

«Нѣтъ, позволь, думаю себѣ, братъ, ты меня такъ скоро не выживешь».

— Я, говорю,—кромѣ того, имѣю надобность поговорить съ вами уже не о моемъ здоровьѣ, а о народномъ. Я имѣю порученіе представить будущему собранію земства нѣкоторыя соображенія насчетъ устройства врачебной части въ селеніяхъ.

— Такъ зачѣмъ же, говоритъ, — вы мнѣ давеча не дали знать объ этомъ съ вашимъ лакеемъ? Я бы по первому его слову пришелъ къ вамъ.

Я нѣсколько позабышкалъ отвѣтомъ и пробурчалъ, что не хотѣлъ его беспокоить.

— Напрасно, отвѣчаетъ. — Вѣдь все же равно, вы меня звали, только не за тѣмъ, за чѣмъ слѣдовало; а по службѣ звать никакой обиды для меня нѣтъ. Назвался груздемъ—пользай въ кузовъ; да я и самъ бы радъ скорѣе съ плечъ свалить эту пустую консультацію. Не знаю, что вамъ угодно отъ меня узнать, но знаю, что рѣшительно ничего не знаю

о томъ, что можно сдѣлать для учрежденія врачебной части въ селеніяхъ.

— Представьте, что и я, говорю,—тоже не знаю.

— Ну, вотъ и прекрасно! значить, у насъ обоихъ на первыхъ же порахъ достигается самое полное соглашеніе: вы такъ и донесите, что мы оба, посовѣтовавшись, рѣшили, что мы оба ничего не знаемъ.

— Но это будетъ шутка.

— Нѣтъ, напротивъ, самая серьезная вещь. Шутить будутъ тѣ, кто начнетъ рассказывать, что они что-нибудь знаютъ и могутъ что-нибудь сдѣлать.

— Не можете ли, по крайней мѣрѣ, сообщить ваши взгляды о томъ, что надо преобразовать?

— Это могу: надо преобразовать европейское общество и экономическое распоряженіе его средствами. У меня для этого примѣнительно къ Россіи даже составлена кое-какая смѣта, которою я,—исходи изъ того, что исправное хозяйство одного крестьянскаго дома стѣитъ среднимъ числомъ сто пятьдесятъ рублей, — доказываю, что путемъ благоразумныхъ сбереженій въ одномъ Петербургѣ можно въ три года во всей Россіи уменьшить на двадцать пять процентовъ число заболѣваній и на пятьдесятъ процентовъ цифру смертности.

— Это, отвѣчаю,—очень интересно, но вѣдь отъ насъ не этихъ соображеній требуютъ. Отъ насъ ждуть соображеній: что можно сдѣлать для народнаго здоровья въ тѣхъ средствахъ, въ какихъ находитесь нынче жизнь народа.

— Да, отъ насъ требуютъ соображеній: какъ бы соорудить народу спанчу изъ тришкина кафтана? Портные, я слышалъ, по поводу такой шутки говорятъ: «что если это выправить, да переправить, да аршинъ шесть прибавить, то выйдетъ и спанча на плеча».

— Согласенъ, отвѣчаю,—съ вами и въ этомъ; но вѣдь надо же съ чего-нибудь начать, чтобы найти выходъ изъ этого положенія. Я вотъ разсмотрѣлъ нѣсколько статистическихъ отчетовъ о заболѣвающихъ и о смертности по группамъ болѣзней, и...

— И напрасно все вы это сдѣлали,—перебилъ меня докторъ.— Эти отчеты способны только путать, а не уяснить дѣло. Наша литература въ этомъ отличается. Вонъ я недавно читалъ въ одной газетѣ, будто *все* болѣзни войска

разносятся. Очень умно! И лихорадка, и насморкъ—это все отъ войскъ! Глуно, но есть выводъ и направленіе, и дѣло въ шляпѣ. Такъ и все смертныя случаи у насъ иринисываются той или другой причинѣ для того, чтобъ отписаться, а народъ вретъ положительно только отъ трехъ причинъ: отъ холода, отъ голода и отъ глупости. Отъ этихъ хворобъ его и надо лѣчить. Какія же отъ этого лѣкарства и въ какомъ порядкѣ ихъ надо давать? Это то же, что известная задача: какъ въ одной лодкѣ перевезти чрезъ рѣку волка, козу и канусту, чтобъ волкъ козы не съѣлъ, а коза — канусты, и чтобы все цѣлы были. Если вы устремитесь прежде всего на уничтоженіе вредно дѣйствующихъ причинъ отъ холода и голода, тогда надо будетъ лѣчить не народъ, а нѣкоторыхъ другихъ особъ, изъ которыхъ каждой надо будетъ или вынустить крови отъ одной пятой до шестой части вѣса всего тѣла, или же подвѣсить ихъ каждые минуту на пятнадцать на веревку. Потому бы можно, пожалуй, и снять, а можно и не снимать... Но это ни къ чему путному не поведетъ. потому что въ народѣ останется одна глупость, и онъ, избавившись отъ голода, обожрется и сдуру устроится еще хуже нынѣшняго. Стадобыть, надо начинать съ азовъ — съ лѣченія *отъ глупости*. И постоянно имѣю съ этимъ дѣло, и давно предоставилъ моему фельдшеру свободное право — по его собственной фантази опредѣлять причины смерти вскрываемыхъ труповъ, и знаю, что онъ все вретъ. Дѣло гораздо проще. Зимой мужикидохнуть преимущественно отъ холода, отъ дрянной одежды и дрянного помѣщенія, по веснамъ — съ голоду, потому что при началѣ полевыхъ работъ ашегитъ у нихъ разгорается огромный, а удовлетворять его нечѣмъ; а затѣмъ остальное время—отъ пьянства, драки и вообще всякихъ глупостей, происходящихъ у глупаго человѣка отъ сытости.

— Вы сытость, говорю,— тоже полагаете въ числѣ вредностей?

— А непременно: дурака до-сыта кормить нужно съ предосторожностями. Смотрите: волъ овеяная лонгадь... ставьте ее къ овсу смѣлю: она ѣсть, и ей ничего, а принустите-ка мужичью клячу: она либо облонается и падеть, либо пойдетъ лягаться во чтѣ попало, пока сама себя все ноги поотколотитъ. Волъ у насъ теперь на линіи, гдѣ чу-

гунку строить, какой морь пощель! Всякій день мотя туда возять; человекъ по четыре, по пяти вскрываю: неукротимо мрутъ отъ хорошей нищи.

— Отъ хорошей?!—спрашиваю съ удивленіемъ.

— Да, отъ хорошей-съ, а не отъ худой. Это чиновникамъ хочется доказать, что отъ худой, чтобы подрядчика прижать, а я знаю, что непомѣрная смертность идетъ отъ хорошаго свойства нищи, и мужики сами это знаютъ. Какъ только еще началась эта исторія, человекъ съ двадцать сразу умерло: я спрашиваю: «отчего вы, ребята,дохнете?»— «А все съ чистаго хлѣба, говорятъ,дохнемъ, вание высоко-благородіе, — какъ мы зимой этого чистаго хлѣбушка дома не чавкали, а все съ мякиной, такъ вотъ танерича на чистой хлѣбъ насть посадили и помираемъ». Обдержатся—ничего, а какъ новая партія придетъ—опятьдохнуть. Съ мѣсяць тому назадъ сразу шесть человекъ вытянулись: два брата какъ другъ противъ друга сидѣли, ѣвши кашу, такъ оба и покатились. Вскрывать ихъ фельдиеръ: въ желудкѣ каша, въ нищеводѣ каша, въ плоткѣ каша и во рту каша; а остальные, которые переносятъ, жаждуютъ: «Мы, бають, твоя милость, съ сытости стали на ноги падать, работать не можемъ».

— Ну, и чѣмъ же вы имъ помогли? Любопытно знать.

— Велѣтъ ихъ въ ночь-обѣда отгонять отъ котла палками. Подрядчикъ этого не смѣлъ; но они сами изъ себя трехъ разгонщиковъ выбрали, и смертность уменьчилась, а теперь въѣлись, и ничего: фунтъ меду мѣ въ благодарность принесли.

Представьте себѣ мое положеніе съ такимъ консультантомъ!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

— Но вѣдь это, говорю,—все, что вы изволили рассказать, случаи экстренные, а вѣдь мы должны имѣть въ виду другое, когда крестьянинъ умираетъ своею смертью безъ медицинской помощи.

— Да зачѣмъ же ему нужно умирать съ медицинской помощью?—вопросилъ лѣкарь.—Развѣ ему отъ этого легче будетъ и дешевле? Пустяки-съ все это! Поколику я медикъ и могу оказать человекъ услугу, чтобы онъ при моемъ содѣйствіи умеръ съ медицинской помощью, то ручаюсь

вамъ, что отъ этого мужику будетъ нимаю не легче, а только гораздо хлопотнѣе и убыточнѣе.

Удивился я, и прошу его объяснить мнѣ: отчего же это будетъ убыточнѣе, если съ мужика ни за рецентъ, ни за лѣкарство ничего не возьмутъ?

— А оттого, отвѣчаетъ, — что мужикъ не вы, онъ не пойдетъ къ лѣкарю, пока ему только *кажется*, что онъ нездоровъ. Это дѣлають жида, да дворяне, эти охотники пачкаться, а мужикъ человекъ степенный и солидный, онъ разказами это про свои болѣзни докучать не любитъ и отъ лѣкаря прячется, и со смокомъ дожидается, пока смерть придетъ, а тогда ужъ любить, чтобъ ему не мѣшали умирать и даже готовъ за это деньги платить.

«Ну,—думаю себѣ,—это ты, любезный другъ, врешь; я вовсе не такъ глупъ, чтобы тебѣ повѣрить», и говорю ему:

— Извините меня, но я никогда еще не слыхалъ, чтобы какой-нибудь человекъ платилъ врачу деньги за то, чтобъ ему поскорѣе умереть.

— Мало ли, отвѣчаетъ,—чего вы не слыхали. Я много разъ это видѣлъ въ военныхъ больницахъ, особенно въ Петербургѣ: казаки изъ старовѣровъ, ахъ, какъ спокойно это совершаютъ! Съ большою-съ, съ большою серьезностью... скорѣе семь разъ умереть, чѣмъ позволить себѣ клистиръ сдѣлать, да-съ. Да вотъ даже нынѣшнимъ еще лѣтомъ со мной былъ такой случай, уже не въ больницѣ. Тутъ помѣщица есть, очень важная барыня. — отсюда верстахъ въ десяти, — тоже вотъ, въ родѣ васъ, совсѣмъ ожирѣла. Рассердилась она какъ-то на дочь и расходилась у ней, какъ у васъ, самордаки; дочь ея пишетъ мнѣ, что «маменька умираетъ совсѣмъ». Думаю: чортъ знаетъ, пожалуй, чего добраго, и дѣйствительно умереть, и за нее, какъ за что путное, подъ судъ попадешь, что не подалъ помощи. Отправился къ ней на таратайкѣ. Приѣзжаю, просятъ подождать. Иду и наблюдаю изъ залы, какъ мальчишка-лакейчонокъ въ передней читаетъ старому лакею газету «Вѣсть», и оба ея очень довольны. Старый лакей внушаетъ молодому лакею: «вотъ, говоритъ, какъ должно писать настоящаго господина», и самъ сѣдой оселъ отъ радости заплакать готовъ. Великій народъ российский!.. Прошелъ часъ; выходитъ ко мнѣ прекрасная барышня, дочка, и съ заплаканными глазами говоритъ, что маменькѣ ея, изволите видѣть, полегче (вѣрно,

помирились), и что теперь онѣ позволили заснуть и не велѣли себя будить, а васъ, говоритъ, приказали просить въ контору, тамъ вамъ завтракъ подадутъ, и съ этимъ словомъ подастъ мнѣ рубль серебромъ въ розовомъ пакетикѣ. И завтрака ѣсть не кошель, спросилъ себѣ стаканъ воды и положилъ на тарелку рубль его барыни, а барыниѣ сказалъ: «Сдѣлайте одолженіе, сударыня, скажите отъ меня вашей маменькѣ, что выдалъ я на своемъ вѣку разныхъ свиней, но ужъ такой полновѣсной свиный, какъ ваша родительница, до сей поры не выдывалъ».

И въ тарагайку ихъ я не сѣлъ, а ушелъ отъ нихъ нѣшкомъ. Жара страшная, десять верстъ ходьбы все-таки изрядно: пыль столбомъ стоитъ, солнце печетъ. На половинѣ дороги есть деревушка. Иду по улицѣ — даже собаки не тивкаютъ, — отъ жары кто куда, подъ застрѣхи, да въ подюлья попрятались. Смотрю, — у одной хатенки на порогѣ двое ребятишекъ сидятъ и синее молоко одной ложкой хлебуютъ и дѣлятся этою ложкою какъ самые заправскіе социаллисты. Одинъ разъ одинъ хлеблетъ, другому передаетъ, а тотъ хлебнетъ, этому передастъ. Удивительно! Досужій человекъ на это цѣлое разсужденіе о русскомъ народѣ можетъ написать. И вдругъ это молоко меня соблазнило. Зайду, думаю, въ избу, нельзя ли хоть уста промочить. Вошелъ; во-первыхъ, муха! самая неумѣримая муха! Такъ жужжитъ, даже стоишь стоишь. Во-вторыхъ, жара нестерпимая и никого въ избѣ нѣтъ, только откуда-то тянется мучительное тяжкое оханье. Я вышелъ на дворъ, вижу бабенка навозъ вилами сушить.

— Есть, говорю, — у тебя молоко?

Думала-думала и отвѣчаетъ, что молоко есть.

— Дай же, говорю, — мнѣ молока; я тебѣ гривенникъ дамъ?

— А на что, говоритъ, — мнѣ твой гривенникъ? Гривенникъ-то у насъ еще, слава Богу, и свой есть.

Однако, согласилась, дала молока.

Сѣлъ я въ сѣняхъ на скамеечку, пью это молоко, а въ избѣ такъ и разливается мучительнѣйшій стоишь.

— Это, говорю, — кто у васъ такъ мучится?

— Старичокъ, говоритъ, — свекоръ больной помираетъ.

Я выпилъ молоко и подхожу къ старику. Гляжу, старичице настоящій Сатурнъ; человекъ здоровья несмѣтнаго, —

мускулы просто воловьи, лежить, глаза выпучилъ и страшно, страшно стоить.

— Что, говорю,—съ тобою дѣдъ?

— А?

— Что, моль,—съ тобою?

— Отойди прочь, ничего,—и опять застонать.

— Да что, моль, такое съ тобою? Чѣмъ ты боленъ?

— Отойди прочь, ничего.

И ощупать у него пузо: вижу, ужасъ что газовать смерто. И скорѣе сболталъ стаканъ слабительной импровизаціи, подношу и говорю:

— Пей скорѣе, старикъ, и здоровъ будешь, еще сто лѣтъ проживешь.

— Отойди прочь, говоритъ,—не мѣшай: я умираю.

— Пей, говорю,—скорѣе!—выпей только и сейчасъ выздоровѣешь. Гдѣ же тамъ, и слушать не хочетъ; «умираю» да и кончено.

«Ну, думаю себѣ, не хочешь, братъ, слабительнаго, такъ и тебя инымъ путемъ облегчу», а меня, чувствую, въ это время кто-то за колбикку потихоньку теребитъ, точно какъ теленокъ губами забираетъ. Оглянулся, вижу стоить возлѣ меня большой мужикъ. Голова съ просѣдью, лѣтъ около пятидесяти. Увидаль, что я его замѣтилъ, и дѣлаетъ шагъ назадъ, и ехидно манить меня за собою пальцемъ.

— Что, говорю,—тебѣ нужно?

— Батюшка, ваше благородіе, шепчетъ, — пожалуйста!.. примите! — и съ этимъ словомъ суетъ мнѣ что-то въ руку.

— Это, спрашиваю, — что такое?

— Полтина серебра, извольте принять!.. полтину серебра.

— За что же ты, дуракъ, даешь мнѣ эту полтину серебра?

— Не мѣшайте, батюшка, Божьему старику помирать.

— Ты кто ему доводишься?

— Сынъ, говоритъ,—батюшка, родной сынъ; это батька мой родной; помилосердуйте, не мѣшайте ему помирать.

А тутъ, гляжу, изъ сѣней лѣзетъ бабенка, такая старушенція, совсѣмъ кликомора, вся съ сверчка, плачетъ и шаминить:

— Батюшка, не мѣшай ты ему, моему голубчику, помирать-то! Мы за тебя Бога помолимъ.

«Что же, думаю, за что мнѣ добрымъ людямъ перечит! Тотъ самъ хочетъ помирать, родные тоже хотятъ, чтобы онъ умеръ, а мнѣ это не стѣдить ни одного гроша»: вышлесс-пусть слабительное.

— Помирайте, говорю, — себя съ Богомъ хоть всё.

Они это отъишно почувствовали и даже за самую околицу меня провожали съ благодарностью.

Сирашиваю дорогою:

— Что же, наследства, что ли, моль, ждете отъ старика-то?

— Нѣтъ, говорятъ, — батюшка, какое наследство: мы бѣдные, да ужъ онъ совсѣмъ въ путь-то собрался... и причастился, теперь ему ужъ больно охота помереть.

Только-что за околицу я вышелъ, гляжу, мальчишка бѣжитъ.

— Тятя, кричитъ, — дѣдушка протянулся.

И всё заголосил:

— Одинъ ты, моль, — у насъ только и былъ!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

— А все же, говорю, — этотъ случай нимало не приводитъ насъ ни къ какому заключенію о томъ, какъ избавить народъ отъ его болѣзней и безвременной смерти.

— Я вамъ все мнѣше сказалъ, — отвѣчалъ лѣкарь. — Я себя давно рѣшилъ, что всё хлопоты объ устройствѣ врачебной части въ селеніяхъ ни къ чему не поведутъ, кромѣ обремененія крестьянъ, и давно пересталъ объ этомъ думать, а думаю о лѣченіи народа отъ глузости, объ устройствѣ хорошей, настоящей школы, сообразной вкусамъ народа и настоящей потребности, то-есть, чтобы всё эти гуманныя принципы педагогичи прочь, а завести школы, соответственныя правамъ народа, сарганскія, съ бойломъ.

— Вы хотите бить?

— А непременно-съ; это и народу поправится, да и характеры будутъ воспитываться сильнѣе, реальнѣе и злѣе. Такъ мы вѣрнѣе къ чему-нибудь досидимъ, чѣмъ съ этими небитыми фалалаями, которые теперь изо всѣхъ новыхъ школъ выходятъ. И, при первыхъ деньгахъ, открою первый «образцовый пансіонъ», гдѣ не будетъ никакой поблажки. И это уже зрѣло обдумалъ и даже, если не воспретитъ мнѣ правительство, едѣлаю выѣску: «Новое воспитательное за-

веденіе съ бойломъ»; а, по желанію родителей, даже будутъ жестоко бить, и вы увидите, что я, наконецъ, создамъ тнѣ *новыхъ людей*, — тнѣ, желая достигъ котораго, наши учебныя и литературныя слѣшши отъ него только удаляются. Доказательство налицо: теперь все, что моложе сорока лѣтъ, уже все скверно, все размягчено и распарено теплымъ слоємъ гуманнаго обращенія. Такимъ людншкамъ нужны выгоды буржуазной жизни, и они на своихъ ребрахъ кола не переломятъ; а безъ этого ничего не будетъ.

— Ну, а объ устройствѣ врачебной-то части... мы такъ ни къ чему и не приблизились.

— Да и не къ чему приближаться; я вамъ сказалъ и, кажется, доказалъ, что это вовсе не нужно.

— Простите, говорю, — пожалуйста; но тогда позволительно спросить васъ: зачѣмъ же, по-вашему, сами врачи?

— А для нѣсколькихъ потребностей: для собственнаго пропитанія, для административнаго декорума, для уничтоженія стыда у женщинъ, для истощенія кармановъ у богачей и для вскрытія умирающихъ отъ холода, голода и глупости.

Нѣтъ, вижу, что съ этого барина, видно, ужъ взятки гладки, да онъ вдобавокъ и говорить со мною больше не хочетъ: всталъ и стоитъ, какъ воткнутый гвоздь, а приставать къ нему не безопасно: или въ дверь толкнетъ, или, по меньшей мѣрѣ, какъ-нибудь некрасиво обзоветъ.

— Не посоветуете ли, спрашиваю, — по крайности, къ кому бы мнѣ обратиться: не занимаетъ ли этотъ вопросъ кого-нибудь другого, не имѣетъ ли съ нимъ еще кто-нибудь знакомства, отъ кого бы можно было получить другія соображенія.

— Толкнитесь, отвѣчаетъ, — къ смотрителю уѣзднаго училища: онъ здѣсь дѣвкамъ съ лица веслушки сводить и зубы заговариваетъ, также и отъ лихорадки какія-то записки даетъ; и къ протопону можете зайти, онъ по лѣчебнику Каменецкаго лѣчитъ. У него, въ самомъ дѣлѣ, врачебной практики даже больше, чѣмъ у меня: я только мертвыхъ рѣжу, да и то не поспѣваю; вотъ и теперь сейчасъ надо ѣхать.

— Извините, говорю, — еще одинъ вопросъ: а акушерка здѣшняя знаетъ деревенскій бытъ?

— Нѣтъ, къ ней не ходите: се въ деревни не берутъ;

она только офицерамъ, которые стоятъ съ полкомъ, деньги подъ залогъ дастъ, да скворцовъ учить говорить и продасть ихъ кушамъ. Вотъ становой у насъ былъ Васильевъ, тотъ, можетъ-быть, и могъ бы вамъ что-нибудь сказать, онъ въ душевныхъ болѣзняхъ подавалъ утѣшеніе, умѣлъ уговаривать терпѣть, — но и его, на ваше несчастіе, вчерашній день взяли и увезли въ губернской городъ.

— Какъ, говорю, — Васильева-то увезли! За что же это? Я его знаю, — казалось, такой прекрасный человекъ.

— Ну, прекрасный не прекрасный, а былъ человекъ очень пригодный досужнымъ людямъ для развлеченія, а взяли его по доносу благочиннаго, что онъ будто бы хотѣлъ бѣжать въ Турцію и перебраться тамъ вѣру. Я ему предлагалъ принять его въ самую толерантную вѣру, — въ безвѣріе, но онъ не соглашался, боялся, что будетъ чувствовать себя несвободнымъ отъ необходимости объяснять свои движенія причинами, зависящими отъ молекулъ и нервныхъ центровъ, ну, вотъ и зависить теперь отъ зрителя тюремнаго замка. Впрочемъ, время идетъ и тругъ, ожидающій моего визита, каждую минуту все больше и больше воцѣлеть; надо пожалѣть людей и скорѣе его порѣзать.

Говорить было болѣе некогда, и мы разстались; но когда я былъ уже на улицѣ, лѣкаръ высунулся въ фуражкѣ изъ окна и крикнулъ мнѣ:

— Послушайте! повидайтесь-ко вы съ посредникомъ Готовцевымъ.

— А что такое?

— Да онъ вѣдь у насъ администраторъ отъ самыхъ младыхъ ногтей и первый въ своемъ участкѣ школы завелъ, — его вѣдь въ примѣръ ставятъ. Не откроетъ ли онъ вамъ при своихъ дарованіяхъ секрета, какъ устроить, чтобы народъ не умиралъ безъ медицинской помощи?

Я поблагодарилъ, раскланялся и скрылся.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Ни къ акушеркѣ, ни къ смотрителю училища, разумѣется, я не пошелъ, а отправился повидаться съ посредникомъ Готовцевымъ.

Прихожу, велѣлъ о себѣ доложить и ожидаю въ залѣ. Выходитъ хозяинъ, молодой человекъ, высокій, румяный,

пухлый, съ кадычкомъ и очень тяжелымъ взглядомъ сверху внизъ.

Отрекомендовались другъ другу, присѣли, и я изложилъ озабочивающее меня дѣло и попросилъ услуги со-бѣтомъ.

— По-моему, дѣло это очень не трудно уладить; по-здѣсь, какъ и во всякомъ дѣлѣ, нужна рѣшительность, а ее у насъ, знаете... ее-то у насъ и нѣтъ нигдѣ, гдѣ она нужна. У насъ теперь не дѣло дѣлается, а разыгрывается въ лицахъ басня о лебедѣ, ракѣ и щулкѣ, которые взялись везти возъ. Суды тянутъ въ одну сторону, администрація— въ другую, земство — потянетъ въ третью. Планы и предначертанія сыплются какъ изъ рога изобилія, а осуществлять ихъ невѣдомо какъ: «всякій бестія на своемъ мѣстѣ» и всякъ стоитъ за свою шкуру. Безъ одной руководящей, и притомъ смѣло руководящей воли въ нашемъ хаосѣ нельзя, и воля эта должна быть авторизована, отвѣтъ ея долженъ быть отвѣтъ Пилата жидамъ: «еже писахъ—писахъ»; тогда и возможно все: и всяческое благоустройство, и единодѣйствіе... и все. А у насъ... Вы не приглядывались къ ходу дѣлъ въ губерніи?

Отвѣчаю, что еще не приглядывался.

— Напрасно; вы очень много потеряли.

Я отвѣчалъ, что не лишаю себя надежды возвратить эту потерю, потому что скоро поѣду въ губернский городъ на засѣданія земства, а можетъ-быть и раньше, чтобы тамъ поискать у кого-нибудь совѣта и содѣйствія въ моихъ затрудненіяхъ.

— И прекрасно сдѣлаете: тамъ есть у насъ старикъ Фортунатовъ, нашъ русскій человѣкъ и очень силенъ при губернаторѣ.

Я замѣтилъ, что я этого Фортунатова знаю по гимназій и по университету.

— Ну, вотъ, отвѣчаегь, — лучше этого вамъ и не надо: онъ всемогущъ, потому что губернаторъ безпрестанно все путаегь, и такъ путаегь, что только одинъ Василій Ивановичъ Фортунатовъ можетъ что-нибудь разобрать въ томъ, что онъ напуталъ. Фортунатовъ — это такой ниенскъ въ здѣшнемъ механизмѣ, что выньте его — и вся машина станетъ, или чортъ знаетъ что заворочаетъ. Вы съ нимъ можете говорить прямо и откровенно: онъ человѣкъ русскій

и прямой, немножко, конечно, съ лукавинкой, но ужь это наша національная черта, а зато онь одинъ всёхъ рѣшительнѣе. Вы не были здѣсь, когда поднялась исторія изъ-за школы? Это было ужасное дѣло: вынь да положь, чтобы въ селахъ были школы открыты, а мужики, что имъ ни говори, только затылки чешуть. Фортунаатовъ видитъ разъ всёхъ насъ, посредниковъ, за обѣдомъ: «братцы, говорить, ради самого Господа Бога выручайте: страсть какъ изъ Петербурга за эти проклятыя школы насъ нажимаютъ!» Поговорили, а мужики школу все-таки не строятъ; тогда Фортунаатовъ встрѣчаетъ разъ меня одного: «Ильюша, братецъ, говорить (онъ большой простякъ и всёхъ почти ты говорить), да развернись хоть ты одинъ! будь хоть ты одинъ порѣшительнѣй; заставь ты этихъ шельмъ, нашихъ мужичонковъ, школы поскорѣе постронть». Дѣло, какъ видите, трудное, потому что, съ одной стороны, мужикъ не понимаетъ пользы ученія, а съ другой — нельзя его приневоливать строить школы, не велѣно приневоливать. Но тѣмъ не менѣе есть же свои администраторскіе приемы, едѣ я могу, не выходя изъ... изъ... изъ круга приличій, заставить... или... какъ это сказать... склонить... Извольте, говорю, Василій Ивановичъ, если дѣло идетъ о рѣшительности, я беру съ за это дѣло и школы вамъ будутъ, но только уже смотрите, Василій Ивановичъ! — «Что, спрашивать, такое?» — А чтобы мои руки были развязаны, чтобы я былъ свободенъ, чтобы мнѣ никто не препятствовалъ дѣйствовать самостоятельно! Имъ было круто, онь и согласился, говорить: «Господи! да Богъ тебѣ въ помощь, Ильюша, что хочешь съ ними дѣлай, только дѣйствуй!» Я человекъ аккуратный, впередъ обо всемъ условился: смотрите же, говорю, чурь-чюра: я вѣдь разойдусь, могу и противъ земства ударить, такъ вы и тамъ меня не предайте. — «Ну, что ты, Богъ съ тобой, сами себя, что ли, мы станемъ предавать?» — Ну, когда такъ — я и поставилъ дѣло такъ, что всё только рты разинули. Въ одинъ годъ весь участокъ школами обзавелъ. Приѣзжайте въ какую хотите деревушку въ моемъ участкѣ и спросите: «есть школа?» ужь, конечно, не скажутъ, что нѣтъ.

— Какъ же, говорю, — вы всего этого достигли? Какимъ волшебствомъ?

— Вотъ вамъ и волшебство! — самодовольно воскликнулъ

посредникъ и, выступивъ на середину комнаты, продолжалъ:—Никакого волшебства не было и тѣни, а просто-напросто административная рѣшительность. Вы знаете, я что сдѣлалъ? Я, я, честный и неподкупный человекъ, который горло вывереть тому, кто занкнется про мою честь: я школами взятки бралъ!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

— Какъ же это такъ школами взятки брать?—воскликнулъ я, глядя во все глаза.

— Да-съ; я очень просто это дѣлалъ; жалуется общество на помещика или сосѣдей. «Хорошо, говорю, прежде, школу постройте!» Въ ногахъ валяются, плачуть... Ничего: сказалъ: «школу постройте и тогда приходите!» такъ на своемъ стою. Повертятся, повертятся мужичонки и выстроятъ, и вотъ вамъ лучшее доказательство: у меня уже весь, *буквально все* участокъ обстроено школами. Конечно, въ этихъ школахъ нѣтъ почти еще книгъ и учителей, но я ужъ начинаю второй кругъ и ужъ дѣло пошло и на учителей. Это, спросите, какъ?

Я молчу.

— А опять, продолжаетъ, — все тѣмъ же самымъ порядкомъ: нѣнешь надобность ко мнѣ, найми въ школу учителя. Отговорокъ никакихъ: найми учителя, и тогда твое дѣло сдѣлается. Мнѣ самому ничего не нужно, но для службы я чортъ... и такимъ только образомъ и можно что-нибудь благоустроить. А безъ рѣшительности ни къ чему не придете. Захотѣлось теперь устройства врачебной части; пусть начальство выскажется, что ему этого хочется: это ему принадлежитъ; но не мѣшай оно энергическимъ исполнителямъ, какъ это дѣлать. Осмишь ли вы служите, или земству, или администраціи—это должно быть все равно: каммертонъ данъ—пой, сигналъ пущень—пали. Если бы начальство стояло стойко и рѣшительно, я... я вамъ головой отвѣчаю, что я не только врачебную часть, а я чортъ знаетъ что заведу вамъ въ Россіи съ нашимъ народомъ! Нашъ народъ, слава Богу, глупъ, съ нимъ еще, слава Богу, жить можно... «Строй, собачій сынъ, больницу!» закричалъ посредникъ на меня неистово, поднявъ руки надъ моею головою. «Нанимай лѣкаря, или... я тебя... чортъ тебя!...» и Готовцевъ началъ такъ штырять меня кулаками

подъ ребра, что я, въ качествѣ модели народа, все подавался назадъ и назадъ и наконецъ стукнулся затылкомъ объ стѣну и остановился. Дальше отступать было некуда.

— А-а! — закричалъ въ эту секунду Готовцевъ: — такъ вотъ я тебя, канальскій народъ, наконецъ, приперъ къ стѣнѣ... теперь тебѣ ужъ некуда назадъ податься, и ты строишь что мнѣ нужно... и за это я тебя цѣлую... да-съ, цѣлую самъ своими собственными устами.

Съ этимъ онъ взялъ меня обѣими руками за ладканы, поцѣловалъ меня холоднымъ поцѣлуемъ въ лобъ и проговорилъ: «вотъ какъ я тебя благодарю за твое послушаніе! А если ты огрызаешься и возбуждаешь вѣдомство противъ вѣдомства (онъ началъ меня раскачивать за тѣ же самые ладканы). если ты съешь интриги и, не понимая начальственныхъ заботъ о тебѣ, начинаешь собираться мнѣ возражать... то... я на тебя плюю!.. то я иду напроломъ... и самъ дѣлаюсь администраторомъ, и (тутъ онъ закачалъ меня во всю мочь, такъ что даже затрещали ладканы) если ты придешь ко мнѣ за чѣмъ-нибудь, такъ я... схвачу тебя за шиворотъ... и выброшу вонъ... да еще въ сѣняхъ приподдамъ колѣномъ».

И представьте себѣ: онъ, дѣйствительно, только не плюнулъ на меня, а то продѣлалъ со мною все, что говорилъ: то-есть, схватилъ меня за шиворотъ, выбросилъ вонъ и приподдалъ въ сѣняхъ колѣномъ.

Я повялъ изъ этого затруднительность сельскихъ общинъ въ совершенствѣ и, удирая скорѣй домой въ деревню, всю дорогу не могъ придти въ себя.

— Нѣтъ, — рѣшилъ я себѣ, — нѣтъ, господа уѣздная интеллигенція: простите вы меня, а я къ вамъ больше не ѣздохъ. Съ вами, чего добраго, совсѣмъ расшибешься.

Но какъ дѣло-то, однако, не терпѣтъ и, взявшись представить записку, ее все-таки надо представить, то думаю: дѣйствительно, махну-ка я въ губернскій городъ, — тамъ и архивы, и все-таки тамъ больше людей съ образованіемъ; тамъ я и посовѣтуюсь и допишу записку, а между тѣмъ подойдетъ время къ открытію собраній.

Сборы не велики: ѣду въ губернскій городъ и, признаюсь вамъ, ѣду не съ покойнымъ духомъ.

Что-то, молъ, опять мнѣ идетъ здѣсь на Руси все хуже и хуже: чѣмъ-то теперь здѣсь одарить Господь!

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Прежде всего не узнаю того самого города, который былъ мнѣ столь памятенъ по моимъ въ немъ страданіямъ. Архитектурное обозрѣніе и костякостная мостовая тѣ же, что и были. но смущаетъ меня нестерпимо какой-то необъяснимый цвѣтъ всего сущаго. То, бывало, всѣ дома были бѣлые да желтые, а у купцовъ водились съ этими голубыми и желтыми отворотцами. словно лацканы на уланскомъ мундирѣ, — была настоящая житейская пестрота, а теперь, гляжу, только одинъ неопредѣленный цвѣтъ, которому нѣтъ и названія.

Первое, о чемъ я полюбопытствовалъ, умываясь, какъ Чичиковъ, у себя въ номерѣ, былъ именно неопредѣленный цвѣтъ нашего города.

— Объясните мнѣ, пожалуйста, почтенный гражданинъ, — спрашиваю я у коридорнаго лакея: — что это у васъ за странную краской красятъ дома и заборы?

— А это-съ, сударь, отвѣчаетъ, — у насъ нынче называется «цвѣтъ подь утиное яйцо».

— Этакое цвѣта у васъ, помнится, — никогда не было?

— И званія его, сударь, прежде никогда не слышали.

— Откуда же онъ у васъ взялся?

— А это нынѣшній губернаторъ насъ. говоритъ, — въ прошломъ году перекрасилъ.

— Вотъ, молъ, — оно что.

— Точно такъ-съ, утверждаетъ «гражданинъ». — Прежде цвѣта были разные, кто какіе хотѣлъ, а потомъ былъ старичокъ-губернаторъ — тотъ велѣлъ все въ одинаковое, въ розовое окрасить, а потомъ его смѣнилъ молодой губернаторъ, тотъ приказалъ сдѣлать все въ одинаковое, въ мрачно-сѣрое. а этотъ, нынѣшній, какъ пріѣхали: «что это, изволить говорить, за гадость такая! перекрасить все въ одинаковое, въ голубое», но только оно по розовому съ сѣрымъ въ голубой не вышло, а выяснилось, какъ изволите видѣть, вотъ этакъ, подь утиное яйцо. Съ тѣхъ поръ такъ ужъ больше не перекрашиваютъ, а въ чистотѣ у насъ попрежнему остались только однѣ церкви: съ архіереемъ всѣ губернаторы за это ссорились. но онъ такъ и не разрѣшилъ церквей подь утиное яйцо подводить.

Я поблагодарилъ слугу за обстоятельный разговоръ, а самъ принарядился, кликнулъ извозчика и спрашиваю:

— Знаешь, любезный, гдѣ Fortunатовъ живетъ?

Извозчикъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ и потомъ, какъ бы чего внезапно оробѣвъ или обидѣвъ, отвѣчалъ:

— Помилуйте, какъ же не знать!

Поѣхали и приѣзжаемъ.

Извозчикъ осаживаетъ у подъѣзда лошадей и шепчетъ: первый человѣкъ!»

— Что ты говоришь?

— Василій-то Иванычъ, говорю-съ, — у насъ первый человѣкъ.

Ладно, молъ.

Вхожу въ переднюю, — грязненько; спрашиваю грязненькаго казачка: дома ли баринъ? Отвѣчаетъ, что дома. — Занять или нѣтъ? — «Никакъ нѣтъ-съ, отвѣчаетъ; они послѣ послѣобѣденнаго вставанья на диванъ въ кабинетъ лежатъ, дыню кушаютъ».

Велѣлъ доложить, а самъ вступаю въ залу.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

Ужъ я ходилъ-ходилъ, — ходилъ-ходилъ по этой залѣ, нѣтъ ни отвѣта, ни привѣта, и казачокъ совсѣмъ какъ сквозь землю провалился.

Наконецъ растворяется дверь и казачокъ тихо подходитъ на цыпочкахъ и шепчетъ:

— Баринъ, говоритъ, — изволятъ спрашивать: вы по дѣлу или безъ дѣла?

Чортъ знаетъ, думаю, что на это отвѣчать! Скажу, однако, если онъ бѣдетъ на такую официальность, что приѣхалъ по дѣлу.

Малецъ пошелъ и опять выходитъ и говоритъ: «по дѣлу пожалуйста въ присутствіе».

— Ну, молъ, — такъ поди скажи, что я безъ дѣла.

Пошелъ, но и опять является.

— Какъ, говоритъ, — ваша фамилія?

— Ватажковъ, говорю, — Ватажковъ, я же тебѣ сказалъ, что Ватажковъ.

Юркнулъ малецъ и возвращается съ отвѣтомъ, что баринъ-де сказалъ, что они никакого Саложкова не знаютъ.

То-есть просто изъ терибнїа вывелиш!..

Разсвирѣявъ я, завязалъ мальчишкѣ дурака, и ухажу, какъ вдругъ слышу добродушнымъ голосомъ кричать:

— Ахъ, ты заморская птица! Орестъ Марковичъ! воротись, братъ, воротись. Я вѣдь думалъ, что чортъ знаетъ кто, что съ докладомъ входишь?

Гляжу, въ окнѣ красуется Василій Ивановичъ Фортунатовъ, — толстѣть, сѣдѣть, солишь и весь доснился.

Возвращаюсь я, и облобызалпсь.

Обыкновенные вопросы: чѣмъ ты, какъ ты, откуда, давно ли, надолго ли? Отвѣтивъ на этотъ допросъ впопадъ и невпопадъ, начинаю самъ любопытствовать.

— Какъ ты? говорю. — Я вѣдь тебя оставилъ социалистомъ, республиканцемъ и синичкой, а теперь ты цѣлая бочка.

— Ожирѣлъ, братъ, отвѣчаетъ, — ожирѣлъ и одышка замучила.

А убѣжденія, молъ, каковы?

— Какія же убѣжденія: вонъ старшему сыну шестнадцатый годъ. — ужъ за сестриными горничными волочится, а второму четырнадцать; все своимъ хребтомъ воздоль и, видишь, домишко себѣ скототилъ, — теперь пропріетерь.

— Отчего же это ты по новымъ учрежденіямъ-то не служишь, ни по судебной части, и не ищешь мѣста по земству?

— Зачѣмъ? пусть молодые послужатъ, а я вотъ еще годокъ — да въ монастырь хочу.

— Ты въ монастырь? Развѣ ты овдовѣлъ?

— Нѣтъ, жена, слава Богу, здорова: да такъ, братъ, грѣху юности-то пора какъ-нибудь на смарку пускать.

— Да вѣдь ты еще и не старъ.

— Старъ не старъ, а около пяти десятковъ вертится, а, главное, все надоѣло. Модныя эти учрежденія, модныя люди... ну, ихъ совеѣмъ къ Богу!

— А что такое? Обижаютъ тебя, что ли?

— Нѣтъ, не то, что обижаютъ... Обижать-то гдѣ имъ обижать. Ужъ тоже хватилъ «обижать»! Кто-о? Сами къ ставцу лицомъ съѣти не умѣютъ, да имъ меня обижать? Тьфу!.. мы ихъ и сами еще забѣдимъ. Нѣтъ, братъ, не обижаютъ, а такъ... — Фортунатовъ вздохнулъ и добавилъ: — Довольно грѣшнить.

Показалось мнѣ, что старый пріятель мой не только со мною хитритъ и лицебритъ, но даже и не задастъ себѣ труда врать покладнѣе, и потому, чтобы положить этому конецъ, я прямо перешелъ къ моему запискѣ, которую я долженъ составить, и говорю, что прощу у него совѣта.

— Нѣтъ, душа моя,—отвѣчаетъ онъ:—это по части новыхъ людей,—къ нимъ обращайся, а я къ такимъ дѣламъ не касаюсь.

— Да я къ новымъ-то ужъ обращался.

— Ну и что же: много умнаго послушался.

Я рассказалъ.

Фортуатовъ расхохотался.

— Ахъ, вы, прохвосты этикіе. а еще какъ свиньи небо скопать хотятъ! Мы вонъ вчера одного изъ нихъ въ сумасшедшій домъ посадили, и всѣхъ бы ихъ туда въ пору.

— А кого это, спрашиваю, —вы посадили въ сумасшедшій домъ?

— Становишку одного, Васильева.

— Боже мой! Вѣдь я его знаю!—Философъ.

— Ну, вотъ онъ и есть. Философію знаетъ и богословію. всего Макарія выштудировалъ и на службѣ состоитъ, а не зная, что мы на богослововъ-то не надѣемся, а сами отцовское восточное православіе оберегаемъ и у насъ господствующей вѣры нельзя перемѣнять. Подъ судъ вѣдь угодили бы, поросенокъ цуцкой, и если бы «новымъ людямъ», невѣрующимъ въ Бога, его отдать—засудили бы по законамъ: а вѣдь все же онъ человѣчишко! Я по-старинѣ направилъ все это на пунктъ помѣшательства.

— Ну?

— Ну, освидѣтельствовали его вчера и, убѣдивши его, что онъ не богословъ, а *богъ ослонъ*, посадили на-время въ сумасшедшій домъ.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

У меня неволью вырвалось восклицаніе о страшной судьбѣ несчастнаго Васильева, но Фортуатовъ остановилъ меня тѣмъ, что Васильеву только надо благодарить Бога, что для него все разрѣшилось сумасшедшимъ домомъ.

— И то, говорить, — вѣдь тутъ, братъ, надо было эго поворотить, потому на него, вѣдь поди-ка ты, петцы-то три

власти: судъ, администрація и духовное начальство, — а ихъ, небось, самъ Соломонъ не помирить.

— Не ладятъ?

— И не говори лучше: просто котораго ни возьми—что твой Навуходоносоръ!.. корень изъ земли норовить все выворотить.

— Губернаторъ каковъ у васъ?

Фортунатовъ махнулъ рукой.

— Сдѣлай, говоритъ,—ему визитъ. посмотри на него, а, главное, послушай,—поеть курскаго соловья прекраснѣе.

— Да я, отвѣчаю,—и то непременно поѣду.

— Посовѣтоваться... вотъ это молодець! Сдѣлай милость, голубчикъ, поѣзжай! То-есть разуважишь ты его въ конецъ и будешь первый его другъ и пріятель, и не оглянешься, какъ онъ первое мѣсто тебѣ предложить. Страсть любить свѣжихъ людей, а черезъ полгода выгнать. Злою страстью обуянъ къ переменамъ. Архіерей нашъ ономедни ему махнулъ: «Полагаю, говоритъ, ваше превосходительство, что если бы вы сами у себя подъ начальствомъ находились, то вы и самого себя смѣнили бы?» — Вотъ, батюшка, кому бы нашимъ Пальмерстономъ-то быть, а онъ въ рясахъ. Ты когда у губернатора будешь, Боже тебя сохрани: ни одного слова про архіерея не обмолвись, — потому что послѣ того, какъ тотъ ему не допустилъ перемазать храмовъ, онъ теперь яростный врагъ церкви, черезъ что мнѣ Богъ помогъ и становаго Васильева отъ тюрьмы спасти и въ сумасшедшій домъ пристроить.

— Позволь же, говорю, — пожалуйста, какъ же ты уживаешься съ такимъ губернаторомъ?

— А что такое?

— Да отчего же онъ тебя не смѣнитъ, если онъ всѣхъ смѣняетъ?

— А меня ему зачѣмъ же смѣнять? Онъ только однихъ способныхъ людей смѣняетъ, которые за дѣло берутся съ рвеніемъ съ особеннымъ, съ талантомъ и со тщаніемъ. Эти на него угодить не могутъ. Они ему сдѣлаютъ хорошо, а онъ ждетъ, чтобы они что-нибудь еще лучше отличились,—чудо сверхъестественное чтобы ему показать; а такъ какъ чуда изъ юда не сдѣлаешь, то послѣ сколь хорошо они ни исполнятъ, ужъ ему все это нипочемъ — свѣжаго щетъ; ну, а какъ всѣхъ ихъ, способныхъ-то, поразгонитъ, тогда опять

за всѣхъ за нихъ я одинъ, неспособный, и дѣйствую. Способностей своихъ я не неволю и старанья тоже; валю какъ попало черезъ пень колоду, — онъ и доволенъ: «при вась, говорить, я всегда покоенъ». Такъ и тебѣ мое опытное благословеніе: если хочешь быть нынѣшнему начальству прелюбезенъ и дѣлу полезенъ, не прилагай, сдѣлай милость, ни къ чему великаго раченія, потому хоша этимъ у насъ и хвастаются, что будто способныхъ людей ищутъ, по все это вздоръ, —нашему начальству способные люди тягостны. А ты пойдн, пожалуй, къ губернатору, посоветуйся съ нимъ для его забавы, да и скопни свою записку ногой, какъ коннется. Чортъ съ нею: придетъ время, все само устроится.

— Ну, пѣтъ, говорю, — я какъ-нибудь не хочу. Тогда лучше совсѣмъ отказаться.

— Ну, какъ знаешь; только послушай же меня: повремени, не догучай никому и не серьезничай. Самое главное, не серьезничай, а то, братъ... надоѣшь всѣмъ такъ, — извини, — тогда и я отъ тебя отрекусь. Поживи, посмотри на насъ: съ кѣмъ тутъ серьезничать-то станешь? А я межъ тѣмъ губернаторниѣ скажу, что способный человекъ пріѣхалъ, и въ аптечить ихъ введу на тебя посмотреть, — вотъ тогда ты и поѣзжай.

«Что же, разсуждаю, — такъ ли, не такъ ли, а въ самомъ дѣлѣ немножко ориентироваться въ городѣ не мѣшаетъ».

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Живу около недѣли и прислушиваюсь. Дѣйствительно, мой старый пріятель Фортунатовъ правъ: мирнымъ временемъ жизнь эту совсѣмъ нельзя назвать: перестрѣлка идетъ безумолчная.

Въ первые дни моего здѣсь пребыванія всѣ были заняты бенефисомъ становаго Васильева, а потомъ тотчасъ же занялись другимъ бенефисомъ, устроеннымъ однимъ мировымъ судьей полицеймейстеру. Судьи праведные считают своимъ призваніемъ строить рожны полиціи, а полиція платитъ тѣмъ же судьямъ; всѣ другъ другу «доказываютъ», и случаевъ «доказывать» имъ цѣлая бездна. Одинъ такой какъ изъ колеса выналъ въ самый день моего пріѣзда. Передъ самою полиціей подрался кунецъ съ мѣщаниномъ. За что у нихъ началась схватка — неизвѣстно; полиція застала дѣло

въ томъ положеніи, что здоровый купецъ даетъ шуплому мѣщанину оплеуху, а тотъ падаетъ, поднимается и, вставая, говоритъ:

— Ну, бей еще!

Купецъ безъ затрудненія удовлетворяетъ его просьбу: мѣщанинъ снова падаетъ, и снова поднимается и кричитъ:

— А ну, бей еще!

Купецъ и опять ему не отказываетъ.

— Ну, бей, бей! пожалуйста, бей!

Купецъ бьетъ, бьетъ; дѣло заходитъ въ азартъ: одинъ колотитъ, другой проситъ бить, и такъ до истощенія силъ съ одной стороны и до облитія кровью съ другой. Полиція составляетъ актъ и передаетъ его вмѣстѣ съ виновными мировому судѣ. Начинается разбирательство: купца защищать учитель естественныхъ наукъ и, какъ вы думаете, чѣмъ онъ защищалъ? Естественными науками. Нимало не отвергая того, что купецъ билъ, и даже сильно билъ мѣщанина, учитель поставилъ судѣ на видъ, что купецъ вовсе не наносилъ никакой обиды дѣйствіемъ и дѣлалъ этимъ не что иное, какъ такую именно услугу мѣщанину, о которой тотъ его неотступно просилъ при самихъ служителяхъ полиціи, — услугу, которой послѣдніе не поняли и, по неопытности своей, приняли въ преступленіе.

— Одно, — говоритъ защитникъ: — купца можно бы еще обвинить въ глупости, что онъ исполнилъ глупую просьбу, но и это невозможно, потому что купцу просьба мѣщанина, — чтобы его бить, — могла показаться самою законною, ибо купецъ, находясь выше мѣщанина по степени развитія, знаетъ, что многіе нервные субъекты нуждаются въ причиненіи имъ физической боли и успокаиваются только послѣ ударовъ, составляющихъ для нихъ, такъ сказать, благодѣяніе.

Судья все это выслушалъ и нашелъ, что купецъ, дѣйствительно, могъ быть вовлеченъ въ драку единственно просьбою мѣщанина его побить и, на основаніи физиологической потребности послѣдняго быть битымъ, освободить драчуна отъ всякой отвѣтственности. Въ городѣ заговорили, что судья молодецъ, а черезъ недѣлю полицеймейстеръ сталъ рассказывать, что будто «послѣ того, какъ

у него побывалъ случайно по одному дѣлу этотъ мировой судья, у него, полицеймейстера, пропали со стола золотыя часы, и пропали такъ, что онъ ихъ и искать не можетъ, хотя знаетъ, гдѣ они». Полицеймейстеру замѣтили, что распускать такіе слухи очень неловко, но полицеймейстеръ отвѣчалъ:

— Что же я такое сказалъ? Я вѣдь говорю, что *послѣ него* часы пропали, а не то, чтобы онъ взялъ... Это ничего.

Въ городѣ заговорили:

— Молодецъ полицеймейстеръ!

А вечеромъ разнесся слухъ, что мировой судья купилъ себѣ въ единственномъ здѣшнемъ оружейномъ магазинѣ единственный револьверъ и зарядилъ его порохомъ, хотя и безъ нуля, а полицеймейстеръ велѣлъ пожарному слесарю отпустить свою черкесскую шашку и заперъ ее къ себѣ въ гардеробный шкафъ.

Въ городѣ положительно ожидаютъ катастрофы.

ГЛАВА ШЕСТЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я почувствовалъ себя смущеннымъ и пошелъ къ Фортунатову съ повинной головой.

— А что говорить.—братецъ, правъ я или нѣтъ?.. Да посмотри: то ли еще увидишь? Ты вотъ изволь-ка завтра снаряжаться на большое представленіе.

— Куда это?

— А, братъ, начальники губерніи съ начальницей сами тебя восхотѣли видѣть! Ты вѣдь, небось, обо мнѣ какъ думаешь? а я тебя восхвалилъ какъ сваха: способнѣйшій, говорю, — человекъ и при этомъ ученъ, много начитанъ, жилъ за границею и — извини меня — пресестественная, говорю, — шельма!

— Ну, это ты зачѣмъ же?

— Нѣтъ, а ты молчи-ка. Я вѣдь, разумеется, тамъ не такъ, а гораздо помягче говорилъ, но только въ этомъ родѣ чувствовать даль. Такъ, другъ, оба и вкочили, и онъ, и она: подавай, говорятъ, — намъ сейчасъ этого способнаго человека! «Служить не желаетъ ли?» Не знаю, молъ, но не надѣюсь, потому что онъ человекъ съ состояніемъ независимымъ. — «Это-то и нужно! мнѣ именно это-то и нужно, кричить, чтобы меня окружали люди съ независимымъ состояніемъ».

— Очень мнѣ нужно его «окружать»!

— Нѣтъ, ты постой, что дальше-то будетъ. Я говорю: да онъ, опричь того, ваше превосходительство, и съ норовомъ независимымъ, а это вѣдь, молъ, на службѣ не годится.—«Какъ, что за вздоръ? отчего не годится?» — Правило-де т.кое китайскаго философа Конфуція есть: по-китайски оно такъ читается: «чинъ чина почитаѣ».—«Вздоръ это чинопочитаніе! кричитъ.—Это-то все у насъ и портить»... Слышишь ты?.. Ей-Богу: такъ и говоритъ, что «это вздоръ»... Ты иди къ нему, сдѣлай милость. завтра, а то онъ весь исхудаетъ.

— Да зачѣмъ ты все это, любезный другъ, сдѣлалъ? За чѣмъ ты ихъ на меня настроилъ?

— Ишь ты, ишь! Что же ты не самъ развѣ собирался ему визитъ сдѣлать? Ну, вотъ и иди теперь, и встрѣча тебѣ готова, а ужъ что, братъ, сама-то начальница...

— Что?

— Нѣтъ, ты меня оставь на минутку. потому мнѣ ее, бѣдняжку, даже жалко.

— Да полно гримасничать!

— Чего, братъ, гримасничать? Истинно правда. Ея способности въ человѣкѣ всего дороже: она вѣдь въ Петербургѣ женскую сапожную мастерскую «на разумно экономическихъ началахъ» заводила, да вотъ, отозвали ее оттуда на это губернаторство сюда къ супругу со всѣми ея физиологическими колодками. Но душой она все еще тамъ. тамъ въ Петербургѣ, съ способными людьми. Наслушавшись про тебя, такъ и киваетъ локонами: «Василій Ивановичъ, думали ли вы, говорить, когда-нибудь надъ тѣмъ... она всегда думаетъ *надъ* чѣмъ-нибудь, а не о *челѣ*-нибудь.— думали ли вы надъ тѣмъ, что если бѣ очень способнаго чл-вѣка соединить съ очень способной женщиной; что бы отъ нихъ могло произойти?» Вотъ тутъ, извини, я ужъ тебѣ немножко подгадилъ: я знаю, что ей все хочется имѣть некрещеныхъ дѣтей, и чтобъ непременно «отъ неизвѣстнаго», и чтобъ одно чадо, сынъ, назывался «Трудъ», а другое, дочь— «Сѣнора». Зная это, въ твоихъ интересахъ, разумѣется, надо было отвѣчать ей: что «отъ соединенія двухъ способныхъ людей геній произойдетъ», а я ударилъ въ противную сторону и охранилъ начальство. Пустилки, говорю, ваше превосходительство: плюсъ на плюсъ даетъ минусъ.—«Ахъ,

правда!...» А я и самъ алгебру-то позабылъ и не знаю, правда или неправда, что плюсъ на плюсъ даетъ минусъ: да ничего: женщинъ математикой только жигани, — онѣ страсть этой штуки боятъся.

«О, чортъ тебя возьми, думаю,—что онъ тамъ навстрѣчу мнѣ наболталъ и наготовилъ, а я теперь явлюсь и расхлебывай!—Ну, да ладно же, думаю, другъ мой сердечный: придется тебѣ брать свои похвалы назадъ», и самъ рѣшилъ сдѣлать завтра визитъ самый сухой и самый короткій.

А... а все-таки долженъ вамъ сознаться, что ночь послѣ этого провелъ прескверно и въ перерывчатомъ снѣ видѣлъ льва. Что бы это такое значило? Посылалъ къ хозяину гостиницы попросить, нѣтъ ли сонника? Но хозяйская дочка даже обидѣлась и отвѣчала, что «она такими глупостями не занимается». Рѣшительно нѣтъ никакой надежды предугомотрѣть свою судьбу,—и я поѣхалъ лицомъ къ лицу открывать, что сей сонъ обозначаетъ?

ГЛАВА СЕМИДЕСЯТАЯ.

Переносясь воспоминаніями къ этому многознаменательному дню моей жизни, я прежде всего вижу себя въ очень большой залѣ, среди густой и пестрой толпы, съ перваго взгляда какъ нельзя больше напомнимшей мнѣ группы изъ сцены на днѣ моря въ балетѣ *Юнекъ-Горбунокъ*. Самое совмѣщеніе обитателей водъ было такъ же несообразно, какъ въ упомянутомъ балетѣ: тутъ двигались въ видѣ крупныхъ бѣлотѣлыхъ судаковъ массивные толстопузые совѣтники; полудремалъ въ углѣ жирный, черный налимъ въ длинномъ купеческомъ сюртукѣ, только изрѣдка дуновеніемъ усть отгонявшій отъ себя неотвязную муху; вдоль стѣны въ рядъ на стульяхъ сидѣли смиренными плотицами разнокалиберныя просительницы, — всѣ съ одинаково утомленнымъ и утомляющимъ видомъ; изъ угла въ уголъ по залѣ, какъ ершь съ карасемъ, бѣгали взадъ и впередъ курносая барышня-просительница въ венгерскихъ сапожкахъ и сѣромъ платьѣ, подобраннымъ на пазы, съ молодымъ гусаромъ въ венгеркѣ съ золотыми пуговками. Эта пара горячо разсуждала о комъ-то, кто «заѣденъ средою», и при поворотѣ оба вдругъ въ тактъ пощелкивали себя сложенными листами своихъ просьбъ, гусаръ сзади по ляжкѣ, а барышня спереди: по кораблику своего корсета, служившаго ей въ этомъ слу-

чаѣ кирасою. У огня, на самомъ горячемъ солнопекѣ, сидѣлъ совѣтъмъ ослизшій пескарь,—бѣлый человѣчекъ, лѣтъ двадцати, обливавшійся потомъ: онъ все пробовалъ читать какую-то газету и засыпалъ. У другого окна цѣлая грушпа: нишестая, востроносая, пестрая щука въ кавалерійскомъ полковничьемъ мундирѣ полусидѣла на подоконникѣ, а передъ нею, сложа на груди руки, вертѣлся красноглазый окунь въ армейскомъ пѣхотномъ мундирѣ. Правый и лѣвый флангъ занимали выстроившіяся шпалерами мелкія рыбки въ родѣ снятковъ. Щука—это былъ полицеймейстеръ, окунь... былъ окунь, а мелочь улыбалась, глядя въ большой ротъ востроносаго полицеймейстера, и наперерывъ старалась уловить его намѣреніе состричь надъ окунемъ. Бѣдный, жалкій, во довольно плутоватый офицеръ, не сводя глазъ съ полицеймейстера, безумолчно лепеталъ оправдательныя рѣчи, часто крестясь и пропнося то имя Божіе, то имя какой-то Авдотьи Гордѣвны, у которой онъ якобы по всей совѣсти вчера былъ на террасѣ, и потому въ это самое время «физически» не могъ участвовать въ подбитіи морды Катькѣ-Чернявкѣ, которая, впрочемъ, какъ допускалъ онъ, можетъ-быть, и весьма того заслуживала, чтобъ ее побили, потому что, привыкнувъ обращаться съ приказными да съ купеческими дѣтьми, она думаетъ, что точно такъ же можетъ дѣлать и съ офицерами, и за то и поплатилась.

Въ этой группѣ разговоръ не умолкалъ. Хотя сама героння Катька-Чернявка скоро была позабыта, но зато все безпрестанно упоминали Авдотью Гордѣвну и тѣшились. Я узналъ при семъ случаѣ, что Авдотья Гордѣвна бѣла какъ сахаръ, вдова тридцати лѣтъ и любить наливочку, а когда выпьетъ, то становится такъ добра, что хоть всю ее разбери тогда, она слова не скажетъ. Вдали отсюда шуршали четыре черные, мрачныя рака въ образѣ заштатныхъ чиновниковъ. Стоя у самой входной двери, они все-таки еще, вѣроятно, находили свое положеніе слишкомъ выдающимся и, постоянно перешептываясь, нитились другъ за друга назадъ и заводили клеветни. Я прислушался къ ихъ шопоту: одинъ ракъ жаловался, что его приставъ совѣтъмъ напрасно обвинилъ, будто онъ ночью подбилъ старый лубокъ къ щели своей крыши; а другой, заикаясь и трясаясь, повторялъ все только одно слово «въ заштатъ». У самыхъ дверей сидѣли два духовныя лица: городской владимирскій священникъ

и сельскій дьяконъ, и разсуждали между собою, какъ придется новая реформа приходскимъ и кладбищенскимъ. При чемъ городской кладбищенскій священникъ все останавливался предъ тѣмъ, что «какъ же, молъ, это: вѣдь у насъ нѣтъ прихода, а одни мертвецы?» Но сельскій дьяконъ успокоивалъ его, говоря: «а мы доселѣ и живыми, и мертвыми обладали, но вотъ теперь сразу всего лишимся».

Къ этой парѣ вдругъ вырвался изъ дверей и подскокилъ высокій, худощавый бронецъ въ черномъ, просаленномъ фракѣ. Онъ склонился передъ священникомъ и съ сильнымъ польскимъ акцентомъ проговорилъ:

— Э-э, покорнѣйше васъ прощу благословить.

Священникъ немного смѣшался, привсталъ и, поддерживая лѣвою рукой правый рукавъ рясы, благословилъ.

Вошедшій обратился съ просьбой о благословеніи и къ дьякону. Дьяконъ извинился. Припледъ распрямился и, не говоря болѣе ни одного слова, отошелъ къ печкѣ. Здѣсь, какъ обгянутый черною эмалью, стоялъ онъ по-наполеоновски, скрестя руки, съ рыжеватою шляпою у груди, и то жался, то распрямлялся, поднималъ вверхъ голову и вдругъ опускалъ ее, ворочилъ длиннымъ, внизъ направленнымъ, польскимъ усомъ и заворачивался въ сторону.

Становилось жарко и душно, какъ въ полдень подъ лопухомъ, всѣ начали притихать: только мухи жужжали и рты всѣмъ кривила зѣвота.

Но всеблагое Провидѣніе, вѣдающее мѣру человѣческаго терпѣнія, смилостивилось: зеленые суконные портьеры, закрывавшія дверь противоположнаго входу конца покоя, распахнулись, и вдоль залы, быстро кося ножками, прожогъ маленькій борзый паучокъ, таща подъ мышкой синюю папку съ надписью: «къ докладу» и прежде, чѣмъ онъ скрылся, въ тѣхъ же самыхъ темныхъ полотнищахъ сукна, откуда онъ выскочилъ, заколыхался огромный китъ... Этотъ китъ былъ другъ мой, Василій Ивановичъ Фортунатовъ. Онъ сталь окинуть глазами залу, пошевелилъ изъ стѣны въ сторону челюстями и уплыть назадъ за сукно.

Въ залѣ все стихло; даже гусарь съ барышней стали въ шеренгу и только окунь хватилъ-было: «физически Катюку не могъ я прибить», но ему разомъ шикнуло нѣсколько голосовъ, и прежде, чѣмъ я понялъ причину этого шика, предъ завішенными дверями стоялъ истый неподдѣльный,

варенный, красный омаръ во фракѣ съ отличіемъ; за нимъ водилъ челюстями Фортунатовъ, а предъ нимъ, выгибаясь и шелкая каблукъ о каблукъ, расшаркивался полякъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Фортунатовъ пошепталъ губернатору на ухо и показалъ на меня глазами.

Губернаторъ сощурился, посмотрѣлъ въ мою сторону и, свертывая ротикъ трубочкой, процѣдилъ:

— Я, кажется, вижу господина Ватажкова?

Я подошелъ, раскланялся и утвердилъ его превосходительство въ его догадкѣ.

Губернаторъ подавъ мнѣ руку, ласково улыбнулся и потянулъ меня въ портьерѣ, сказавъ:

— Я сейчасъ буду.

Фортунатовъ шепнулъ мнѣ:

— Ползи въ кабинетъ,—и какимъ-то непостижимо ловкимъ приемомъ, однимъ указательнымъ пальцемъ втокнулъ меня за портьеру.

Здѣсь мнѣ, конечно, нельзя было оставаться между портьерой и дверью: я налегъ на ручку и смѣшался... Передо мной открылась большая наугольная комната съ тремя письменными столами: одинъ большой посрединѣ, а два меньшіе—у стѣнъ, съ конторкой, заваленною бумагами, съ отоманами, корзинами, сонетами, этажеркой, уставленною томами словаря Толя и исторіи Шлоссера, съ пуговками электрическихъ звонковъ, темною и несхожею копіей съ картины Рибейры, изображающей св. Себастіана, пронзеннаго стрѣлою, съ дурно написанною въ овалѣ головкой графини Ченчи и олеографіей тройки Вернета,—этими тремя неотразимыми произведеніями, почти повсемѣстно и въ провинціяхъ, и въ столицахъ репрезентующими любовь къ живописи ничего не понимающихъ въ искусствѣ хозяевъ. Эти три картины, съ которыми, конечно, каждому доводилось встрѣчаться въ чиновничьихъ домахъ, всегда производили на меня точно такое впечатлѣніе, какое должны были ощущать сказочные русскіе витязи, встрѣчавшіе на распуты столбы съ тремя надписями: «самому ли быть убиту, или коню быть съѣдену, или обоимъ въ плѣнъ попасть». Тутъ: или быть пронзеннымъ стрѣлою, какъ св. Себастіанъ и какъ онъ же ждаты себѣ помощи отъ одного неба, или совершать

преступленіе надъ престушикомъ и презирать тѣхъ, кто тебя презираетъ, какъ сдѣлала юная графиня Ченчи, или нестись отсюда по доламъ, горамъ, скованнымъ морозомъ рѣкамъ и перелогамъ на бѣшеной тройкѣ, вовсе не мечгая ни о Свѣтланипомъ снѣ, ни о «бѣдной Танѣ», какал всякому когда-либо мерещилась, нестись и нестись, даже не испытую по-роголевски: «Русь, куда стремишься ты?» а просто... «колокольчикъ динь-динь-динь среди невѣдомыхъ равнинъ»... Но все дѣлю не въ томъ и не это меня остановило и не объ этомъ я размышлялъ, когда, отворивъ дверь губернаторскаго кабинета среди описанной обстановки, увидѣлъ предъ самымъ большимъ письменнымъ столомъ высокое съ рѣзными украшениями кресло, обитое краснымъ сафьяномъ. и на немъ... настоящаго геральдическаго льва, какихъ рисуютъ въ щитахъ гербовъ. Левъ окинулъ меня суровымъ взглядомъ въ стеклышко и, вмѣсто всякаго привѣтствія, прорычалъ:

— Докладъ уже конченъ и губернаторъ болѣе заниматься не будетъ.

Я еще не собрался ничего на это отвѣчать, какъ въ кабинетъ вскочилъ Fortunатовъ и, подбѣжавъ ко льву, назвалъ мою фамилію и опять выкатилъ тѣми же пятнами.

Левъ приподнялся, движеніемъ брови выпустилъ изъ орбиты стеклышко и... вмѣстѣ съ тѣмъ изъ него все какъ будто выпало: теперь я видѣлъ, что эта была просто женщина, еще не старая, некрасивая, съ черными локонами, крупными чертами лица и повелительнымъ твердымъ выраженіемъ лица. Одѣта она была строго, въ черное шелковое платье безъ всякаго банта за спиной; однимъ словомъ, это была губернаторша.

Она довольно привѣтливо для ея геральдическаго величія протянула мнѣ руку и спросила, давно ли я изъ-за границы, гдѣ жилъ и чѣмъ занимался? Получивъ отъ меня на послѣдній вопросъ отвѣтъ, что я отставнымъ корнетомъ пошелъ доучиваться въ Бонскій университетъ, она меня за это похвалила и затѣмъ прямо спросила:

— А скажите, пожалуйста, много ли въ Боннѣ поляковъ?

Я отвѣчалъ, что на мой взглядъ ихъ всего болѣе учтиса военнымъ наукамъ въ Мецѣ.

— Несчастные, даже учатся военнымъ наукамъ, но имъ

все. все должно простить, даже это тяготивіе къ шкодѣ убійствъ. Имъ попережнему сочувствуютъ въ Европѣ?

— Кто не знаетъ сущности ихъ притязаній, тѣ сочувствуютъ.

— Вы не такъ говорите, — остановила меня губернаторша.

— Я вамъ сообщаю, что видѣлъ.

— Совсѣмъ не въ томъ дѣло: на нихъ, какъ и на всю нашу несчастную молодежь, направлены всѣ осадныя орудія: родной деспотизмъ, народность и православіе. Это омерзительно! Что же дѣлаютъ заграничныя общества въ пользу поляковъ?

— Кажется ничего.

— А у насъ въ Петербургѣ?

Я отвѣчалъ, что вовсе не зналъ въ Петербургѣ такихъ обществъ, которыя блюдутъ польскую справу.

— Они были,—таинственно уронила губернаторша и добавила:—но, разумѣется, всѣ они имѣли другія названія и дѣйствовали для вида въ другихъ будто бы цѣляхъ. Зато здѣсь, въ провинціяхъ, до сихъ поръ еще ничего подобнаго... нѣтъ, и тутъ эти несчастные люди гибнутъ, а мы, глядя на нихъ, лишь восклицаемъ: «кровь ихъ на насъ и на чадѣхъ нашихъ». Я не могу... нѣтъ, рѣшительно не могу привыкнуть къ этой новой должности: я не разъ говорила Егору Егоровичу (такъ зовутъ губернатора): «брось ты, Жоржъ, это все. Умоляю тебя, хоть для меня брось, потому что иначе я не могу, потому что на тебѣ кровь... Цапиши откровенно и прямо, что ты этого не можешь: и брось, потому что... что же это такое, до чего же наконецъ будетъ расходиться у всѣхъ слово съ дѣломъ? На насъ кровь... брось, умой руки, и мы выйдемъ чисты.»

Я замѣтилъ, что у супруга ея превосходительства прекрасная должность, на которой можно дѣлать много добра.

— Полноте, Бога ради, что это за должность! Что такое теперь губернаторская власть? Это миражъ, призракъ, одинъ обликъ власти. Тутъ власть на власти; одни предводители со своимъ земскимъ настроеніемъ съ ума сведутъ. Гмъ, крѣпостники, а туда же «мы» да мы. Мой мужъ, конечно, не позволить, но одному губернатору предводитель сказалъ: «вы здѣсь калифъ на часъ, а я земскій человѣкъ». Каково-съ! А Петербургъ и совсѣмъ все перевертываетъ по-своему, и пе-

ревертируетъ никого не спросивъ. Зачѣмъ же тогда губернаторы? Не нужно ихъ вовсе, если такъ. Итъ, это самое нецрїятное мѣсто, и я имъ совершенно недовольна; разумѣется, если Егоръ Егоровичъ говоритъ, что это нужно для будущаго, то я въ его мужскія дѣла не мѣшаюсь, но все что я вижу, все во что я вникаю въ теченіе дѣлъ по его должности, то, по-моему, это такая мизерность, которою способному человѣку даже стыдно заниматься.

— Какія же мѣста вамъ, спрашиваю,—нравятся больше губернаторскихъ?

— Ахъ, Боже мой! да мало ли нынче дѣлъ для способнаго человѣка: идти въ нотаріусы, идти въ маклера, въ повѣренныя по дѣламъ. — у насъ вѣдь есть связи: наконецъ, издавай газету или журналъ, и громи, и разбивай, и поднимай вопросы, и служи такимъ образомъ молодому поколѣнію, а не правительству.

Въ это время разговоръ нашъ прервался приходомъ губернатора, который возвратился съ видомъ тяжкаго утомленія и, пожавъ мнѣ молча съ большимъ сочувствіемъ руку, бережно усадилъ меня въ кресло.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

— Мы говоримъ здѣсь, Грегуаръ, о тебѣ,—начала губернаторша.—Господишь Ватажковъ находитъ, что твое мѣсто лучшее изъ всѣхъ, на какое ты могъ бы рассчитывать.

Я поспѣшилъ поправить редакцію этой фразы и возстановилъ свои слова въ ихъ точномъ смыслѣ.

— Помилуйте, мало ли дѣла теперь способному человѣку,—отвѣчалъ мнѣ, махнувъ рукою, губернаторъ и сейчасъ же добавилъ:—но я ничего не имѣю и противъ этого мѣста; и здѣсь способный человѣкъ могъ бы, и очень бы могъ, кое-что дѣлать, если бы только не эта вѣчная путаница всѣхъ словъ, инструкцій, требованій и... потому эти наши суды-съ!..—Губернаторъ зажмурилъ глаза и пожалъ плечами.—Вы здѣсь уже нѣсколько дней, такъ вы должны были слышать о разбирательствѣ кунца, избившаго мѣщанина по его яко бы собственной просьбѣ?

Я отвѣчалъ, что мнѣ это извѣстно.

— Это верхъ совершенства!—воскликнулъ губернаторъ и, захохотавъ, добавилъ:—А еще хотимъ всѣхъ ру-с-си-фи-ци-ро-ва-ть... А кстати,—обернулся онъ къ женѣ:—ты знаешь,

нашъ фортепіанный настройщикъ совсѣмъ руссифицировался, — принялъ православіе, а потому просить объ опредѣленіи.

Губернаторъ въ послѣдней фразѣ очень хорошо передразнилъ видѣннаго мною полячка, а губернаторша въ это время вскинула въ глазъ стеклышко и передо мною опять явился самый грозный геральдическій левъ.

— И ты, Грегугаръ, дашь ему какое-нибудь мѣсто? — спросила она строго мужа.

— Ну, не знаю, другъ мой... пока еще ничего не знаю, — отвѣчалъ нѣсколько потерянно губернаторъ.

— Я надѣюсь, что не дашь.

— Это почему?

— Измѣннику! я этого не позволяю.

— Ну, вотъ видишь, какъ ты скоро: не позволяешь поляку переимѣнить вѣры, не разобравши, для чего онъ это дѣлаетъ? Почему жъ ты не допускаешь, что у него это могло случиться и довольно искренно?

— Полно, Бога ради! Онъ не такъ глупъ, чтобы придавать значеніе поповской стрижкѣ: всѣ вѣры вздоръ, — творецъ всего кислородъ.

— Ну, хорошо, это такъ, я допускаю, что единственный богъ есть Богъ — кислородъ, но твой полячокъ бѣденъ... «жена и дѣтци», а имъ нужно дрова и свѣчи... Ахъ, какъ всѣ вы, господа, даже самые гуманнѣйшіе, въ сущности злы и нетерпимы! Ну, ну, сдѣлай бѣдный человѣкъ что-нибудь для того, чтобъ усвоить возможность воспользоваться положеніемъ дѣль... ну, ну, что вамъ отъ этого, *très chaud* или *froid*? Ничуть не бывало: вокругъ васъ все обстоитъ благополучно и ничто не волнуется, кромѣ собственной вашей нетерпимости. Удивительно, какъ это у насъ повсюду развился этотъ талантъ подусыпывать, — проговорилъ онъ, обращившая ко мнѣ довольное, благодушнымъ матомъ розоваго либерализма подернутое лицо. — Я часто, слушая похвалы нынѣшнему вѣку, говорю себѣ: нѣтъ, я старовѣръ! Помилуйте, что такое за прогрессъ въ этомъ воинственномъ настроеніи? Я тебя рву за руки, а ты меня тянешь за ноги... Гони, догоняй, беи!.. улѣлѣ, ату-его, и все за что? За то, что ты какъ-нибудь не такъ крестисься, или не такъ думаешь... Помилуйте! помилуйте! что это такое? Ты полякъ, ты нѣмецъ, ты москаль... Да что это за вздоръ, я васъ

спрашиваю? Не все ли равно люди? Богъ, говорятъ, даже и жидовъ манной кормилъ, а теперь я долженъ всѣхъ ихъ изъ города выгнать... Я больше Бога, что ли? И это прогрессъ! И это *девятнадцатый вѣкъ!* Нѣтъ, я старовѣръ,— и несправимый старовѣръ. И гдѣ здѣсь, не понимаю, дипломатическія соображенія? Я рѣшительно не знаю, чего смотреть у насъ? Помилуйте: намъ ли считаться, напримеръ, съ Англіей? Гдѣ у насъ Дерби? Дайте мнѣ Дерби! Онъ у нихъ изъ плохенькихъ, но а намъ еще ничего-съ; намъ еще быть бы хорошъ-съ! Дайте сго мнѣ и я его приспособлю, но нѣтъ-съ его-съ, вотъ въ чемъ дѣло! Намъ ли ссориться съ кѣмъ-нибудь въ Европѣ, когда у насъ на свои самыя пустыя домашнія дѣла способныхъ людей нѣтъ. Гдѣ онъ у насъ *человѣкъ?* Я часто слышу о способныхъ людяхъ, но на чемъ же испытываются ихъ способности? Нѣтъ, дайте ему задачу... Да этого мало-съ; у насъ еще ни въ чемъ настоящаго движенія нѣтъ; у насъ никакой, ровно никакой жизни нѣтъ: все... фикціи, однѣ фикціи! Пожалуйста загляните только въ газеты... что это такое? Все вѣдь стоитъ! Развѣ это печать, которая всегда вертится вокругъ да около? А тутъ обрусеніе, армія, споры, Боккъ, Фадѣевъ, Ширренъ, Самаринъ, Скарятинъ, Катковъ... Что это, спрашиваю васъ, за особы?.. А о нихъ споръ, раздоръ, изъ-за нихъ дробленіе на партіи, а дѣла дѣлать некогда и некому. Нѣтъ-съ, я старовѣръ, и я сознательный старовѣръ, потому что я зналъ лучшее время, когда все это только разворачивалось и распочиналось; то было благородное время, когда въ Петербургѣ школа устраивалась возлѣ школы, и молодежь, и наши дамы, и я, и моя жена, и ея сестра... я былъ начальникомъ отдѣленія, а она была дочь директора... но мы всѣ, всѣ были *влиять*: ни чиновъ, ни споровъ, ни попрековъ русскимъ или польскимъ происхожденіемъ и симпатіями, а всѣ заодно, и... вдругъ изъ Москвы пускаютъ интригу, развиваютъ ее, находятъ въ Петербургѣ пособниковъ и вотъ въ позпрошломъ году, когда меня послали сюда, на эту должность, я уже ничего не могъ сгруппировать въ Петербургѣ. Я хотѣлъ тамъ хорошенько обстановиться и пріѣхать сюда съ своими готовыми людьми, но, понимаете, этого уже нельзя, этого уже невозможно было сдѣлать, потому что всѣ на себя печати поналожили: тотъ абсолютность, тотъ консти-

туціонистъ, этотъ радикаль... и каждый хочетъ, чтобы я держалъ его сторону... Да что это за вздоръ такой, госнода? Къ чему, позвольте мнѣ узнать, я стану держать чью-нибудь сторону?.. Я вовсе не вижу на то причины! *Кто я и что я*, это дѣло моей совѣсти и должно оставаться моею тайной... И наконецъ, все это глупость; я понимаю абсолютизмъ, конечно, не по-кошелевски; я имѣю опредѣленные чувства къ республикамъ извѣстнаго строя, къ республикамъ съ строгимъ и умнымъ правленіемъ, но... (губернаторъ развелъ руками), но... конституціонное правительство... извините меня, это чортъ знаетъ что!.. Но, впрочемъ, я и въ этомъ случаѣ способенъ не противорѣчить: учредите закрытую баллотировку, и тогда, я не утаюсь, тогда я выскажусь, и ясно выскажусь; я буду знать тогда куда положить мой шаръ, но... иначе высказываться, и притомъ еще высказываться теперь именно, когда начала всѣхъ, такъ сказать, направленийъ бродятъ и имѣютъ болѣе или менѣе сильныхъ агентовъ въ самыхъ вліятельныхъ сферахъ, и кто восторжествуетъ—неизвѣстно,—нѣтъ-съ, *je vous fais mon compliment*; я даромъ и себѣ, и семьѣ своей головы свернуть не хочу, и... наконецъ,—губернаторъ вздохнулъ и договорилъ:—и, наконецъ, я въ настоящую минуту убѣжденъ, что въ наше время возможно одно направленіе—христіанское, но не поповско-христіанское съ запахомъ коноплянаго масла и ладана, а высоко-христіанское, какъ я его понимаю...

Онъ сложилъ котелочкой два пальца лѣвой руки и, швыряя во всѣ стороны тихіе щелчки, отъ которыхъ будто должно было летать что-то въ родѣ благодати, шенталь:

— Миръ, миръ и миръ, и на всѣ стороны миръ,—вотъ что должно быть нашею задачей въ данную минуту, потому что *concordia parva res crescunt*, — малыя вещи становятся великимъ согласіемъ, — вотъ что читается на червонцѣ, а мы это забываемъ, и за то у насъ нѣтъ ни согласія, ни червонцевъ. Вотъ вамъ и тема; садитесь и пишете!

Я молчалъ, а губернаторъ хлебнулъ воды и неревелъ духъ.

— Вамъ навязываютъ трудъ о сельскихъ больницахъ—заговорилъ онъ послѣ этой поправки. — Это всегда такъ у насъ; свѣжій, способный человѣкъ,—его сейчасъ и завалитъ хламомъ; нѣтъ, а вы дайте человѣку идти самому; пусть

онъ *самъ* беретъ себѣ вопросъ и работаетъ... Я разработа-
тать ничего не могу — некогда; я могу бросить мысль —
вотъ мое дѣло,—и онъ опять началъ пускать на воздухъ
щелчки...—Но я долженъ имѣть людей способныхъ поднять,
подхватить мою мысль на лету и развить ее... тоже на
лету, а такихъ людей нѣтъ, положительно нѣтъ. И, не за-
будьте, ихъ у насъ нигдѣ теперь нѣтъ! Ихъ у самого Гор-
чакова нѣтъ... я, по крайней мѣрѣ, ихъ и тамъ не вижу.
То же самое, что вездѣ-съ... Возьмется со славянскимъ во-
просомъ, и ни взадъ, ни впередъ. Развѣ такъ надо? Если бы
это вести какъ должно, то-есть, если бы не скрывать, что,
съ одной стороны, панславистскій вопросъ — это вопросъ
революціонный; что вообще національности — дѣло аристо-
кратическое, ибо мужику-съ все равно, русскій съ него
подати беретъ, или не-русскій, а насильственно обрусить
никого нельзя, потому что... былъ-съ вѣкъ созиданія искус-
ственныхъ монархій, а теперь...

Губернаторъ бросилъ свои руки по разнымъ направле-
ніямъ и проговорилъ:

— Теперь-съ вотъ что: теперь вѣкъ разъединенія вся-
кихъ насильственныхъ политическихъ сдѣланий, и про-
тивъ этого бороться глупо-съ... Извините, бросая мысли, я
увлекаюсь, но вы это оформите мягче.

Я только поглядѣлъ на этого метателя.. Нѣтъ, думаю,
самъ, братъ, оформливай, что набросалъ.

Онъ, вѣроятно, замѣтилъ мое недоумѣніе и спросилъ, на-
мѣренъ ли я служить.

— Нѣтъ, отвѣчаю,—отнюдь не намѣренъ.

— А почему?

Я хотѣлъ-было сказать, что неспособенъ; но, думаю, по-
падусь: скажетъ: «да неспособнымъ-то и служить», и отвѣ-
тилъ, что мое здоровье плохо.

— Полноте, Бога ради! Нынѣшняя служба шкого не
изнуряетъ. Василій Ивановичъ говорилъ мнѣ, что вы нуж-
даетесь въ нѣкоторыхъ матеріалахъ для своей работы о
больницахъ. Чудакъ этотъ Василій Ивановичъ!—вставилъ
губернаторъ съ добродушною улыбкой. — Труженикъ вѣч-
ный, а мастеръ — никогда! Я какъ увидѣлъ его — сказалъ
это и не ошибся.

— А я его очень люблю,—сухо замѣтила губернаторша,

выбрасывая стеклышко изъ глазъ и дѣлаясь опять изъ страшнаго льва просто непріятной женщиной.

— И я, мой другъ, его люблю—отозвался губернаторъ:— но не могу же я его способностямъ давать больше цѣны, чѣмъ онѣ стоятъ. Не могу я ему ставить пять балловъ, когда ему слѣдуетъ два... только два! Онъ прекрасный человекъ, *mais il est borné*... онъ ограниченъ,—перевелъ мнѣ его превосходительство, и добавилъ, что онъ велѣлъ Fortunатову пустить меня въ канцелярію, гдѣ мнѣ «все откроютъ», и просилъ меня быть съ нимъ безъ чиновъ и за чѣмъ только нужно — идти прямо къ нему, въ чемъ даже взялъ съ меня и слово.

Для перваго визита мнѣ показалось довольно.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Я поблагодарилъ, раскланялся и ушелъ обласканный, но очень недовольный собой. Что это за вздорное знакомство! Противно даже. Зато, думаю, болѣе меня не позовутъ, потому что, вѣрно, я имъ, въ свою очередь, не очень понравился. Но Fortunатовъ зашелъ вечеромъ и поздравляетъ:

— Прекрасно, говоритъ, — ты себя держалъ, ты вѣрно все болѣе молчалъ.

— Да, говорю.—я молчалъ.

— Ну, вотъ губернаторъ тебя нашелъ очень дѣльнымъ и даже велѣлъ сегодня же къ нему писаря прислать: вѣрно хочетъ «набросать мыслей» и будетъ просить тебя ихъ развить; а губернаторша все только сожалеетъ, что не могла съ тобой наединѣ поговорить.

— О чемъ же? Мы съ ней и такъ, кажется, много говорили и о полякахъ, и о призваніяхъ.

— Ну, да про поляковъ теперь ужъ все пустое, съ полгода тому бѣда была у пась. Тутъ есть полячокъ Фуфаевскій, — онъ все нашимъ дамамъ будущее предсказываетъ по линіямъ рукъ, да шулерничаетъ, — такъ онъ ее напугалъ, что на ней польская кровь гдѣ-то присохла. Она, бѣдняга, даже ночью, какъ леди Макбетъ, по губернаторскому дому все ходила да стонала: «Кровь на насъ, кровь! иди прочь, Грегваръ, на тебѣ кровь!» Ну, а тому отъ нея идти прочь неохота: вотъ она его этимъ и переломила на польскую сторону... Да это все вздоръ. Она мнѣ что-то другое о тебѣ говорила... О чемъ бишь она хотѣла отъ тебя,

какъ отъ способнаго чловѣка, узнать?.. Да! вспомнилъ: ей надо знать открыто или нѣтъ средство, чтобы дѣтей въ ретортѣ приготавливать?

— Это, говорю,—что за глупость?

— Писано, говоритъ она,—будто было про это, а ей непременно это нужно: она дошла по книжкѣ Шельтана, что женщины сами виноваты въ своемъ уничиженіи, потому что сами рождаютъ своихъ угнетателей. Она хочетъ, чтобы дѣти въ ретортахъ приготавлились, какого нужно пола или совсѣмъ безполые. Я обѣщаль ей, что ты насчетъ этихъ ретортъ поширыешь по литературѣ и скажешь ей, гдѣ про это писалось и какъ это дѣлать.

— Ты, говорю,—гороховый шутъ и приникъ.

— Нѣтъ, ей-Богу, говоритъ, — я ей обѣщаль, — да еще самъ, каналья, и смѣется.

— Ну, а успѣлъ обѣщать, такъ умѣй самъ и исполнять какъ знаешь.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Цѣлую ночь я, однакъ, продумаль лежа въ постели: что это за люди и что за странный позывъ у нихъ къ самой безпричинной и самой беззавѣтной откровенности? Думаль, рѣшалъ и ничего не рѣшилъ; а на утро только-что съѣлъ-было за свою записку, какъ вдругъ является совсѣмъ незнакомый господинъ, средняго роста, бѣлый, бѣлобрысый, съ толстыми, блѣдными, одутловатыми щеками, большими, вышуклыми голубыми глазами и розовыми губками сердечкомъ.

Вошелъ онъ очень торопливо, размахивая фуражкой съ кокардой, плюхнулъ прямо на стулъ у моего письменнаго стола и, усѣвшись, отрекомендовался Семеномъ Шваповичемъ Дергальскимъ.

Говорить картавя, присюсюкивая и сильно пошлевывая въ собесѣдника.

— Плишелъ, говоритъ, — къ вамъ съ доблымъ намѣленіемъ, вы чловѣкъ чужой и не видите, что съ вами творять. Кто васъ лекомендовалъ Фольтунатову?

Я отвѣчалъ, что мы съ Фортунатовымъ старые знакомые.

— Плесквельно, это плесквельно!—заговорилъ мой гость:—Фольтунатовъ нельвый подлець!—Извините меня: опъ васъ

дугъ, но я илезде всего цестный целовѣкъ и говолю плявду. Это онъ васъ повель къ губельнатолю?

— Онъ.

— Ахъ, мельзавецъ! Извините, я говолю всегда плямо. Онъ вѣдь не плявитель канцелялин, а фокусникъ; онъ самъ и есть «сѣвельный магъ и вольсебникъ». Онъ хитль какъ чолть. Длугіе плячуть... Но позвольте я это напишу.

Я подаль ему карандашъ, а онъ написаль прячуть, и продолжалъ:

— Да-съ; плячуть отъ начальства новыхъ людей, а онъ налосьно всѣхъ подводить, и члесь то безплистлястнымъ слыветъ, а потомъ всѣхъ въ дуляцкіе колпаки налязаетъ. Я самое тлюдное влемея въ западныхъ губельніяхъ слюзилъ и полезень былъ, и наглядь полючалъ, потому сто я плямой настояссій лусскій человѣкъ... Я не хитлець, какъ онъ, сто баяхнинскимъ лалѣчемъ говолить, а самъ и насымъ и васымъ, хузе зида Юськи, сто ваксу плодаеть; а я, видите, я даже на визитныхъ кальточкахъ себя не маскилюю...— и съ этимъ онъ подаль мнѣ свою карточку, на которой было напечатано: *Семенъ Ивановичъ Дералекій — почтовый люстраторъ*.—Видите, какъ плямо иду, а онъ ботвинью и бузянну лопаеть, а люскныхъ людей выдаеть ляху Фуфаевскому. Онъ сказаль мнѣ: «я тебя съ губельнатолюмъ сблизу, и всѣхъ ляховъ здѣсь съ нимъ выведесь»... Какъ самаго способнаго человѣка меня пледставиль. Губельнатолю плосиль меня: «будьте, говолить, монимъ глазомъ и ухомъ, потому сто я хотъ знаю все, сто дѣлается въ голодѣ, а сто изъ голода... Но, позвольте, это я напишу.

И онъ написаль: *въ городъ*, и продолжалъ снова:

— «Сто изъ голода выѣзжаетъ, это только вы одни можете знать». Я на это для обьсей пользы согласиль, а Фольтунатовъ мнѣ такъ устлонль, сто я съ губельнатолюмъ говолить не могъ.

— Отчего же?

— Потому что губельнатолюша всегда тутъ зе вельтитсл. Фольтунатову подлецу это на луку: ему она не мѣсяеть; потому сто онъ или ней налѣсно о лазныхъ vzdояхъ говолить: какъ дѣтей въ летолтахъ илиготовлять и тому подобное, а самъ подсовываетъ ея музу сто хочеть къ подписи, мелзавецъ, а я долзень былъ дѣло лясказать, что я за день пролестлиловаль, кто о цемъ писеть, — а она не

выходить. Я какъ настояскій службистъ прямо посоль, плямымъ путемъ, и одинъ лазъ или нейъ прямо сказалъ ему: васе илевосходительство: мы о такихъ вестяхъ не пліучены говолить пли тлетьемъ лицѣ», а она сейдась: «Это и пли-ласно! говолить: Глегуаль, выди, мой длугъ, вошь, пока онъ долозить». Сто я тутъ могъ сдѣлать? Я нацинаю говолить, и наконецъ забываю, сто это она, а не онъ, и говолю, что Фуфаевскій послалъ своему блату въ Польшу письмо, стобъ онъ высталъ ему сюда для губельнатолеы симпатическую польскую блонку, стобы подъ платьемъ носить; а она какъ вскочить... «Глегуаль! кличить: лясполяднсь сейчасъ его уловить! онъ меня обидѣлъ»—и съ тѣхъ полъ меня въ домъ не плинимають. Тутъ Фольтунатовъ какъ путный и вмѣсялся. «Позвольте, говолить, вамъ объяснить: вѣдь онъ это не съ злымъ умысломъ сказалъ: онъ хотѣлъ сказать, сто Фуфаевскій выписываетъ для губельнатолеы польскую блонку, а сказалъ *блонку*»... Но итъ, позвольте ка-ландашъ, а то вы тоже этого не поймете.

Дергальскій схватилъ карандашъ и написалъ чѣтко: б-р-о-ш-к-у.

— Вотъ сло о пемъ дѣло!—продолжалъ онъ,—и это имъ Фольтунатовъ объяснилъ, да кстати и всѣмъ лазблаговѣстить и сдѣлалъ меня сутомъ голоховымъ, а для чего? для того, сто я зналъ, что онъ губельнатолеу яму лостъ.

— Онъ... губернатору яму роеть?

— А какъ зе? Я знаю, сто онъ ему одинъ лазъ далъ подписать, и куда онъ это хотѣлъ отплавить.—Вотъ посмотрите, и дасть бумагу, на которой написано: «Отца продалъ, мать заложилъ и въ томъ руку приложилъ», а подписано имя губернатора... Я это зналъ,—продолжалъ Дергальскій,—и стемился послѣ соолы все это сообситъ, но мнѣ не довѣляютъ, а почему? потому сто меня Фольтунатовъ сумаседсимъ и дулакомъ поставилъ, а подлецъ Фуфаевскій на меня козла изъ конюшни выпустилъ, а козелъ мнѣ насквозь бокъ логами плопололъ и изувѣщилъ меня или всѣхъ поселеди улицы. Я тли мѣсяца въ постели лезалъ, и послалъ самую плавдивую залобу, сто козелъ на меня умысленно нуссенъ за мой патліотизмъ, а они на-смѣхъ завели дѣло «о плободаніи меня козломъ съ политическими цѣлями по польской интлгѣ», и во влемя мосей болѣзни въ Петелбулгъ статью послали «о поликуюссемъ козлѣ», я тенель, нослѣ

того, какъ это напечатано, ужъ я имъ нимало не опасенъ, потому сто считаюсь сумаседсимъ и интлиганомъ. Я важныя, очень важныя вещи знаю, но не могу сказать, потому сто все, сто я ни скажу, только на-смѣхъ поднимають: «его-де и козелъ съ политическими цѣлями билъ». Миѣ тепель одному дѣлать нечего: я собилаю партію, и плисоль васъ плосить: составимте партію.

— Позвольте, говорю: противъ кого же мы будемъ партію составлять?

— Плотивъ всѣхъ, плотивъ Фольтунатова, плотивъ всѣхъ пледателей.

— Да я здѣсь, отвѣчаю,—новый человекъ и ни въ какія интриги входить не хочу.

— Не хотите? а если не хотите въ интриги входить, ну такъ вы плонали.

— Напротивъ, со мной всѣ очень довѣрчивы и откровенны! Дергальскій вскочилъ и захохоталъ.

— Поздьявляю!—заговорилъ онъ:—поздьявляю васъ! Отключенны... здѣсь всегда съ того начинается... всѣ отключенны!... они какъ слѣбини всѣ въ новаго человека своихъ лицъ накладываютъ, а потомъ челвяки-то выведутся, да вамъ скулу всю и плоглызуть... Поздьявляю! Тепель вы много отъ нихъ слысали длугъ пло длуга,—ну и понались; тепель всѣ васъ и стануть подозлѣвать, что вы ихъ длугъ длугу выдаете. Не вѣльте имъ! никому не вѣльте! Не интлиговать здѣсь тепель никому нельзя — повѣльте, нельзя. Дазе когда вы интлигуете — меньше глѣха; вы тогда на одной столонѣ... Мой вамъ совѣтъ: составимте партію.

— Нѣтъ-съ, отвѣчаю:—я ни къ какой партіи здѣсь принадлежать не намѣренъ, я сдѣлаю свое дѣло и уѣду.

— Нѣтъ-съ, вы такъ не сдѣлаете; сначала всѣ такъ го-волять, а какъ вамъ голяцаго за козу зальють, такъ и не уѣдете. Генелаль Пелловъ тоже сюда на недѣлю плѣхаль, а какъ пледводитель его нехолосо плинялъ, такъ онъ здѣсь ужъ втолой годъ живетъ, и ходитъ въ клубъ спать.

Это еще, думаю,—что такое?

— Пелловъ, Пелловъ, пзвѣстный генелаль...—Дергальскій опять схватилъ карандашъ и написалъ: «П-е-р-л-о-в-ъ. — Знаете?

— Знаю.

— Ну вотъ онъ самый и есть: и жена, и дѣти узе сюда

къ нему ѣдутъ, — онъ бѣдный целовѣкъ, а больше тысячи лублей стафу въ клубъ пелеплачиваетъ, и вотъ увидите, будетъ здѣсь сидѣть, пока совсѣмъ лазолится.

— А зачѣмъ онъ платитъ штрафъ?

— А потому сто все предводителю этимъ мстить: предводительскій зять сталшиной въ клубъ, а Пелловъ всякое его дезульство плиходить и спитъ въ клубъ до утра, стобъ и предводительскій зять, какъ сталсина сидѣль, — вотъ за это и платитъ.

Что такое за ченуха? Неужто все это вправду выдѣлывается въ такое серьезное время? Дергальскій клянется и божится, что все это именно такъ; что предводитель терпѣть не можетъ губернатора и что потому всѣ думали, что они съ генераломъ Перловымъ сойдутся, а вышло иначе: предводитель — ученый генераль и свысока принять Перлова, — боевого генерала, и вотъ у нихъ, у двухъ генераловъ, ученаго и боевого, зашла война, и Перловъ, недовольный предводителемъ, не будучи въ силахъ ничѣмъ отмстить ему лично, спитъ въ клубъ на дежурствѣ предводительскаго зитя и разоряетъ себя на платежи штрафа. Чортъ знаетъ что такое!

— Вы, говорю, — не имѣете ли какихъ-нибудь соображеній объ устройствѣ врачебной части Россіи? Вотъ это мнѣ очень интересно!

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Дергальскій: — не имѣю... Я слыхалъ сто будто насъ полицмейстеръ своихъ позальныхъ солдатъ отъ всѣхъ болѣзней келасномъ лѣчить, и очень колосо; но будто бы у нихъ отъ этого животы насквозъ свѣтятся; однако, я боюсь это утвельздать, потому что, мозетъ быть, мнѣ все это на смѣхъ говолили, для того стобъ я это ласпустилъ, а потомъ подъ этотъ слѣдъ хотятъ сдѣлать какую-нибудь дѣйствительную гадость, и тогда плю ту узъ нельзя будетъ сказать. Я тепель остолозеиъ.

— Не поздно ли?

— Да, поздно; но если составить палтію...

— Нѣтъ, меня, говорю, — увольте.

— Забѣю, говорить, — оцень. Вы, по клайней мѣлѣ, хотъ цѣмъ-нибудь запаситесь.

— Чѣмъ же?

— Секлетъ какой-нибудь имѣйте въ лукахъ, а то...

— Чего же вы опасаетесь?

— Чего? пелвымъ вледнымъ целовѣкомъ васъ сдѣлають, — да-съ!

Съ этимъ Дергальскій вздохнулъ, крѣпко сжалъ мою руку и вышелъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Ужасно разстроилъ меня этотъ сюсюкающій господинъ и звукомъ своего голоса, и своими нервами, и своими комическими несчастиями, и открытiемъ мнѣ глазъ. Последнее особенно было мнѣ неприятно. Въ самомъ дѣлѣ: гдѣ же это я и съ кѣмъ я? И наконецъ, кто же мнѣ ручается, что онъ самъ говоритъ правду, а не клевететь? Однимъ словомъ, я въ мужскомъ тѣлѣ ощущала безпокойное чувство женщины, которой незваная и непрощенная дружба открываетъ измѣны любимаго человѣка и ковы разлучницы. На что мнѣ было знать все это, и какая польза мнѣ изъ всѣхъ этихъ предостереженiй? Лучше всего.. въ сторону бы какъ-нибудь отъ всего этого.

Открываюсь Фортунатову: говорю ему, что мнѣ что-то страшно захандрилось, что я думаю извиниться письмомъ передъ предводителемъ и уѣхать домой, отказавшись вовсе представлять мою неоконченную записку объ устройствѣ сельской медицины.

Фортунатовъ вооружился противъ этого.

— Это, говоритъ, — будетъ стыдъ и позоръ, срамъ и безчестiе; да и отчего это тебѣ такъ вдругъ пришла фантазiя бѣжать.

— Робость, шучу, — напала.

— Да ты не ухмыляйся; у тебя не равно не былъ ли какъ-нибудь нашъ сюсюка?

— Кто это сюсюка?

— Почтмейстеръ.

— Ты, говорю, — отгадалъ: онъ былъ у меня.

Фортунатовъ хлопнулъ по столу рукой и воскликнулъ:

— Экое веретено, экая скотина!.. Такой мерзавецъ: кто ни прiдетъ новый человѣкъ, онъ всегда ходитъ, всѣхъ смущаетъ. Мститъ все намъ. Ну, да погоди онъ себѣ: онъ нынче, говорятъ, сталъ ночами по заборамъ мѣломъ всякiя пасквили на губернатора и на меня сочинять; дай срокъ, пусть его только на этой обличительной литературѣ изловить, ужъ я ему голову сорву.

— Онь, говорю, — и безъ того на тебя плачется и считаетъ тебя коварнымъ человѣкомъ.

— Коварнымъ? ладно, пусть считаетъ. Дуракъ онъ и больше ничего: его ужъ и козлы съ политическими цѣлями бьютъ.

— Не знаю, говорилъ или не говорилъ, а въ сатирическихъ газетахъ было написано; не читалъ статью: «Полягущій козель»?

— Нѣтъ, не читалъ и не хочу.

— Напрасно, — это остроумно написано, да къ тому же это и правда: я навѣрно знаю: это Фуфаевскій училъ козла биться и спустилъ его на Дергальскаго.

— Извините, пожалуйста, но это не дѣлаетъ всеѣмъ вамъ чести, что вы злите человѣка до потери сознанія, пока онъ на всѣхъ кошкой сталъ бросаться.

Фортунаговъ харкнулъ и плюнулъ.

— Нечего, говорю, — плевать: онъ комиченъ немножко, а все-таки онъ русскій человѣкъ, и пока вы его не дразнили, какъ собаку, онъ жилъ, служилъ и дѣло дѣлалъ. А онъ, видно, вретъ-вретъ, да и правду скажетъ, что въ васъ русскаго-то только и есть, что квасъ да буженина.

— Ты, братъ, — отвѣчаетъ мнѣ Фортунаговъ: — если тебѣ нравятся эти сентиментальныя рацен разводить, такъ разводи ихъ себѣ разводами съ кѣмъ хочешь, вонъ хоть къ женѣ моей ступай, она тебя кстати морошкой угоститъ, — а мнѣ, любезный другъ, ужъ все эти дураки надоѣли, и русскіе, и польскіе, и нѣмецкіе. По мнѣ хоть всѣхъ бы ихъ въ одинъ костеръ, да поджечь лучинкою, такъ въ ту же пору. — Вотъ не угодно ли получить бумаги ворошокъ, — позаймись, Христа ради, — и съ этимъ подаетъ свертокъ.

— Что это такое?

— Губернаторскія мысли, какъ все извлечь изъ ничего.

Разворачиваю и читаю, великолѣпнѣйшимъ каллиграфическимъ почеркомъ надписано: «Секретно. Рядъ мыслей о возможности совмѣщенія мнимо несомѣстимыхъ началъ управления посредствомъ примиренія идей».

— Ну, что это ты мнѣ, Василій Иванычъ, за вздоръ такой приносишь?

— А ты обработай, чтобъ оно вышло не вздоръ.

— Нѣтъ, опять говорю, — Дергальскій видно правъ, что

ты нарочно всё́мъ подводишь вотъ этакій неразрѣшимый вздоръ разрѣшать.

Фортунатовъ повелъ на меня косо глазами, обошелъ комнату и, поровнявшись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ я сидѣлъ, вдругъ ткнулъ мнѣ кукинь.

— Вотъ на-ка, говорить, — тебѣ съ твоимъ Дергальскимъ! Напрасно я за всѣхъ за васъ въ петлю небось не лѣзу! И, братъ, съ натурою человѣкъ былъ, а не мудрецъ, и жену любилъ, а отъ этого у меня шесть дѣтей приключилось: имъ кусокъ хлѣба надо. Что вы, черти, въ самомъ дѣлѣ на меня претендуете? Я человѣкъ глупый, ну такъ и знайте. Я и самъ когда-то было прослылъ за умнаго человѣка, да увидалъ, что это глупо, что съ умомъ на Руси съ голоду издохнешь, и ради дѣтей въ дураки пошелъ, ну и зато воспиталъ ихъ не такъ, какъ у умниковъ воспитываютъ: мои себя честнымъ трудомъ пропитають, и ребятъ въ ретортахъ приготавливать не стануть, и польскаго козла не испужаются. Что-нибудь одно: умомъ хочешь кичиться, — ну другого не ищи, либо терпи. пусть тебя дуракъ дуракомъ зоветъ. А мнѣ плевать на все: хоть зовуткой зови, только хлѣбомъ корми.

— Прегадная, говорю, — у тебя философія.

— Своя, братъ, зато: не у нѣмца вычиталъ; эта по крайности не обманеть.

— Скажи лучше, незнакомъ ли ты съ генераломъ Перловымъ?

— Съ Иваномъ-то воинномъ?

— Да.

— Господи помилуй! — Фортунатовъ перекрестился и нѣжнымъ, ласковымъ тономъ добавилъ: — Я обожаю этого человѣка.

— Онъ какъ же, по-твоему, уменъ или глупъ?

Фортунатовъ покусалъ себѣ ноготь, вздохнулъ и говоритъ:

— Это вѣдь у насъ только у однихъ такихъ людей цѣнить не умѣють. У англичанъ вонъ военачальникъ Магдалу какую-то, изъ глины смазанную, въ Абиссиніи взялъ, да и за ту его золотомъ обсыпали, такъ что и внуки еще макушки изъ золотой кучи наружу не выдеруть; а этотъ вѣдь въ такой адъ водилъ солдатъ, что другому и не подумать бы ихъ туда вести, а онъ идетъ впереди, самъ пляшетъ, на базалайкѣ играетъ, саблю броситъ, да вѣткой

съ ракиты помахиваетъ: «Эхъ, говоритъ, ребята, отъ аглицкихъ мухъ хорошо и этимъ отмахиваться». Душа занимается! Солдатамъ-то просто и задуматься некогда, — такъ и умирають, посмѣиваясь, за матушку за Русь да за вѣру!.. Какъ хочешь, вѣдь это, братъ, талантъ! Нѣтъ, это тебѣ сюсюка хорошо посовѣтоваль: ты сходи къ Перлову, не пожалѣешь.

— Да какъ же, говорю, — я и радъ бы пойти, да не могу: надо же, чтобы меня ему кто-нибудь представилъ.

— Сдѣлай милость, выбрось ты изъ башки этотъ вздоръ: ничего этого у насъ не надо: мы люди простые, ѣдимъ пряники неписанные, а онъ такой рубака... и притомъ ему дѣлать нечего, и онъ очень радъ будетъ предъ новымъ чело-вѣкомъ начальство поругать.

— А это для чего же?—спрашиваю.

— Что это—начальство-то ругать? Да это ужъ, знаешь, такая школа: хорошъ жемчужокъ да не знаешь куда спрятать, и въ коробъ не лѣзетъ и изъ короба не идетъ; съ подчиненными и съ солдатами—отецъ, равному—братъ, а старшаго начальства не переносить, и оно, въ свою очередь, тоже его не перевариваетъ. Да онъ и самъ не знаетъ, на какой гвоздокъ себя повѣсить. Службу ему надо, да чтобы безъ начальства, а такой еще нѣтъ. Одно бы развѣ: послать его съ особою арміею въ центральную Азію разыскать жидовъ, позабытыхъ въ плѣну Зоровавелемъ. Это бы ему совсѣмъ по шерсти, — такъ вѣдь не посылають! Вотъ онъ, бѣдняга, здѣсь такъ и мается: коровъ доить, шинокъ держать, сосѣдскихъ куръ на огородѣ стрѣляетъ, да въ клубъ спать ходитъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

На другой день встрѣчаю случайно Fortunatova, а онъ и кричитъ еще издали:

— А я, говоритъ, — братъ, сейчасъ отъ кроваждаго генерала: про тебя съ нимъ разговаривали и про твои заботы о народѣ сказывать ему.

— Ну что же такое, говорю, — что ты все съ такими усмѣшками и про народъ, и про мои заботы, и про генерала? Что же твой генералъ?

— Очень радъ тебя видѣть, и о народѣ, сказалъ, пого-

воримъ. Иди къ нему; теперь тебѣ даже ужъ и нельзя не идти, невѣжливо.

«Сбывается,—думаю:—разбойникъ, меня съ рукъ!.. Ну, а ужъ нечего дѣлать: пойду къ кровожадному генералу».

— Только ты, говоритъ, — иди вечеромъ и въ сюртукъ, а не во фракъ; а то онъ не любитъ, если на визитъ похоже.

Я и на это согласился.

Пришелъ вечеръ, я одѣлся и пошелъ.

Домикъ кровожаднаго генерала я, разумѣется, и прежде зналъ. Это небольшой, деревянный, чистенькій домикъ въ три окна, изъ которыхъ на двухъ крайнихъ стояли чубуки, а на третьемъ, среднемъ, два чучела: большой, голенастый красный пѣтухъ въ каскѣ съ перьями, и молодой черный козленокъ съ бородой, при штатской шпагѣ и въ цилиндрической гражданской шляпѣ.

Подѣзда съ улицы нѣтъ, а у калитки нѣтъ звонка. Я взялся за большое желѣзное кольцо и слегка потрепалъ его.

— Не стучите, не стучите, и такъ не заперто, — отвѣчалъ мнѣ со двора немного рѣзкій, но добрый и кроткій голосъ.

Я пріотворилъ калитку и увидѣлъ предъ собою необыкновенно чистенькій дворикъ, усыпанный желтымъ пескомъ, а въ глубинѣ — садъ, отдѣленный узорчатою рѣшеткой. На крыльцѣ домика сидѣлъ тучный, крупный человекъ, съ густыми волосами впросѣдъ, съ небольшими коричневыми, медвѣжьими глазами и носомъ изъ разряда тѣхъ, которые называются дулями. Человекъ этотъ былъ одѣтъ въ полосатые турецкіе шаровары и сѣрый нанковый казакинъ. Онъ сидѣлъ на крыльцѣ, прямо на полу, сложивъ ноги по-турецки. Въ зубахъ у него дымился чубукъ, упертый другимъ концомъ въ укрѣпленную на одной ступени желѣзную подножку, а въ рукахъ держалъ черный, частый роговой гребень и копошился имъ въ бѣлой какъ лѣнь головкѣ лежавшаго у него въ колѣняхъ трехлѣтняго длинноволосаго мальчишки, босого и въ довольно грязной ситцевой рубашкѣ.

— Пожалуйте! — проговорилъ онъ мнѣ привѣтливо, увидя меня на порогѣ калитки, и при этомъ толкнулъ слегка мальчишку, бросилъ ему гребень и велѣлъ идти къ матери.

— Это, что вы видите, — продолжалъ онъ: — кухаркинъ

сытъ; всякій день, каналья, волочетъ ко мнѣ послѣ обѣда гребень: «Диденька, говоритъ, поугай неприятелей». Со-сѣдки дьячки дѣти, семинаристы, его научили. Прошу васъ въ комнату.

Я поклонился и пошелъ за нимъ, а самъ все думаю: кто же это, самъ онъ генераль Перловъ, или нѣтъ? Онъ сейчасъ же это замѣтилъ и, введя меня въ небольшую круглую залу, отрекомендовался. Это былъ онъ самъ кровавадный генераль Перловъ; мою же рекомендацію онъ отстранилъ, сказавъ, что я ему уже достаточно отрекомендовалъ монмъ пріятелемъ.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Мы сѣли въ небольшой, по старинѣ меблированной гостиной, выходящей на улицу тѣми окнами, изъ которыхъ на двухъ стояли чубуки, а на третьемъ красный пѣтухъ въ генеральской каскѣ и козель въ черной шляпѣ, а противъ нихъ на стѣнѣ портретъ царя Алексѣя Михайловича съ развернутымъ указомъ, что «учали на Москву приходитъ такіе-сякіе дѣти нѣмцы и ихъ, такихъ-сякихъ дѣтей, нѣмцевъ, на воеводства бы не сажать, а писать по черной сотнѣ».

Въ углу сіялъ отъ лампы большой образъ пророка Иліи съ надписью: «ревнуя поревновахъ о Богѣ Вседержителѣ». Генераль свистнулъ и приказалъ вошедшей женщиѣ подать намъ чаю и, какъ предсказывалъ мой пріятель, немедленно же началъ поругивать все петербургское начальство, а затѣмъ и мѣстныя власти. Бранился онъ довольно зло и минутами очень ѣдко, и обращался къ упомянутому указу царя Алексѣя, но про все это въ подробностяхъ вамъ нечего рассказывать. Особенно зло отъ него доставалось высокопоставленнымъ лицамъ въ Петербургѣ; къ мѣстнымъ же онъ относился съ нѣсколько презрительною ироніей.

— Здѣсь верховодятъ и рядятъ,—говорилъ онъ:—козель да пѣтухъ: вотъ я и изображеніе ихъ изъ почтенія къ нимъ на окно выставилъ, — добавилъ онъ, указывая чубукомъ на чучель.—Здѣсь всѣ знаютъ, что это представляетъ. То вотъ этотъ пѣтухъ — предводитель - многоженецъ ореть да шпорою брыкаетъ; то этотъ козленокъ — губернаторъ блестя да бородежкой помахиваетъ, — все ничего: идетъ.

Знаете, какъ покойный Панинъ Великой Екатерины отвѣчалъ на вопросъ: чѣмъ сей край управляется? «Управляется»,—говоритъ онъ:—«матушка императрица, милостію Божіею да глупостію народною».—Генераль весело и громко засмѣялся, и потомъ вдругъ неожиданно меня спросилъ:

— Вы Николая Тургенева новую книжку читали?

Я отвѣчалъ утвердительно. Генераль, помолчавъ, высморгался и сначала тихо улыбнулся, а потомъ совсѣмъ захохоталъ.

— «Стяните вы ее, Россію-то, а то вѣдь она у васъ р-а-з-с-ы-п-е-т-с-я!»—привелъ онъ изъ тургеневской брошюры и снова захохоталъ.— Вы впрочемъ сами здѣсь, кажется, на счетъ стягиванья... липкимъ пластыремъ, что ли, ее, Федорошку, спеленать хотите?—обратился онъ ко мнѣ, отирая выступившія отъ смѣха слезы.— Скажите, Бога ради, чтò такое вы задумали намъ приснастить.

Я рассказалъ.

— Пустое дѣло,—отвѣчалъ, махнувъ рукой, генераль.— Вы можете-быть не любите прямого слова; въ такомъ случаѣ извините меня, что я вамъ такъ говорю, но только, по-моему, все это больше ничего какъ отъ бездѣлья рукодѣлье. Иѣтъ, вы опшишите-ка насъ всѣхъ хорошенько, если умѣете,—вотъ это дѣло будетъ! Я знаю, что будь здѣсь покойный Гоголь, или Несторъ Васильичъ Кукольникъ, они бы отсюда по сту томовъ написали. Сюда прежде всего надо хорошаго писателя, чтобъ онъ все это описалъ, а потомъ хорошаго боевого генерала, чтобъ онъ всѣхъ отсюда вонъ выгналъ. Вонъ чтò здѣсь нужно, а не больницы, о которыхъ васъ никто не проситъ. Чего вы ихъ насильно-то навязываете? Молчать и еще, какъ Шевченко писалъ, «на тридцати языкахъ молчать», а молчать, значитъ «благодѣствуютъ».

Генераль опять засмѣялся и потомъ неожиданно спросилъ:

— Вы Шевченку покойнаго не знали?

Я отвѣчалъ, что не зналъ.

— А ко мнѣ его одинъ полицеймейстеръ привозилъ. Расхвалилъ каналья, что будто «стихи, говоритъ, отличные на начальство знаетъ». Ну, молъ, пожалуй, привезите: и точно недурно, даже можно сказать очень недурно: *Сонъ*, *Кавказъ* и *Къ Памятнику*, но больше всего поля-

ковъ терять не могъ. Ухъ, батюшка мой, какъ онъ ихъ, бездѣльниковъ, ненавидѣлъ! То-есть это просто чортъ знаетъ что такое! *Гайдамаки* читаетъ и кричитъ: «будемъ, будемъ рѣзать тату!» И ужъ и окна велѣлъ позаторять... противъ поляковъ это знаете, не безопасно,—и послѣ цѣлую недѣлю лонатою голосою изъ комнаты выгребали,—столько онъ накричалъ.

— Но вы же вѣдь, ваше превосходительство, — спрашиваю, — кажется и сами очень изволите не любить поляковъ?

— Поляковъ? нѣтъ, я враждебнаго противъ нихъ не имѣю ничего... а любить ихъ тоже не за что. Аристократички, трусы, дрянъ, хвастуны, интриганы и рухавка... ухъ, какая рухавка! Ухъ, ухъ, ухъ, какая рухавка! Такіе бездѣльники, что съ ними драться-то даже не съ кѣмъ. Какъ въ шакалку не надо стрѣлять, потому что ружье опоганишь, такъ и въ поляка; на него хорошаго солдата посылать жалко. Въ послѣднее повстанье я шелъ усмирять ихъ, думалъ, что авось тѣ каналы, которые въ нашихъ корпусахъ и академіяхъ учились, хоть тѣ, хоть для гонора, для шика не ударятъ лицомъ въ грязь и непрактикуютъ нашихъ молодыхъ солдатиковъ, — какъ-нибудь соберутся насъ поколотить. Ничего не бывало: вѣрвали, рухавка этакая канальская, что Наполеонъ на нихъ смотритъ, а смотрѣть-то и не на что. Подлѣйшая для насъ война была! Если бы не кое-какія свои старыя хитрости—просто бы несчастье: могли бы деморализоваться войска. У меня въ два мѣсяца одинъ офицеръ влюбился въ польку и убѣжалъ, одинъ въ карты проигрался и застрѣлился, да два солдата съ ума сошли. Сноситесь объ этомъ по начальству, пишите въ Петербургъ: много тамъ поймутъ боевое дѣло «военные чиновники» и «моменты»!.. Я, — вѣчное благодареніе Творцу и Создателю (генераль набожно перекрестился),—я вышелъ изъ затрудненій безъ петербургскихъ наставленій.

Я говорю: «Я слушаю, ваше превосходительство, съ крайнимъ любопытствомъ».

Генераль сталь продолжать.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

— Я, говоритъ,—дѣйствовалъ на корень: офицеры и солдаты скучали; надо было ихъ развлечь, а въ деревушкѣ

чѣмъ же ихъ развлечь? Вижу, бывало, что ужъ очень за- тосковали и носы повѣсили, ну, и жаль ихъ бывало; и го- ворю: ну, ужъ чертъ васъ возьми, прозѣвайте такъ и быть: выпустите человѣкъ пять плѣнныхъ изъ сарая, пускай они по лѣсу побѣгаютъ. А какъ тѣ побѣгутъ, пошлешь за ними погоняться,—народъ немножко и поразсѣется. Но только вѣдь подите жъ вы, треаннаемскія ихъ души, эти поля- чиники: совсѣмъ отъ меня бѣгать не стали. «Бѣгите, паны», шепчуть имъ подученные люди,—идти, не идутъ! По пяти цѣлковыхъ, наконецъ, черезъ вѣрныя руки давалъ каж- дому, который согласится бѣжать: деньги возьмутъ—а не бѣгутъ. Самъ наковецъ, лично, съ глаза на глазъ ихъ под- манивалъ: «Эхъ, говорю, паны братья, какая большая банда здѣсь недалеко въ лѣсу есть!—такая, молъ, что даже боимся ее». Не идутъ да и только!

— Но позвольте же, возражаю,—но откуда же плѣнные-то у васъ взялись?

— А это какіе-то старые, еще до монхъ времяя попада- лись. Я ихъ по наслѣдству получилъ. При мнѣ шаталась какая-то горстка, человѣкъ въ шестьдесятъ; солдатики че- ловѣкъ сорокъ изъ нихъ закололи, а человѣкъ двадцать взяли. Я приказалъ тройку повѣсить, а человѣкъ пятнад- цать назадъ выпустить, чтобы рассказывали, какой съ ними у меня судъ; съ тѣхъ поръ въ моемъ районѣ все и стихло.

— Какъ же это, спрашиваю, вы безъ суда сейчасъ и повѣсили?

— Ну, вотъ еще, судить! Чего жъ поляковъ судить? Который виновать?—Они всѣ виноваты, а котораго повѣ- сить, это солдаты гораздо правосуднѣ чиновниковъ разби- раютъ: которые потяжеле, пошибче рапены, тѣхъ и вздер- нуть, а которые поздоровѣи и порѣзвѣи—тѣхъ выпустить, чтобы дальше пробѣжали да понагнали страху, какъ ихъ москали пробираютъ. Зато этакой просто какъ заяцъ летить и службу свою мнѣ лучше всякой газеты исполняетъ. Они, впрочемъ, и вообще народъ исполнительный, ни съ гѣмъ на свѣтѣ такъ не легко управляться, какъ съ поляками. Они къ европейской политикѣ, дѣйствительно, довольно непонят- ливы, по своей безтолковости: потому и Наполеона ждуть къ себѣ; но зато отъ природы сотворены, чтобы русской политикѣ подчиняться, и, сами того не созавая, очень ее

любятъ, право. Съ полякомъ, вѣдь, главное, не надо только церемониться и антимоіи разводиться; вѣрнѣе оиъ—не кори его ничѣмъ, а если нашелъ у него порохъ въ фортеціано,—какъ я у одного своего пріятеля отыскалъ... тутъ же положилъ его на фортеціано да велѣлъ казакамъ хорошенько нагайками выпоротъ, а потомъ оиъ опять обѣдать его зазвалъ—и ничего. Полякъ за это никогда не сердится. Напротивъ, этотъ мой пріятель, послѣ того, какъ я его выпоролъ, даже всемъ меня хвалилъ—трубою про меня трубилъ: «остро, говорить, постемное, — але человекъ, барздо почтивый!». Вѣдь и вся эта рухавка-то вышла изъ-за церемоніи. все это «пять офяръ», пять варшавскихъ мертвецовъ надѣлали. Говоръ пошелъ: «стрижлийонъ насъ, нане москали!» Ну, вогъ вамъ и претекстъ для жалобъ и къ Наполеону, и къ Европѣ. Кровь, знаете, благородное дѣло! Тутъ и панъ Халевскій, и панъ Маляевскій—все въ азартъ входятъ: «и меня и меня, говорятъ, ледви не застрижлили!» А надо было никого не убивать, и даже холостымъ зарядомъ не стрѣлять, а казаковъ съ нагайками на нихъ, да пожарную команду съ водой. Какъ испорили бы ихъ хорошенько, да водой какъ куръ облили бы,—они бы и молчали, и не стали бы хвалиться, что «и я въ скурѣ досталъ», и «мигъ воды за шіе заляли!» а напротивъ, стали бы все перекоряться—Стасъ на Яся, а Ясь на Стася,—дескать «меня не обливали» и «меня нагайкой не дупили». Что бы тутъ дипломаты вашей Европы-то, за кого бы стали заступаться, когда и обиженныхъ нѣтъ? Надо, вѣдь, всегда играть на благородныхъ страстяхъ человека, а такового у поляковъ есть гордость: вотъ и надо бы не стрѣлять въ нихъ, а пороть да водою окачивать.

— Я полагаю, что ваше превосходительство шутите?

— Нимало-съ; да что же шуточнаго во всемъ томъ, что я вамъ говорю?

— Помилуйте, да что же бы, въ самомъ дѣлѣ, Европа-то тогда о насъ сказала?

— А вотъ теперь, небось, она зато про васъ очень хорошо говоритъ! А я бы, будь моя воля, я бы и Европу-то всю выпоролъ.

И даже не выдержалъ и раземѣялся.

— За что же, молю, ваше превосходительство, вы такъ строго хотите обойтись съ Европой?

— Съ Европой-то-съ! Господи помилуй: да мало ли на пей, на старой грѣшницѣ, всякихъ вишь и неправдъ? И мотовство, и фатовство, и лукавство, и черезъ нее, проклятую цивилизацію, сколько рабочихъ рукъ отъ сохи оторвано, и казенную амуницію рветь. — да еще не за что ее пороть. Нѣтъ-съ; пороть ее, пороть!

— Если дастся.

— Вздоръ-съ! Разумѣется, если ее дипломатическимъ путемъ къ тому приглашать, она не дастся, а кличь по землѣ русской кликнуть... какъ Бирнамскій лѣсъ съ прутьями пойдѣмъ и всѣхъ перепоремъ, и славянъ освободимъ, и Константинополь возьмемъ, и Парижскую губернію учредимъ, — и сюсюку Дергальскаго туда губернаторомъ посадимъ.

— Ну-съ, говорю, — о Парижской губерніи, я полагаю, теперь намъ ужъ не время думать, когда тамъ Бисмаркъ и Мольтке хозяйничаютъ.

— А что же такое ваши Бисмаркъ и Мольтке?

— Геніальные люди.

— Вздоръ-съ, мы всѣхъ поколотимъ.

Я усомнился и поставилъ на видъ превосходное устройство нѣмецкихъ силъ и образованность ихъ военачальниковъ.

— Вздоръ-съ, — возразилъ генераль. — Пусть себѣ они и умны, и учены, а мы все-таки ихъ поколотимъ.

— Да какимъ же образомъ?

— Да такимъ образомъ, что они тамъ своими умами да знаніями разочтуть, а мы имъ такую глупость удеремъ, что они только рты разинуть. Гдѣ по ихъ, по-ученому, намъ бы надо быть, тамъ гасъ никого не будетъ, а гдѣ насъ не потребуется, тамъ мы всѣ и явимся и поколотимъ, и опять въ Берлинъ Дергальскаго губернаторомъ посадимъ. Какъ только дипломатія отойдетъ въ сторону, такъ мы сейчасъ и поколотимъ. А то дипломаты!... сидятъ и смотрятся какъ нарцисы въ свою чернильницу, а боевые генералы плѣсенью обрастаютъ и съ голоду пухнуть.

ГЛАВА СЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Я помолчалъ и потомъ тихо замѣтилъ генералу, что, однако, и дипломатическихъ пріемовъ огуломъ осуждать нельзя.

— Я и не спорю-съ противъ этого, — отвѣчалъ генераль. —

И я сама дипломатин не отвергаю, но только я не отвергаю настоящей дипломатин, короткой. Отвѣть такъ, чтобы про твой отвѣтъ и рассказывать было нельзя. Со мною и съ самимъ бывали случаи, что я держался дипломатин. Я разъ прихожу, не помню, гдѣ-то въ Германіи, какого-то короля хотѣлъ посмотрѣть. Ыздилъ по Рейну, глядѣлъ-глядѣлъ на эти кириичи, которые называютъ «развалинами»,—страсть надоѣло. Дай на другое взгляну: наговорили про одинъ дворецъ, что очень хороши и очень стоить, чтобы взглянуть, я и пошелъ. Прихожу-съ; а тамъ внизу передъ самою лѣстницей сидитъ ибменъ и показываетъ мнѣ, скотина, пальцемъ на этакія огромныя войлочные калоши.

«— Это, моль,—что такое?»

«— Надѣнь, говорить.

«— Зачѣмъ же, моль,—я ихъ стану надѣвать?»

«— А затѣмъ, что безъ того, говорить,—по дворцу не пойдешь.

«— Ахъ ты, говорю, каналья этакая! Да я у своего государя не по такому дворцу, да и то безъ калоши ходилъ,—а стану я для твоего короля шуткомъ наряжаться!

«— Ну, такъ вотъ, говорить,—и не пойдешь!

«А я плюнулъ ему въ эти кенъги и сказалъ:

«— Ну, такъ вотъ, скажи же своему королю, что я ему въ калоши плюнулъ...

«Справлялся послѣ этого, сказали ли что-нибудь объ этомъ королю? ничего не сказали. Такъ и присохло. Вотъ такой тонъ, по-моему, должна держать и дипломатія: чтобы плюнулъ кому, и присохло! На насъ, боевыхъ генераловъ, клеветаютъ, будто мы только какъ цѣпныя собаки нужны. когда насъ надо спустить, а въ системѣ мирнаго времени ничего будто не понимаемъ. Врутъ-съ! А спросите-ка... теперь вотъ всѣ газетчики взялись за то, что въ Польшѣ одна неуклонная система должна заключаться въ томъ, чтобы не давать полякамъ забываться; а я-съ еще раньше, когда еще слуха о послѣдней рухавкѣ не было, говорилъ: закажите вы въ Англии или въ Америкѣ гуттаперчеваго человѣка, одѣвайте его то паномъ, то ксендзомъ, то жидомъ, и возите его года въ два разъ по городамъ и вѣшайте. Послушайся они этого моего совѣта,—никто бы и

не ворохнулся, и капли крови не было бы пролито. Да что и говорить!

Генераль махнулъ рукой и добавилъ:

— Хоть бы на будущее-то время послушнѣе были, да за-года теиерь такую штуку принасли бы, да по Ревелю, да по Ригѣ повозили нѣмцемъ одѣтую, а то вѣдь опять, гляди, скоро понадобится нѣмцевъ колоть. А миѣ, какъ хотите, миѣ нѣмцевъ жалко: это не то, что гоноровое полячье без-мозглос, — это люди обстоятельные и не перепортъ мы ихъ сами, они пріятнѣйшіе соотечественники намъ были бы. Я помню, самъ въ Остзейскомъ краѣ два года стоялъ при покойномъ императорѣ, такъ эти господа нѣмцы намъ первые друзья были. Бывало, ничего каналья и по-русски-то не понимаеть, а даже наши пѣсни поеть: замѣсто «по мосту-мосту» задуваетъ:

Офъ демъ брике, брике, брике,
Офъ демъ калиншевъ брике.

А нынче вонъ, пишутъ, и они ужъ Wacht am Rhein заѣли и заиграли. Кто же, какъ не сами мы въ этомъ виноваты? Ну и надо теиерь для ихъ спасенія, по крайней мѣрѣ, хоть гуттаперчевую куклу на свой счетъ заказывать, да какимъ-нибудь ее колбасникомъ или гофъ-герихтомъ наряжать и провѣшивать, чтобъ надъ живыми людьми не пришлось этой гадости дѣлать.

— А не находите ли вы, спрашиваю, — опасности въ томъ, что нѣмцы провѣдали бы, что человекъ-то, котораго вѣшаютъ, сдѣланъ изъ гуттаперчи?

— Ну, такъ что же такое, что провѣдали бы? Да имъ даже подъ рукою можно было бы это и рассказывать, а они все писали бы, что «москали всѣхъ повѣшали»; ученая Европа и порѣшила бы, что на Балтійскомъ поморьѣ нѣмцевъ ужъ нѣтъ, что нѣмцы всѣ ужъ перевѣшаны, а которые остались, тѣ, стало-быть, наши. Тогда они — послѣ пиши не пиши — никто заступаться не станетъ, потому что поляковъ ужъ нѣтъ, всѣ перевѣшаны; а за русскихъ заступаться не принято. — и весь бы этотъ дурацкій остзейскій вопросъ такъ и порѣшился бы гуттаперчевою куклой.

— Куклой!.. ну, говорю, — ваше превосходительство, те-перь я ужъ даже и не сомнѣваюсь, что вы это все изво-лите шутить.

— Полноте, сдѣлайте милость! Вы меня этимъ даже

обижаете!—возразилъ съ неудовольствіемъ генераль. — А съ другой стороны, я даже и не понимаю, что васъ такъ удивляетъ, что кукла можетъ производить впечатлѣніе? Мало ли развѣ вы видите у насъ куколъ, которыхъ всѣ знаютъ за куколъ, а они не только впечатлѣніе производятъ, но даже рѣшеніемъ вопросовъ руководятъ? Вы здѣшній?

— Да, здѣшній.

— И еще, можетъ-быть, въ здѣшней гимназій обучались? Я отвѣчалъ утвердительно.

— Ну, такъ вы не можете не знать господина Калатузова?

— Какъ же, отвѣчаю,—очень хорошо его знаю.

— Дуракъ онъ?

— Да, не умелъ.

— Чего не уменъ, просто дуракъ. Я и отца его зналъ, и тотъ былъ дуракъ, и мать его зналъ—и та была дура, и вся родня ихъ были дураки, а и они на этого всѣ дивовались, что уже очень глушь: никакъ до десяти лѣтъ казанскаго мыла отъ пряника не могъ отличить. Если, бывало, какъ-нибудь мать въ банѣ въ сторону засмотрится, онъ сейчасъ все мыло и поѣстъ. Людей сколько за это поролн. Просто отчаянье! До восемнадцати лѣтъ дома у гувернантки учился, пока ее обнимать началъ, а ничему не выучился; въ гимназій въ первый классъ по девятинадцатому году отдали и черезъ пять лѣтъ изъ второго класса назадъ вынули. Ни къ одному мѣсту не годился,—а вонъ добрые люди его въ Петербургъ научили газету издавать, и пошло, и заговорили про него, какъ онъ вопросы рѣшаетъ. Вотъ вы его посмотрите: вчера былъ у меня; пріѣхалъ въ земство, гласнымъ выбранъ ради своего литературнаго значенія и будетъ голосъ подавать.

— Что же, спрашиваю,—поумнѣлъ онъ хотя немножко, редакторствуя?

— Какое же поумнѣть? Мыла, разумѣется, ужъ не ѣстъ; а пока сидѣлъ у меня—все пальцами носъ себѣ чистилъ. Изъ ничего вѣдь, батюшка, только Богъ свѣтъ создалъ, да и это нынѣшніе ученые у Него оснашиваютъ. Нѣтъ съ; сей Калатузовъ только помудренѣлъ. Спрашиваю его, что какъ его дѣла идутъ?

— Или, говорить,—хорошо, а съ прошлаго года пошли хуже.

— Отчего же, моль, это?

— Западъ, говорить,—у меня отвалилися.

— Ну, вы, конечно, это горе поправили?

Думаль онъ думаль:—м-да,—отвѣчаеть,—поправиль.

— Ну, и теперь, значить, опять хорошо?

— М-да, не совсѣмъ: теперь востокъ отпаль.

— Фу, говорю,—какое критическое положеніе: этакъ все, пожалуй, можетъ разсыпаться?

Думаль, опять думаль и говорить, что можетъ.

— Такъ нельзя ли, моль, какъ-нибудь такъ, чтобы и востоку, и западу приходилось по вкусу?

— М-можно, да... людей нѣтъ!

— Что такое?—Удивился, знаете, безмѣрно, что ужъ даже и пѣтый дуракъ и тотъ на безлюдье жалуется.—Что такое, переспрашиваю,—и получаю въ отвѣтъ:

— Людей нѣтъ.

— Въ Петербургѣ-то способныхъ людей нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Не вѣрю, говорю.—Вы поискали бы ихъ поприскайте, какъ голодный хлѣба ищеть.

— Искать,—отвѣчаеть.

— Ну, и что же? Неужто нѣтъ?

— Нѣтъ.

— Ну, вы въ Москвѣ поискали бы.

— А тамъ, говорить,—и подавно нѣтъ. Нынче ихъ нигдѣ ужъ нѣтъ; нынче надо совсѣмъ другое дѣлать.

— Что такое? любопытствую.—Разскажи, моль, дура любезная, удиви, что ты такое надумала? А онъ-съ меня, дѣйствительно, и удивилъ!

— Надо, отвѣчаеть,—разомъ два изданія издавать: одно такъ, а другое иначе.

— Ну, скажите Бога ради, не тонкая ли бестія?—воскликнулъ, подскочивъ, генераль.—Видите выдумаль какой способъ! Теперь ему всѣ будутъ кланяться, вотъ увидите, и занскивать стануть. Не утаю грѣха,—я ему вчера первый поклонился: начнете, моль, нашего брата солдата въ одномъ изданіи ругать, такъ хоть въ другомъ поддержите. Мы, моль, за то подписываться станемъ.

— М-да, говорить,—въ другомъ мы поддержимъ.

— Такъ вотъ-съ, сударь,—заговорилъ, выпрямляясь во весь ростъ, генералъ:—вотъ вамъ въ нашъ вѣкъ кто на всѣхъ угодить, кто всѣмъ тонъ задасть и кто прочіе всѣхъ на землѣ водворитъ: это — *безнатурный дуракъ!*

ГЛАВА ВОСЬМИДЕСЯТАЯ.

Это было послѣднее слово, которое я слышалъ отъ генерала въ его домѣ. Затѣмъ, по случаю наступившихъ сумерекъ, старикъ предложилъ мнѣ пройтись, и мы съ нимъ долго ходили, но я не помню, что у насъ за разговоръ шелъ въ то время. Въ памяти у меня оставалось одно пугало: «безнатурный дуракъ», угрожая которымъ Перловъ говорилъ не только безъ шутки и прощія, а даже съ яростію, съ непримиримою досадою и съ горькою слезой на рѣсницахъ.

Старикъ проводилъ меня до моей квартиры, и здѣсь, крѣпко сжимая мою руку, еще нѣсколько минутъ на кого-то все жаловался; упоминалъ упавшимъ голосомъ фамиліи нѣкоторыхъ важныхъ лицъ петербургскаго высшаго круга и, въ заключеніе, вздохнувъ и потягивая мою руку книзу, прошепталъ:

— Вотъ такъ-то-съ царскаго слугу и изогнули какъ дугу!—а затѣмъ быстро спросилъ:—вы сейчасъ ляжете спать дома?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я:—я еще поработаю надъ моею запиской.

— А я домой только завтра, а до утра пойду въ дворянскій клубъ спать: я тамъ такимъ манеромъ предводительскаго зятя мучу: я силю, а онъ дежуритъ, а у него жена молодая. Но зато штрафъ шельмовскій дорого стѣитъ.

Тягостнѣйшія на меня нанали размышленія: фу ты, думаю себѣ, да что же это, въ самомъ дѣлѣ, за потоки съ имбиремъ, ничего не разберемъ! Что это за люди и что за странная у всѣхъ заботы, что за скорби, страсти и волненія? Отчего это все такъ духомъ взмѣшалось, взбуровилось и что, наконецъ, изъ этого всего выйдетъ? Что снимется пѣною, что падетъ осадкой на дно и что отстоится и пойдетъ на потребу?

А генерала жалко. Изъ всѣхъ людей, которыхъ я встрѣтилъ въ это время, онъ положительно самый симпатичнѣйшій человѣкъ. Въ немъ какъ-то все пріятно: и его голосъ,

и его манеры, и его тонъ, въ которомъ не отличишь прони и шутки отъ серьезнаго дѣла, и его гнѣвъ при угрозѣ господствомъ «безнатурнаго дурака», и его тихое: «вотъ и царскаго слугу изогнули какъ въ дугу», и даже его не совсемъ мнѣ понятное намѣреніе идти въ дворянскій клубъ спать до свѣта.

Да, онъ положительно симпатичнѣе всѣхъ... кромѣ пристава Васильева. Ахъ, Боже мой: зачѣмъ, однакоже, до сихъ поръ не навѣщу въ сумасшедшемъ домѣ моего бѣднаго философа и богослова? Что-то онъ, какъ тамъ ориентировался? Находитъ ли еще и тамъ свое положеніе споснымъ и хорошимъ? Это просто даже грѣхъ позабыть такую чистую душу... Рѣшилъ я себѣ, что завтра же непременно къ нему пойду, и съ тѣмъ легъ въ постель.

Записка не пишется, да и что писать—самъ не знаю, а ужъ въ умѣ у меня начали зарождаться лукавые замыслы, какъ бы свалить это дѣло съ плечъ долой.

— Не совсемъ это нравственно и благородно, думаю я,— засыпая, ну да что же подѣлаешь, когда ничего иного не умѣешь? Конечно, оно можно бы... да настойчивости и цѣлкости въ насъ нѣтъ... Лѣкарь Отрожденскій правъ: кажется, действительно, народъ еще можетъ быть предоставленъ пока своей смерти и сойдется съ ней и безъ медицинскои помощи... Однако, какъ это безнравственно!.. Но... но Перловъ «безнатурнымъ дуракомъ» грозитъ... Страшно! Глушь-то такъ со всѣхъ сторонъ и напираетъ, и не ждетъ... Вздоры и раздоры такъ всѣхъ и засасываютъ... И вдругъ, среди сладкой дремоты, завязывающей и пугающей эти мои соображенія, я чувствую толчокъ какою-то мягкой и доброю рукой, и тихій голосъ прошепталъ мнѣ надъ ухомъ: «Спи! это все сонъ!.. все это сонъ. Вся жизнь есть сонъ: проснешься, тогда поймешь, зачѣмъ все это путается».

Я узналъ голосъ становаго Васильева и... уснулъ, а утромъ просыпаюсь, и первое, что меня осѣнило: зачѣмъ же, однако, *мнѣ* поручили составить эту записку?—*мнѣ*, который не знаетъ Россіи, который менѣе всѣхъ ихъ живетъ здѣсь?

— Позвольте, позвольте!—воскликнулъ я вдругъ, хвативъ себя за голову. — Да я въ умѣ ли или нѣтъ? Что же это такое: я вѣдь ужъ не совсемъ понимаю, напримѣръ, что въ словахъ Перлова сказано на смѣхъ, и что възаправду

имѣть смыслъ и могло бы стоить вниманія?.. Что-то есть такого и много!.. Позвольте... позвольте! Они (и у меня уже свои многочисленныя *они*), они свели меня умышленно съ ума и... кто же это на-смѣхъ подвелъ меня писать записку? Нѣтъ! это не просто... это...

И вскочилъ, одѣлся и побѣжалъ къ Дергальскому.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЕРВАЯ.

Застаю его дома, отвожу потихоньку въ сторону и секретно спрашиваю: не писалъ ли когда-нибудь кому-нибудь Фортунатовъ, чтобы пригласить меня къ составленію предварительной записки объ учрежденіи врачебной части въ селеніяхъ?

— Позвольте, отвѣчаю,—я сейчасъ сляплюсь.

Юркнулъ куда-то въ шкафъ, покопошился тамъ, пошелестилъ бумагами и отвѣчаю:

— Есть! писалъ!

И съ этимъ подаетъ мнѣ смятое письмо съ рубцомъ отъ бечевки, которою была стянута пачка.

Это было письмо Фортунатова къ предводителю моего уѣзда. Касающаяся до меня фраза заключалась въ слѣдующемъ: «Кстати, къ вамъ, по сосѣдству, пріѣхать помѣщикъ Орестъ Ватажковъ; онъ человекъ бывалый за границей и навѣрно близко знаетъ, какъ въ чужихъ краяхъ устриваютъ врачебную часть въ селеніяхъ. Прихватите-ка и его сюда: дѣло это непременно надо свалить къ чорту съ плечъ».

— Да, вѣдь, предводитель, замѣчаю,—этого письма не получилъ?

— Какъ же... нѣтъ, получилъ.

— Какъ же получилъ, когда оно здѣсь у васъ?

— Да, да, да... ошъ, стало-быть, не получилъ.

Я простился и иду домой, и вдругъ узнаю изъ непосредственнаго своего доклада, что я уже самъ путаюсь и сбиваюсь, что я уже полонъ подозрѣній, недовѣрій, что хожу потихоньку освѣдомляться, кто о чемъ говорилъ и писалъ, что даже самъ читаю чужія письма... вообще веду себя скверно, гадко, неблагородно, и имя мнѣ теперь... *интриганъ!*

Я встрепенулся и остолбенѣлъ на мѣстѣ. Я испугался этого ужаснаго, позорнаго имени, тѣмъ болѣе, что самъ не могъ дать себѣ отчета: слышу ли я это слово внутри себя,

или... или я даже изловленъ на интриганствѣ и подвергаюсь позорному обличенію.

Увы! это было такъ: глаза мои сказали мнѣ, что я пойманъ.

Поймать меня тотъ шуковатый полицеймейстеръ, котораго я видѣлъ у губернатора. Чортъ его знаетъ, откуда онъ проѣзжалъ мимо квартиры злосчастнаго Дергальскаго и по какому праву онъ, съ самою возмутительною фамиллярностью, погрозилъ мнѣ, шутя, пальцемъ и въ силу чего онъ счелъ себя въ правѣ назвать меня интриганомъ. Фуи, неужто же такъ черезчуръ легко запутаться и... даже падать? А вѣдь, какъ хотите, неумѣстная и бессмысленная фамиллярность полицеймейстера не что иное, какъ признакъ весьма не высокаго положенія моихъ фондовъ. Когда же я ихъ такъ уронилъ и чѣмъ именно? Это преглупо и предосадно.

Я возвратился домой въ самомъ дурномъ расположеніи духа, но только-что переступилъ порогъ, какъ сейчасъ же утѣшился: у себя я, сверхъ всякаго ожиданія, нашелъ генерала Перлова.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВТОРАЯ.

Старикъ этотъ былъ мнѣ теперь вдвое милъ: я рассказать ему всё свои недоумѣнія и сюрриризы съ такою полною откровенностью, съ какою можно рассказывать свои дѣла только сердечнѣйшему другу. Онъ все молчалъ и сосалъ янтарь своего черешневаго чубука, изрѣдка лишь отзываясь самыми короткими, но опредѣлительными выраженіями. Губернатора назвалъ «свиштуномъ», губернаторшу обругалъ нецензурнымъ словомъ, про Дергальскаго сказалъ, что онъ «балалайка безструнная», а Фортунатова похвалилъ: «этотъ, говоритъ, въ кулакѣ изъ яйца цыпленка выведеть»; а впрочемъ, обо всѣхъ сказалъ, что «всѣ они вмѣстѣ порядочная сволочь», и предлагалъ ихъ повѣсить. Предводителя я ужъ, разумѣется, и не коснулся, но о полицеймейстерѣ рассказалъ, какъ онъ нагло сейчасъ со мною расфамиллярничался.

— Гвардейская привычка-съ, — отвѣчаетъ генералъ. — Я ихъ, этихъ господъ, знаю: былъ и со мной такой случай, что ихъ братія пробовали со мной фамиллярничать, да вѣдь мнѣ въ кашу не плюнешь. Я еще тогда въ маленькомъ чинѣ

служить. Мы не поладили какъ-то за картами. Мнѣ деп-
щикъ ихъ говоритъ: «не ходите, говоритъ, къ намъ больше,
ваше благородіе, а то наши господа хотятъ васъ бить». Я
ему далъ на водку и прихожу и спрашиваю: правда ли,
господа, будто вы хотите меня бить?—«Правда»; а ихъ
осьмеро, а я одинъ. Ну, какъ же вы меня будете бить,
когда васъ осьмеро, а я одинъ?—«А вотъ какъ», отвѣчаетъ
самъ хозяинъ, да прямо меня по щекѣ. Я очень спокойно
говорю: я этому, господа, не вѣрю. Онъ второй разъ. Я
опять говорю,—не вѣрю. Онъ въ третій; ну, тогда я взялъ
его за ноги, взмахнулъ да и началъ имъ же самимъ дѣй-
ствовать, и всѣхъ ихъ переколотилъ и взялъ пзъ-ноды
скамьи помойный тазъ, облилъ ихъ, да и ушелъ.

— Вы очень сильны.

— Нѣтъ, чудовъ двѣнадцать я больше теперь не под-
ниму, а былъ силенъ: два француза меня безоружнаго хо-
тѣли въ плѣнъ отвести, такъ я ихъ за вихры взялъ, лобъ
объ лобъ толкнулъ и бросилъ, больше ужъ не вставали.
Да русскій человѣкъ вѣдь, вообще, если его лѣкарствами не
портить, такъ онъ очень силенъ.

Ахъ, думаю, вотъ эта рѣчь мнѣ очень на руку, и спра-
шиваю: лѣчился ли онъ самъ когда-нибудь?

— Какъ же-съ, отвѣчаетъ.—Я въ медицину не вѣрю,
даже одного лѣкаря разъ выноролъ за ошибку, но я вѣдь
женатый человѣкъ, такъ для женскаго спокойствія, когда
нездоровится, постоянно лѣчусь, но только гомеопатіей и
въ ослабленныхъ пріемахъ.

— Ихъ пріемы-то и вообще, молъ, ужъ ослаблены.

— Ну все-таки, знаете, я нахожу, что еще сильно... все-
таки лѣкарство, и внутрь пускать его не хорошо; а, я, какъ
принесутъ изъ гомеопатической аптеки скляночку у себя
ее на окно за занавѣску ставлю, оно тамъ и стоитъ: этакъ
и жена спокойна, и я выздоравливаю. Вотъ вы бы этотъ
способъ для народа и порекомендовали,—это ужъ самое
безвредное. Ей-Богу!.. Ахъ, да и кстаті: занеску-то свою
бросьте: дворяне ужъ съѣзжаются, и они всѣ будутъ про-
тивъ этого, потому что предводитель хотеть. Вотъ и опишите:
губернаторъ не хотеть, предводитель хотеть, дворянство не
хотеть потому, что предводитель хотеть, а предводитель
хотеть потому, что губернаторъ не хотеть... Вотъ опишите
это, и будетъ вамъ лучшая повѣсть нашего времени, и от-

дадутъ васъ за нее подъ судъ, а судъ оправдастъ, и тогда публика книжку раскупить. Впрочемъ, я предложу Калатузову, не хочетъ ли, я самъ опишу все это въ видѣ романа. Не умѣю, да ничего. Гарибальди пишеть, и тоже довольно скверно. А теперь поѣдемте, я обѣщаю васъ привезти познакомиться къ четверемъ дворянамъ... Отличные ребята, да вы вѣдь и должны имъ сдѣлать визиты какъ пріѣзжіи.

Я поѣхалъ и былъ съ его превосходительствомъ не у четырехъ, а у шести «отличныхъ ребятъ», которые какъ въ одно слово ругали предводителя и научили меня стоять на томъ, что при такихъ повсемѣстныхъ разладахъ ничего предпринимать нельзя и надо все бросить.

— Это все мои молодцы, — пояснялъ мнѣ генералъ, когда мы ѣхали съ нимъ домой. — Это все анти-предводительская партія, и вы ужъ теперь къ предводительскимъ не ѣздите, а то будетъ худо!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ТРЕТЬЯ.

Съ этой поры я, милостивые государи, увидѣлъ себя не только помѣщаннымъ, но даже въ силкахъ, отъ которыхъ такъ долго и ревностно отбивался. И пребывалъ я совсѣмъ отуманенный на засѣданіяхъ, на обѣдахъ, даваемыхъ, по здѣшнему выраженію, съ «генераломъ Перловымъ»; былъ приглашаемъ «на генерала Перлова» и утромъ, и вечеромъ я слушалъ, какъ онъ жестоко казнилъ все и всѣхъ. Самъ я больше молчалъ и отзывался на все только изрѣдка, но представьте же себѣ, что при всемъ этомъ... меня изъ губерніи выслали. Что, какъ и почему? ничего этого не знаю, но пріѣхалъ полицеймейстеръ и попросилъ меня уѣхать. Ходилъ я за объясненіями къ губернатору — не привялъ; ходилъ къ Фортунатову — на нервы жалуется и говоритъ: «ничего я, братецъ, не знаю»; ходилъ къ Перлову, — тотъ говоритъ: «повѣсите бы ихъ всѣхъ и больше ничего, но вы, говорить, — погодите: я съ Калатузовымъ поладилъ и романъ ему сочинять буду, тамъ у меня все будетъ описано».

Навѣстилъ въ послѣдній вечеръ становаго Васильева въ сумасшедшемъ домѣ. Онъ спокоенъ какъ нельзя болѣе.

— Какъ же, говорю, — вы это все сносите?

— А что жъ? отвѣчаетъ, — тутъ прекрасно, и знаете ли, я здѣсь даже совершенно успокоился насчетъ многого.

— Опредѣлились?

— Совершенно опредѣлился. И христіанство, какъ религію, теперь совѣшь отвергаю. Миѣ въ этомъ очень много помочь здѣшній прокуроръ; онъ насъ навѣщаетъ и даетъ миѣ *Recue Spirite*. И прошился этимъ ученіемъ и, усвоивъ его, могу оставаться членомъ какой угодно церкви; передъ судомъ спиритизма религіозныя различія — это не болѣе, какъ «сбыман известной гостиниой», — не болѣе. А вѣдь въ чужомъ домѣ надо же вести себя такъ, какъ тамъ принято. Внутреннихъ моихъ убѣжденій, *истиной* моею вѣры, я не обязанъ предъавлять и осуждать за пновѣрство тоже нужды не имѣю. У спиритовъ это очень ясно; у нихъ, впрочемъ, все ясно: виноватыхъ нѣтъ, но не абсолютно. Преступленіе воли карается, но кара не вѣчна; она смягчается по мѣрѣ заслугъ и смываетъ преступленія воли. И очень радъ, что миѣ назначили этотъ экзамень здѣсь.

— Будто, говорю, — ваше спокойствіе нимало не страдаетъ даже отъ здѣшняго общества?

— И этого не сказать, *мое*... Что *мое*, то, можетъ-быть, немножко и страдаетъ, но вѣдь это кратковременно и потому все это плоды *нашей* цивилизаціи (вы вѣдь, конечно, знаете, что увеличеніе числа помѣшанныхъ находится въ известномъ отношеніи къ цивилизаціи: мужиковъ сумасшедшихъ почти совѣшь нѣтъ), а зато я, самъ я (Васильевъ просіялъ радостью), я спокоенъ какъ нельзя болѣе и... вы знаете оду Державина *Безмертіе души*?

Наизусть, отвѣчаю, не помню.

— Тамъ есть такіе стихи:

Отъ безконечной единицы,
Въ комъ вѣсьхъ существъ вратится кругъ,
Какія бь ни текли частицы,
Вѣсь живы, вѣчны, вѣченъ духъ!

Безконечная единица и ея частицы, въ ней же вращающіяся... вы это понимаете?

— Интересуюсь, говорю, — знать отъ васъ, какъ вы это понимаете?

— А это очень ясно, — отвѣчалъ съ безпредѣльнымъ счастіемъ на лицѣ Васильевъ: — частицы здѣсь и въ другихъ областяхъ; онѣ тутъ и тамъ испыгиваются и совершенствуются и когда освобождаются, входятъ снова въ составъ

единицы и потомъ снова развиваясь текутъ... Вамъ, я вижу, это непонятно? Мы съ прокуроромъ вчера выразили это чертежами.

Васильевъ вынулъ изъ большичнаго халата бумажку, на которой были начерчены одинъ въ другомъ три круга, начинающіеся на одной чертѣ и затухеваемые снизу на равное пространство.

— Видите, все, что темное — это сонъ жизни, или теперешнее наше существованіе, а все свободное теченіе — это настоящее бытіе, безъ кожаной ризы, въ которой мы здѣсь спеленуты. Тѣло душевное бросается въ затухеваемой площади, а тѣло духовное, о которомъ говоритъ апостоль Павелъ, течетъ въ сіяніи міровъ. Послѣ каждаго пробужденія кругозоръ все шире, видѣніе все полнѣе, любовь многообъемлюще, прошеніе неограниченнѣе... Какое блаженство! Но... зато вы видите: преграды все возвышаются къ его достиженію. Вы знаете, отчего у русскихъ такъ много прославленныхъ святыхъ и тьмы тьмъ не прославленныхъ? Это все оттого, что здѣсь еще недавно было такъ страшно жить, оттого, что земная жизнь здѣсь для благороднаго духа легко и скоро теряетъ всякую цѣну. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи у насъ и теперь еще довольно благоприятно. Да, да, Россія въ экзаменаціонномъ отношеніи, конечно, и теперь еще, вообще, наилучшее отдѣленіе: здѣсь человѣкъ какъ золото выгораетъ отъ несправедливости; но вотъ намъ дѣлается знакомо правосудіе, расширяется у насъ мало-помалу свобода мысли, вообще становится нѣсколько легче, и я боюсь, не станутъ ли и здѣсь люди вѣрить, что тутъ ихъ настоящая жизнь, а не... то, что здѣсь есть на самомъ дѣлѣ...

— То-есть?

— То-есть исправительный карцеръ при сумасшедшемъ домѣ, въ который насъ сажаютъ для обуздыванія нашей злой воли.

— Прощай, думаю, — мудрецъ въ сумасшедшемъ домѣ, — и съ этимъ, пожелавъ ему счастья, уѣхалъ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТАЯ.

Черезъ сутки я былъ уже въ Москвѣ, а на третій день, усаживаясь въ вагонъ петербургской дороги, очутился носъ

къ носу съ моимъ ѳзднымъ знакомцемъ и рѣшительнымъ посредникомъ Готовцевымъ.

— Батюшка мой! Васъ ли я вижу? — восклицаетъ онъ, окидывая меня величественнымъ взглядомъ.

— Я, говорю,—что, съ своей стороны, могу болѣе подивиться, онъ ли это?

— Отчего же?..

— Да оттого, что вы такъ недавно были заняты службой.

— Полноте, Бога ради; я ужъ совсѣмъ тамъ не служу; меня *они*, бездѣльники, вѣдь подъ судъ отдали.

— За школы?

— Представьте, да, за школы. Прежде воспользовались ими и получили благодарность за устройство, а потомъ... Подлецъ, батюшка, вашъ Fortunатовъ! Губернаторъ человекъ верѣшительный, но онъ благороднѣе: онъ вспомнилъ меня и сказалъ: «Надо бы и Готовцева къ чему-нибудь представить». А бездѣльникъ Fortunатовъ: «Представить бы, говорить,—его къ ордену *бышеной собаки!*» Ну, не скотъ ли и не цыникъ ли? Пошелъ доказывать, что меня надо... подобрать... а губернаторъ безъ рѣшимости... онъ сейчасъ и согласенъ, и меня не только не наградили, а остановили на половинѣ дѣла; а тутъ еще земство начинаетъ дѣйствовать и тоже взялось за меня, и вотъ я подъ судомъ и ѳду въ Петербургъ въ министерство, чтобъ искать опоры; и... буду тамъ служить, но ужъ это чортово земство пропеку-сь! Да-съ, пропеку. Вы какъ?

— Со мной, хвалюсь, — поступили тоже не хуже, чѣмъ съ вами, довольно рѣшительно, — и рассказываю ему, какъ меня выслали.

Готовцевъ сатирически улыбулся.

— И вы, говорить,—этакую всякую мѣру считаете «довольно рѣшительною»?

— А вы нѣтъ?

— Еще бы! Я бы васъ за это не высласть, а къ Макару темить гонять послать.

— Но за что же-съ? позвольте узнать.

— А-а! не участвуйте въ комплотахъ. Я вамъ признаюсь, вѣдь все ваше поведеніе для меня было всегда очень подозрительно; я и самъ думалъ, что вы за господинъ такой, что ко всѣмъ ѳздите и всѣхъ просите: «посоветуйте

мнѣ, Бога ради». да все твердите: «народъ, села, села, народъ»... Эй вы, вы!..— продолжалъ онъ, взглядывая на меня провинцательно и грозя мнѣ пальцемъ предъ самымъ носомъ.—Губернатора вы могли надувать, но ужъ меня-то вы не надули: я сразу повялъ, что въ вашемъ поведеніи что-то есть и (добавилъ онъ въ другомъ тонѣ) вы если проиграли вашу нынѣшнюю ставку, то проиграли ее единственно чрезъ свою нерѣшительность. Почему вы мнѣ прямо не высказались?

— Въ чемъ-съ, милостивый государь, въ чемъ?

— Конституціонализмъ вы, или вы радикаль? Выскажитесь вы, и я бы вамъ рискнулъ высказаться, что я самъ готовъ сюда Гамбетту, да-съ, да-съ не Дерби, какъ этотъ губернаторъ желаетъ, а прямо Рошфора сюда и непримиримаго Гамбетту сюда вытребовать... Я самый рѣшительный человѣкъ въ Россіи!

— Нѣтъ, позвольте ужъ васъ перебить: если на то пошло, такъ я знаю человѣка, который гораздо рѣшительнѣе васъ.

— Это кто?

Генераль Черловъ; онъ прямо говоритъ, что если бѣ его воля, то онъ всю Европу бы перепоролъ, а всѣхъ насъ перевѣшалъ бы.

— Да... но вы забываете, что вѣдь между нами съ Черловымъ лежитъ бездна: онъ всѣхъ хочетъ перевѣшать, а я вѣдь противъ смертной казни и въ случаѣ чего-нибудь, я бы первыхъ такихъ господъ самихъ перевѣшалъ, — отвѣчалъ, отворачиваясь, Готовцевъ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ПЯТАЯ.

Живу затѣмъ я цѣлое лѣто въ Петербургѣ и жду денегъ изъ деревни. Скука страшная: жара, духота; Излерь и Бергъ, Альфонсины и Финеты, танцы въ панталонахъ, но безъ увлеченія, и танцы съ увлеченіемъ, но безъ панталонъ, порицаніе сильныхъ и преклоненіе предъ ними, задоръ и безсиліе, кичливость знаніями и литература, получившая наименованіе «орудія невѣжества»... Нѣтъ, нѣтъ, эта страля, можетъ-быть, и дѣйствительно очень хорошее «замѣнаціонное отдѣленіе», но... я слишкомъ слабо приготовленъ; мнѣ нужно что-нибудь полегче, *пооднообразнѣе*,

поспокойнѣе. А пока, дасть Богъ, можно бѣдетъ уѣхать за границу; вспомнилось мнѣ, что я художникъ, и взялся сдѣлать вытравкой портретъ Дмитрія Петровича Журавскаго,—человѣка, какъ извѣстно, всю свою жизнь положившаго на то, чтобъ облегчить тяжелую долю крестьянъ, и собиравшаго гроши своего заработка на ихъ выкупъ... Какъ хотите, характеръ первой величины, — какъ его не передать потомству? Сдѣлалъ доску и понесъ ее въ редакцію одного иллюстрированнаго изданія. «Дарю, молъ, вамъ ее,—печатайте».

Благодарятъ: говорятъ, что имъ этого не надо: это-де *не интересно*.

— Помилуйте, убѣждаю ихъ:—вѣдь это человѣкъ большой воли, человѣкъ *дѣла*, а не фарсовъ, и притомъ человѣкъ, дѣлавшій благое дѣло въ сороковыхъ годахъ, когда почти не было никакихъ средствъ ничего путнаго дѣлать.

— А его, спрашиваютъ,—повѣсили или не повѣсили?

— Нѣтъ, не повѣсили.

— И онъ изъ тюрьмы не уѣжалъ?

Онъ и въ тюрьмѣ-то вовсе не былъ: онъ дѣйствовалъ законно.

— Ну, такъ ужъ это, отвѣчаютъ, даже и совѣмъ не интересно.

Отхожу я, какъ герой сентиментальнаго путешествія Стерна, говорю:

— Нѣтъ, это положительно лучше во Франціи, потому что тамъ даже нашихъ веневскихъ бабъ, Авдотью и Марью, и тѣхъ увѣковѣчили и по сю пору шоколадъ съ ихъ изображеніями продаютъ.

И вотъ-съ дѣла мои идутъ скверно: имѣніе не продается, и я даже зазимовалъ въ Петербургѣ.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТАЯ.

О Рождествѣ меня навѣщаетъ Фортунатовъ: радостный-прерадостный, веселый-превеселый.

— На три дня, говоритъ,—всего пріѣхалъ, и то тебя разыскалъ. Пошли рассказы: губернатора уже нѣтъ: «Онъ очень мнѣ надокучилъ»,—говоритъ Фортунатовъ,—и, наконецъ, я его даванулъ въ затылокъ, такъ что ему сразу больничку въ губы продернули. Полетѣлъ, сердечный, кверху тормашками!

Теперь посмотрю, каковъ будетъ новый. Только ужъ мнѣ все равно: я по земству служу. Теперь въ открытую играть буду». Генераль Перловъ дошелъ, говорить, до обнищанія, потому что все еще ходить въ клубъ спать (такъ какъ предводительскаго зятя опять выбрали старшиною). «Если, — говоритъ упрямый старикъ, — волны не будетъ и романа написать не сумѣю, то мирюсь съ тѣмъ, что не миновать мнѣ долговой тюрьмы». Дергальскій отставленъ и сидитъ въ острогъ за возмущеніе мѣщанъ противъ полицейскаго десятскаго, а приставъ Васильевъ выпущенъ на свободу, итается акридами и медомъ, поднимался вмѣстѣ съ прокуроромъ на небо по лѣстницѣ, которую видѣлъ во снѣ Іаковъ, и держалъ тамъ дебаты о беззаконности наказаній, въ чемъ и духи, и прокуроръ пришли къ полному соглашенію; но какъ господину прокурору нужно получать жалованье, которое ему дается за обвиненія, то онъ увѣренъ, что о невмѣняемости съ нимъ говорили или «легкіе», или шаловливые» духи, которыхъ мнѣніе не авторитетно, и потому онъ спокойно продолжаетъ брать казенное жалованье, говорить о возмутительности вѣчныхъ наказаній за гробомъ и подводить людей подъ возможно тяжкую кару на землѣ.

На этомъ почтвенный читатель, можно бы, кажется, и кончить, но надобно еще одно послѣднее сказацье, чтобъ лѣтопись окончилась моя.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАЯ.

Вотъ въ чемъ-съ должно заключаться это послѣднее сказацье: затянувшаяся бесѣда наша была внезапно прервана неожиданнымъ появленіемъ дядинаго слуги, который пришелъ извѣстить его, что къ нему заѣзжали два офицера отъ генерала Постельникова.

Занимавшій насъ своими разсказами, дядя мой такъ и затрепеталъ; да, признаюсь вамъ, что мы и всѣ-то сами себя нехорошо почувствовали. Страшно, знаете, не страшно, а все, какъ Гоголь говорилъ, — «трясеніе ощущается».

Пристали мы къ слугѣ: какъ это было; какіе два офицера приходили, и зачѣмъ?

— Ничего, говорить, не знаю зачѣмъ, а только очень сожалѣли, что не застали, даже за головы хватались: «что

мы, говорятъ, теперь генералу скажемъ?» и съ тѣмъ и уѣхали. Обищали завтра рано захватить, а я, говоритъ, сюда и побѣжалъ, чтобъ извѣстить.

Добиваемся: не было ли еще чего говорено? Разспрашиваемъ слугу: не замѣтили ли онъ чего особеннаго въ этихъ гостяхъ?

Лакей поводитъ глазами и не знаетъ, что сказать, а намъ кажется, что онъ ни въѣсть что знаетъ да скрываетъ отъ насъ.

А мы его такъ и допрашиваемъ, такъ и шпыняемъ — хуже инквизиторовъ.

Бѣдный малый даже съ толку сбился и зазелеталъ:

— Да Господи помилуй: ничего они особеннаго не говорили, а только одинъ говоритъ: — оставимъ въ конвертѣ; а другой говоритъ: — «нѣтъ это нехорошо: онъ прочтетъ, надумается и откажется. Нѣтъ, а мы его сразу, неожиданно, накроемъ!»

Изволите слышать: это называется «ничего особеннаго»!

Дядя всталъ на ноги и занатался: совсѣмъ вдругъ сталъ боленъ и еле держится.

Уговаривали его успокоиться, просили остаться переночевать, — нѣтъ, и слушать не хочетъ.

Человѣка мы отправили впередъ на извозчикѣ, а сами вдвоемъ пошли пѣшечкомъ.

Идемъ молча, — слово не вяжется, во рту сухо. Чувствую это я и замѣчаю, что и дядя мой чувствуетъ то же самое, и говоритъ:

— У меня, братъ, что-то даже во рту сухо.

Я отвѣчаю, что и у меня тоже.

— Ну, такъ зайдѣмъ, говоритъ, — куда-нибудь пропустить... А?

— Что же, пожалуй, говорю, — зайдѣмъ.

— То-то; оно это и для храбрости не мѣшаетъ.

— Да, очень радъ, отвѣчаю, — зайдѣмъ.

— Только возьмемъ нумерокъ, чтобъ поспокойнѣе... а то я этихъ обидныхъ комнатъ терпѣть не могу... лакей все такъ тебѣ въ ротъ и смотрять.

Понимаю, думаю себѣ, — любезнѣйшій дядюшка, все понимаю.

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ВОСЬМАЯ.

Завернули мы въ одинъ изъ ночныхъ кабачковъ... заняли комнату и заказали ужинъ и... насвистались, да такъ насвистались, что мнѣ стало казаться, что уже мы оба и лыка не вяжемъ.

И все это дядя!

— Пей, да пей, другъ мой, пристрасть. — Наме вѣдь только сегодня, а завтра не наме; да все для храбрости еще да еще...

И сталъ мой дядя веселый, рѣчистый: пошелъ вспоминать про Брюлова, какъ тотъ, уѣзжая изъ Россіи, и платье, и бѣлье, и обувь по сю сторону границы бросилъ; про Нестора Васильевича Кукольника, про Глинку, про актера Соленика и Ивана Ивановича Панаева, какъ они разъ, на Крестовскомъ, варили такую жженку, что у прислуги отъ однихъ паровъ голова кругомъ шла; потомъ про Аполлона Григорьева со Львомъ Меемъ, какъ эти оба поэта, по вдохновенію, одновременно другъ къ другу навстрѣчу на Невскій выходили, и потомъ презрительно отозвался про пышнѣвшихъ литераторовъ и художниковъ, которые нить совѣмъ не умѣютъ.

Тутъ я что-то возразилъ, что тогда былъ вѣкъ романтизма и поэзіи и были и писатели такого характера, а нынче вѣкъ гражданскихъ чувствъ и свободы...

Но только-что я это вымолвить, дядя мой такъ и закипѣлъ.

— Ахъ, вы, говорить, чухонцы такіе: и вы смѣете романтиковъ не уважать? Какія такія у васъ гражданскія чувства? Откуда вамъ свобода возьмется? Да вамъ и вольности-то ваши дворянскія Дмитрій Васильевичъ Волковъ писалъ, запертый на замокъ вмѣстѣ съ датскимъ кобелемъ, а вамъ это любо? Ну, такъ вотъ за то же вамъ кукнишъ будетъ подъ носъ изъ всѣхъ этихъ вольностей: люднишекъ у васъ, это, отобрали... Что, вѣдь отобрали?

— Ну, и что жъ такое: мы очень рады.

— Ну, а теперь въ рекруты пойдете?

— И пойдемъ-съ, и гордимся тѣмъ, что это начинается съ нашего времени.

Но тутъ дядя вдругъ началъ жестоко глумиться надъ

всѣмъ нашимъ временемъ и пошелъ, милостивые государи, что же доказывать, что нѣтъ, говорить, у васъ на Руси ни аристократовъ, ни демократовъ, ни патриотовъ, ни измѣнниковъ, а есть только одна деревенская попадья.

Согласитесь, что это Богъ знаетъ, что за странный выводъ, и съ моей стороны весьма простиительно было сказать, что я его даже не понимаю, и думаю, что и самъ-то онъ себя не понимаетъ и говорить это единственно по поводу рюмки желудочной водки, стакана англійскаго пива да бутылки французскаго шампанскаго. Но представьте же себѣ, что вѣдь нѣтъ-съ: онъ еще пошелъ со мной спорить и отстаивать свое обидное сравненіе всего нашего общества съ деревенскою попадьею, и на какомъ же основаніи-съ? Это даже любознательно.

— Ты гляди, говорить, — когда деревенская попадья въ церковь придетъ, она не стоитъ какъ всѣ люди, а все туда-сюда егозить, ерзаетъ, да напередъ лѣзетъ, а скажетъ ей добрый человѣкъ: «чего ты, шальная, егозишь въ Божьемъ храмѣ? молись потихонечку», такъ она еще обижается и обругаетъ: «ишь, дуракъ, молъ, какой выдумалъ: какой это Божій храмъ—это наша съ батюшкой церковь». И у васъ, говорить, ужъ нѣтъ ничего Божьяго, а все только «ваше съ батюшкой».

И за то, говорить, — все, чѣмъ вы расхвастались, можно у васъ назадъ отнять: однихъ крестьянъ назадъ не закрѣпить, а васъ, либераловъ, всѣхъ можно какъ слесаршу Пошленкину и унтеръ-офицерскую жену на улицѣ выпоротъ и доложить ревизору, что вы сами себя выпороли.. и сойдеть, какъ на собакѣ присохнетъ, лучше чѣмъ ветаръ присыхало; а ужъ меня не выпорютъ.

Но тутъ я, милостивые государи, оказался совершенно слабъ и помню только, что дядя какъ будто подсовывалъ мнѣ подъ голову подушку, а самъ, весь красненькій, бурчалъ:

— Нѣтъ-съ: слуга вашъ покорный, а ужъ я удеру, и вамъ меня пороть не придется!

На этомъ мѣстѣ, однако, для меня уже все кончилось, и я нѣсколько минутъ видѣлъ самого моего дядю деревенскою попадьею и хотѣлъ его спросить: зачѣмъ это онъ не молится тихо, а все егозить да ерзаетъ, но это оказалось сверхъ моихъ возможностей.

Получилъ я назадъ даръ слова не скоро, и это случилось такимъ образомъ: увидѣлъ я себя въ полумракѣ незнакомой комнаты, началъ принимать: «гдѣ я и что это такое?»

Кое-какъ припомнилъ вчерашній загулъ и начинаю думать:

«А хорошо ли это? А что сэръ Чаннингъ-то пишетъ? Ну, дядя, ужъ я вамъ за то вычитаю канонъ, что вы меня опонили».

И съ этимъ, знаете, встаю... А гдѣ же дядя? А его и слѣдъ простылъ.

Звоню.

Входитъ лакей.

— Который часъ? любопытствую.

— Восьмой-съ, говоритъ.

— Стало-быть, еще не разсвѣтало?

— Нѣтъ-съ, ужъ это, говоритъ,—опять смерклося.

Представьте себѣ, это я, значить, почти сутки проспалъ.

Стыдно ужасно предъ лакеемъ! Что же это такое—народу проповѣдуемъ о трезвости, а сами...

Достойный примѣръ!

— Дайте, говорю,—поскорѣ мнѣ счетъ.

— Да счетъ, отвѣчаетъ,—еще вчера-съ этотъ господинъ заплатили.

— Какой господинъ?

— А что съ вами-то былъ.

— Да онъ гдѣ же теперь?

— А они, говоритъ,—еще вчера ушли-съ. Заплатили-съ, спросили бумаги, что-то тутъ вамъ написали и ушли.

— Скорѣй дайте мнѣ огня и эту бумагу.

Человѣкъ исполнилъ мою просьбу, и я, поддерживая одною рукою больную голову, а другою листъ сѣрой бумаги, прочелъ:

«Не сердись, что я тебя подопилъ. Дѣло опасное. Я не хочу, чтобы и тебѣ что-нибудь досталось, а это неминуемо, если ты будешь знать, гдѣ я. Пожалуйста, иди ко мнѣ на квартиру и жди отъ меня извѣстій».

Можете себѣ представить этакой сюрриризь, да еще на больную голову!

ГЛАВА ВОСЕМЬДЕСЯТЬ ДЕВЯТАЯ.

Прихожу я на дядину квартиру, — все въ порядкѣ, но чловѣкъ въ большомъ затрудненіи. что дяди не ночевалъ дома, и до сихъ поръ его нѣтъ.

— А два офицера, это, любопытствую,—не приходили?

— Какъ же-съ, говорить,—приходили: они и утромъ два раза приходили, и въ пять часовъ вечера были, и сейчасъ опять только вышли, и снова обѣщали, часовъ въ одиннадцатъ, быть.

— Тыфу ты, что это за пропастъ такая!

Съ досады и съ немочи вчерашняго кутежа я ткнулся въ мягкій диванъ и ну спать... и спать, спать, спать, перевидавъ во снѣ живыми всѣхъ покойниковъ, и Нестора Кукольника, и Глинку, и Григорьева, и Панаева, и цѣлую Русь деревенскихъ понадей. и— вдругъ слышу: дзынь-дзынь, брязь-брязь...

— Встаньте-съ, — говорить мнѣ дядинъ слуга: — отбою вѣдь нѣтъ,—вотъ уже и нынче третій разъ приходятъ. «Дядюшки, говорятъ, нѣтъ, такъ хоть племянника буди».

— Вотъ те и разъ! Госноди, да я-то имъ на что?

— А ужъ не могу доложить, но только спросили, сочинитель вы или нѣтъ?..

— Ну, а ты же, молъ, что отвѣтилъ?

— Я такъ, говорить,—и отвѣтилъ, что вы сочинитель, и вотъ они васъ ждуть.

— Отцы мои небесные! да что же это за наказаніе такое? — спросилъ я, возведя глаза мои къ милосердому Небу.— Ко мнѣ-то что же за дѣло? Я-то что же такое сочинилъ?.. Меня только всю мою жизнь ругаютъ и ужъ давно доказали и мою отсталость, и неспособность, и даже мою литературную... безчестность... Да, такъ, такъ: нечего конфузиться — именно безчестность. — Гриша, говорю, — голубчикъ мой: пошлѣ тамъ на полкахъ хорошихъ газетъ, гдѣ меня ругаютъ, вынеси этимъ господамъ и скажи, что они не туда пошлѣ.

Лакей Гриша съ малороссійской флегмою направился къ полкамъ, а я уже было хотѣлъ уползти и удрать чернымъ ходомъ, какъ вдругъ эти-то канальскія черныя двери прѣотворились и изъ-за нихъ высунулась бѣлокурая головка

съ усиками, и нѣжный голосокъ самую музыкальную ноту прозвенѣлъ:

— Excusez-moi, si je ne suis pas venu... съ того хода, гдѣ слѣдовало, но намъ такъ долго не удавалось къ вамъ проникнуть...

— Ничего-съ, отвѣчаю, — сдѣлайте милость, не извиняйтесь.

— Нѣтъ, не извиняться нельзя, но знаете... какъ быть: служба... и не радъ, да готовъ.

— Конечно, говорю, — конечно. Чѣмъ, однако, прикажете служить?

— Вотъ, мой товарищъ, — позвольте вамъ представить, поручикъ, — онъ тутъ назвалъ какую-то фамилію и вытянулъ изъ-за себя здороваго кундона съ красивымъ лицомъ и русыми котелками на вискахъ.

Я поклонился отрекомендованному мнѣ гостю, который при этомъ поправилъ усь и португезъ и положительно крикнулъ, какъ бы заявивъ этимъ, что онъ человѣкъ не робкаго десятка.

«Да мнѣ-то, думаю, что такое до васъ? По мнѣ, вы какіе ни будьте, я васъ и знать не хочу», и сейчасъ же самъ крикнулъ, и объявилъ имъ, что я здѣсь не хозяинъ и что хозяина самого, дяди моего, нѣту дома.

— Какъ же это такъ? Вы намъ скажите, пожалуйста, гдѣ онъ? Vous n'y regarderez rien, между тѣмъ какъ намъ это очень пужно.—говорилъ, сѣменя, юнѣйшій гость мой, между тѣмъ какъ старѣйшій строго молчалъ, опираясь на столъ рукою въ бѣлой замшевой перчаткѣ.

— Нѣтъ, вы, Бога ради, скажите, гдѣ вашъ дядюшка? мы его разыщемъ.—приставалъ младшій.

— Рѣшительно, говорю, — не знаю: что хотите — не знаю. Самъ даже этимъ интересуюсь, но все тщетно.

— Это изумительно.

— А однако это такъ.

— Ну, въ такомъ разѣ позвольте за васъ взяться.

Я смѣшался.

— Что? что такое? какъ за меня взяться?

— А вотъ вы сейчасъ съ этимъ познакомитесь, — отвѣчалъ гость, вытаскивая изъ кармана и предлагая мнѣ конвертъ съ большою печатью.

— Прошу, говорить,— вскрыть.

Почего дѣлать: принимаю трепещущими руками этот конвертъ; вскрываю его; вытаскиваю оттуда листъ велеиной бумаги, на которомъ картиннѣйшимъ писарскимъ почеркомъ написано... «Къ ней». Да-съ; ни болѣе, ни менѣе, какъ стихотвореніе, озаглавленное «Къ ней».

ГЛАВА ДЕВЯТИДЕСЯТАЯ.

Протеръ глаза еще разъ, взглянулъ—все то же самое—и сверху паднись «Къ ней»...

Я обидѣлся и разсердился и, не соображая уже никакихъ послѣдствій, спросилъ съ досадою: «это еще что такое?»

— А это, отвѣчаетъ мнѣ младшій изъ моихъ гостей:— на сихъ дняхъ въ балетѣ бенефисъ одной танцовщицы, которая... съ ней очень многія важныя лица знакомы, потому что она не только танцуетъ, но... elle visite les pauvres и...

— Но, позвольте, возражаю, — что же мнѣ до нея за дѣло?

— Совершенно вѣрно, совершенно вѣрно: вамъ нѣтъ до нея никакого дѣла, и она ни для кого никакого прямого значенія не имѣетъ, но... les jeunes gens font foule chez elle... и стараются услугами... совершенно невинными... невинными ей услугами доставить удовольствіе одному... очень, очень почтенному и вліятельному лицу. Онъ человѣкъ уже, конечно, не первой молодости и въ эти годы, знаете, женщина для человѣка много значить и легко пріобрѣтаетъ надъ нимъ вліяніе. Согласитесь, что все это вѣрно?

— Отлично-съ, говорю,—но что же мнѣ до этого за дѣло?

Гость обидѣлся.

— Я, говорить,—и не настаиваю, что *вамъ* есть до этого дѣло, но я прошу у васъ помощи и совѣта.

— А, это, молъ, другое совѣтъ дѣло и, успокоенный, прошу гостей садиться.

Офицеры поблагодарили, присѣли и младшій опять началъ:

— Генераль Постельниковъ, именемъ котораго мы рѣшились дѣйствовать, совѣтъ объ этомъ не знаетъ. Да-съ: онъ насъ сюда не посылалъ, а это мы сами, потому что, встрѣтивъ въ спискахъ фамилію вашего дядюшки и зная, что ваша семья такая литературная...

Ну, ужь тутъ я, видя, что мой гость затрудняется и не знаетъ, какъ ему вынутаться, не сталъ ему помогать никакими возраженіями, а предоставилъ все собственному его уму и краснорѣчію—пусть, молъ, какъ знаетъ, не спѣша, изъяснится. Онъ, бѣднякъ, и изъяснялся, и попотѣлъ-таки, попотѣлъ, пока одолѣлъ мою безновятливость, и зато во всѣхъ подробностяхъ открылся, что онъ желаетъ быть замѣченнымъ генераломъ Постельниковымъ, и потому хочетъ преподнести его танцовщицѣ букетъ и стихи, но что стихи у него вышли очень плохи и онъ проситъ ихъ поправить.

«Такъ вотъ, думаю, чѣмъ весь этотъ переполохъ объясняется! Бѣдный мой дядя: за что же ты гибнешь?» И съ этимъ я вдругъ расхрабрился, кричу: «человѣкъ, чаю памь!»—Господа, прошу васъ закурить сигары, а я сейчасъ... и, дѣйствительно, я въ ту же минуту присѣлъ и поправилъ, и даже ужь, самъ не знаю, какъ поправилъ офицерское стихотвореніе «Къ ней», и пожелалъ автору поправиться балетной феѣ и ея покровителю.

— Ахъ, да! я цѣню вашу дружбу,—отвѣчалъ со вздохомъ мой гость:—цѣню и ваше доброе желаніе, но нашъ генералъ, нашъ бѣдный добрый генералъ... онъ теперь въ такомъ положеніи, что *il s'émert d'un rien*. и нельзя поручиться, въ какомъ состояніи онъ будетъ въ этотъ моментъ.

Я любопытствовалъ, что же такое отравляетъ драгоценное спокойствіе генерала Постельникова.

— Ахъ, это то же самое-съ, я думаю, что отравляетъ нынче спокойствіе многихъ и многихъ людей въ нашемъ отечествѣ... Это, въ самомъ дѣлѣ, иначе даже не можетъ и быть для истинныхъ европейцевъ: я молодъ, я еще, можно сказать, незначителенъ и не чувствую всего этого такъ близко. Но... но и я... *je déplore les maux de ma patrie*. Но онъ, нашъ генералъ, онъ, который помнить все это въ иномъ видѣ, когда эта «дурная болѣзнь», какъ мы это называемъ, еще робко кралась въ Россію подь контрабандными знаменами Герцена, но Герценъ, помилуйте... Герцена только забили; онъ былъ заѣденъ средою и сталъ рѣзокъ, но онъ все-таки былъ человѣкъ просвѣщенный и остроумный,—возьмите хоть однѣ его клочки «трехполѣнный», трехполѣнный, вѣдь это все острота ума, а теперь...

«Господи!.. что, думаю, за несчастье: еще какой такой Филимонъ угрожаетъ моеѣ робкой роднѣ?» Но оказывается, что этотъ новый злополучный Филимонъ этого поваго, столь прекраснаго и либеральнаго времени есть разыскиваемый въ зародышѣ *Русскій Духъ* или, на бонтонномъ языкѣ современнаго бонтона, «дурная болѣзнь» нашего времени, для запугиванія котораго ее соединяють въ одну семью со всеѣми семью язвами Египта.

— Трудное же, говорю,—господа, вамъ дѣло досталось—ловить русскій духъ!

— Чрезвычайно трудное-съ: еще ни одно наше поколѣніе ничего подобнаго не одолѣвало, но зато-съ мы, и только мы, первые, съ сознаниемъ можемъ сказать, что мы уже не прежнія вздорныя пезабудки, а мы — сила, мы оппозиція, мы идемъ противъ невѣжества массы и, по теоріи Дарвина, будемъ до истощенія силъ бороться за свое существованіе. *Quoi qu'il arrive*, а мы до новолунія дадимъ генеральное сраженіе этому русскому духу.

— Да, было бы, говорю,—еще гдѣ его искать?

— О, не безпокойтесь: онъ такого свойства, что самъ скажется! Теперь его очень хорошо все понемножку издали по носу, да по носу! это очень тонкая тактика! Онъ этого долго не стерпитъ наконецъ и откуда-нибудь брызнетъ и залахнеть. *J'espère, que moitié de force, moitié de gré* мы скоро заставимъ его высказаться, и тогда вы увидите, что всеобщее мнѣніе о безполезности нашего учрежденія есть черная клевета. Благодарю васъ, что поправили мнѣ стихи. Прощайте... Если что-нибудь будетъ нужно... пожалуйста: я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ... что вы смотрите на моего товарища? — не безпокойтесь, онъ нѣмецъ, и ничего не понимаетъ ни по-французски, ни по-русски: я его беру съ собой для того только, чтобы не быть одному, потому что, знаете, про нашихъ немножко нехорошая слава прошла изъ-за одного человѣка, но, впрочемъ, и у нихъ тоже, у господъ нѣмцевъ-то, этотъ Пихлеръ... Ахъ, нехорошо-съ, нехорошо, очень нехорошо: впередъ ручаюсь, его нарочно осудятъ наши мужики! Ну, да чертъ ихъ возьми. Поклонитесь вашему дядюшкѣ и скажите ему, что генераль, еще недавно вспомяная о немъ, говорилъ, что онъ имѣлъ случай представлять о его почтенныхъ трудахъ для этихъ, какъ они... госпиталей или

больницъ и теперь въ самыхъ достойныхъ кружкахъ *tout le monde révère sa vertu.*

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ПЕРВАЯ.

Съ этимъ мы распростились, но я не могъ исполнить порученія моего гостя и передать моему дядѣ уваженія, которымъ *tout le monde* почтитъ *sa vertu.* потому что дяди мой не появлялся въ свое жилище. Оказалось, что съ перепугу, что его ловить и преслѣдуютъ на суровомъ сѣверѣ, онъ ударился удирать на чужбину черезъ нашу теплую югу, но здѣсь съ нимъ тоже случилась маленькая неприятность, не совсѣмъ удобная въ его почтенные годы: на сихъ дняхъ я получилъ увѣдомленіе, что его какой-то армейскій капитанъ везначай выпоротъ на улицѣ въ Одессѣ, во время недавнихъ сраженій грековъ съ жидами, и добродѣтельный Орестъ Марковичъ Ватажковъ столь удивился этой странной неожиданности, что, возвратясь выпоротый къ себѣ въ номеръ, благополучно скончался «естественною смертью», оставивъ на столѣ билетъ на пароходъ, съ которымъ долженъ былъ уѣхать за границу вечеромъ того самаго дня, когда пѣхотный капитанъ высѣкъ его на тротуарѣ, неподалеку отъ зданія новой судебной палаты.

Впрочемъ, къ гордости всѣхъ русскихъ патриотовъ (если таковые на Руси возможны), я долженъ сказать, что многострадальный дядя мой, несмотря на всѣ свои западническія симпатіи, отошелъ отъ сего міра съ пламенной любовью къ родинѣ и въ доставленномъ мнѣ посмертномъ письмѣ начерталъ слабою рукою: «Извини, любезный другъ и племянникъ, что пишу тебѣ весьма плохо, ибо пишу лежа на живогѣ, такъ какъ другой позиціи въ ожиданіи смерти приспособить себѣ не могу, благодаря скорострѣльному капитану, который жестоко зарядилъ меня съ казенной части. Но находясь въ семъ положеніи за жиновъ и грековъ, которыхъ не имѣлъ чести познать до этого пріятнаго случая, я утѣшаюсь хоть тѣмъ, что умираю выпоротый все-таки самими моими соотчичами и тѣмъ кончаю съ милой родиной всѣ мои счеты, между тѣмъ какъ тебя соотечественники еще только передали на судъ онѣмеченныхъ и провозвѣявшихся кляпкой ревельскихъ чухонъ за недостатокъ почтенія къ исключенному за демонстраціи противъ прави-

тельства деритскому нѣмецкому студенту, предсказывавшему, что наша Россія должна разлетѣться «wie Rauch».

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ВТОРАЯ.

Что же засимъ? — герой этой, долго утомлявшей читателя повѣсти умеръ, и умеръ, какъ жить, среди странныхъ неожиданностей русской жизни, такъ незаслуженно несущей покоръ въ однообразіи, — пора кончить и самую повѣсть съ пожеланіемъ всѣмъ ее прочитавшимъ — силы, терпѣнія и любви къ родинѣ, съ полнымъ упованіемъ, что пусть, но пословицѣ, «велика растетъ чужая земля своей похвальбой, а наша крѣпка станетъ своею хайкою».

Оглавленіе

XV ТОМА.

Смѣхъ и горе.

	СТР.
Глава первая	5
Глава вторая	7
Глава третья	8
Глава четвертая	12
Глава пятая	16
Глава шестая	18
Глава седьмая	19
Глава восьмая	21
Глава девятая	24
Глава десятая	27
Глава одиннадцатая	28
Глава двѣнадцатая	30
Глава тринадцатая	34
Глава четырнадцатая	34
Глава пятнадцатая	36
Глава шестнадцатая	37
Глава семнадцатая	39
Глава восемнадцатая	40
Глава девятнадцатая	42
Глава двадцатая	44
Глава двадцать первая	46
Глава двадцать вторая	47
Глава двадцать третья	49
Глава двадцать четвертая	50
Глава двадцать пятая	52
Глава двадцать шестая	53

	стр.
Глава двадцать седьмая	54
Глава двадцать восьмая	56
Глава двадцать девятая	57
Глава тридцатая	58
Глава тридцать первая	59
Глава тридцать вторая	60
Глава тридцать третья	63
Глава тридцать четвертая	64
Глава тридцать пятая	65
Глава тридцать шестая	66
Глава тридцать седьмая	69
Глава тридцать восьмая	70
Глава тридцать девятая	72
Глава сороковая	74
Глава сорок первая	75
Глава сорок вторая	75
Глава сорок третья	78
Глава сорок четвертая	80
Глава сорок пятая	81
Глава сорок шестая	84
Глава сорок седьмая	86
Глава сорок восьмая	88
Глава сорок девятая	89
Глава пятидесятая	93
Глава пятьдесят первая	94
Глава пятьдесят вторая	98
Глава пятьдесят третья	102
Глава пятьдесят четвертая	103
Глава пятьдесят пятая	106
Глава пятьдесят шестая	110
Глава пятьдесят седьмая	112
Глава пятьдесят восьмая	113
Глава пятьдесят девятая	115
Глава шестидесятая	116
Глава шестьдесят первая	119
Глава шестьдесят вторая	123
Глава шестьдесят третья	125
Глава шестьдесят четвертая	128
Глава шестьдесят пятая	130
Глава шестьдесят шестая	131

	стр.
Глава шестьдесят седьмая	133
Глава шестьдесят восьмая	135
Глава шестьдесят девятая	137
Глава семьдесятая	139
Глава семьдесят первая	142
Глава семьдесят вторая	143
Глава семьдесят третья	150
Глава семьдесят четвертая	151
Глава семьдесят пятая	156
Глава семьдесят шестая	159
Глава семьдесят седьмая	161
Глава семьдесят восьмая	163
Глава семьдесят девятая	166
Глава восемьдесятая	171
Глава восемьдесят первая	173
Глава восемьдесят вторая	174
Глава восемьдесят третья	176
Глава восемьдесят четвертая	178
Глава восемьдесят пятая	180
Глава восемьдесят шестая	181
Глава восемьдесят седьмая	182
Глава восемьдесят восьмая	184
Глава восемьдесят девятая	187
Глава девятидесятая	189
Глава девяносто первая	192
Глава девяносто вторая	193

**University of Toronto
Library**

**DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET**

**Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED**

UTL AT DOWNSVIEW

D RANGE BAY SHLF POS ITEM C
39 14 23 05 05 011 9

Рисунокъ утвержд Правительствомъ.